

С.М.
СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ
1749–1761

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших
времен. Книга XII. 1749–1761
Серия «История России с
древнейших времен», книга 12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122418

Аннотация

В двенадцатую книгу сочинений С.М. Соловьева включены двадцать третий и двадцать четвертый тома «Истории России с древнейших времен», освещающие события последних тринадцати лет царствования императрицы Елизаветы Петровны – с 1749 г. вплоть до ее смерти в 1761 г.

Содержание

Двадцать третий том	4
Глава первая	4
Глава вторая	176
Конец ознакомительного фрагмента.	282

**Сергей Михайлович
Соловьев
«История России с
древнейших времен»
Книга XII. 1749—1761**

Двадцать третий том

Глава первая

**Продолжение царствования императрицы
Елисаветы Петровны. 1749 и 1750 годы**

Москва в 1749 году; заботы о ее восстановлении. — Распоряжения на случай опасности со стороны Швеции, распоряжения по флоту и армии. — Увеличение цены вина и соли. — Распоряжения о инородцах. — Призыв беглых. — Меры о сохранении народного здоровья. — Меры против раз-

боев. — Столкновения между частями городского населения. — Сопротивление беглых крестьян в Брянске. — Магистраты. — Воеводы и полиция. — Положение фабрик и заводов. — Жалоба русских купцов на иностранных браковиков. — Коллегии. — Столкновение членов Синода с обер-прокурором кн. Шаховским. — Издание Библии. — Жалобы Синода на дурное обращение светских лиц с духовенством. — Запрещение книг и вещей на религиозных основаниях. — Состояние Малороссии. — Восстановление гетманства в Малороссии. — Деятельность Неплюева в Оренбургском крае. — Борьба с инородцами в Северо-Восточной Сибири. — Отношения к европейским державам. — Положение канцлера Бестужева. — Прекращение дипломатических сношений с Пруссией. — Сношения с Австриею по поводу православных ее подданных. — Сношения с польско-саксонским двором. — Вопрос курляндский. — Неудачная попытка Морица Саксонского. — Действия Никиты Ив. Панина в Стокгольме, Корфа в Копенгагене, Неплюева в Константинополе.

Ломоносов имел право в своей оде представить старую, испепеленную, полуразрушенную Москву, ждущую восстановления от приезда Елисаветы. Действительно, пребывание императрицы в Москве в продолжение 1749 года было полезно для древней столицы, так сильно пострадавшей от пожаров. Москва больше всего страдала теснотою в са-

мых населенных частях своих, что вело, с одной стороны, к частым истребительным пожарам, а с другой – заражало воздух. После Смутного времени, при новой династии, уже видим стремление царей высвободиться, хотя временно, из кремлевской тесноты на простор подгородных мест. При царе Михаиле таким царским местопребыванием становится село Покровское, при царе Алексее – Измайлово, потом Преображенское, которое при Петре так тесно соединяется с Немецкою слободою. Вследствие этого XVII и XVIII века видят новую Москву, Москву яузскую, в противоположность старой, омываемой Москвою-рекою и Неглинною. Но между тем в старой Москве становится просторнее как вследствие отъезда двора и выселения знати на новые приязские места, так особенно вследствие пожаров; в Кремле становится возможным жить людям, привыкшим к петербургскому простору, которые в начале века не могли выносить кремлевской тесноты и зловония. Кроме того, старая Москва брала верх своими святыми и славными древностями, и с половины XVIII века начинают думать, как бы опять перенести царское местопребывание в Кремль.

Здесь становилось просторнее; но в торговом Китае-городе была сильная теснота. Камер-коллегии, Главному магистрату, Московской губернской и полицмейстерской канцеляриям с присоединением комиссии из купечества поручено было составить план для очищения Китая-города, и план был составлен в мае месяце 1749 года: скамьи, камен-

ные приступки и другие загромождающие пространство постройки предположено сломать, препятствующие проезду погребов засыпать. Сенат велел привести этот план в исполнение. Сенату было представлено, что на Всесвятском мосту, единственном каменном в Москве, находятся лавки и палатки, в которых живут люди и которые стоят непокрыты, отчего этим лавкам и палаткам, да и мосту самому может быть не без повреждения; Сенат распорядился, чтоб покрыли их. Мост требовал починки; починку эту принял на себя крестьянин Кузнецов с торгов за 8120 рублей, с тем чтоб позволено было ему при мосту построить разные мельницы; оброчка с них он платить не будет, но будет в продолжение десяти лет содержать мост в исправности. Но приискали указ императрицы Анны, в котором говорилось, что мельницы вредят Всесвятскому мосту: ежегодно надобно его чинить, потому что для мельниц между быков сделана плотина, весною здесь лед спирается и ломает быки; особенно выше и ниже плотины год от году все более вырывает землю и насыпало остров, отчего небезопасно всему мосту, и потому велено все мельницы сломать. Кузнецова стали уговаривать взять починку моста безусловно; он согласился, но уже за 8700 рублей.

Петербургских гостей в Москве поразило явление, которое прежде оставалось незамеченным. Несмотря на указ Петра Великого 1722 года, запрещающий отпускать колодников на связках просить милостыню, Сенат усмотрел, что многие колодники, пытаные, в рубищах, до такой степени

ветших, что тело едва прикрыто лоскутьями, стоя, скованные, на Красной площади и по другим большим улицам, просят милостыню необыкновенно, нараспев, с криком, также ходят по рядам и по всей Москве по улицам. Сенат приказал колодников, которые сами себя прокормить не могут, отсылать на казенные работы и давать заработной платы по две копейки на день человеку, а которые содержатся в исках, тех кормить истцам. Замечено было и другое явление, более чем неприятное: до самой императрицы дошло, что господские люди не только ночью, но и днем проезжих бьют и грабят; дошло это потому, что прибит был и ограблен камердинер великого князя: лавочники и проезжие видели, но помощи никакой не подали, также и обывательский караул. Летом донесено было Сенату, что в Москве всякий хлеб продают очень высокими ценами, отчего народу немалая тягость, а Московский магистрат не только не старается об уменьшении таких чрезвычайных цен, но и не присылает в Главную полицию ведомостей о ценах: за март месяц прислана ведомость в половине апреля; в марте рожь продавалась по семи гривен, а в июне продают не меньше полутора рублей, муку – по 180 копеек, и скоро будет продаваться дороже двух рублей.

Императрица посещала и московские окрестности – село Софьино, забавный дом Перово – и оставалась там по несколько дней. Свои именины, 5 сентября, она провела в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим). 22 декабря

она возвратилась в Петербург; но о Москве надобно было заботиться и по отъезде двора. В мае 1750 года узнали, что часть каменной стены Белого города упала и задавила несколько человек. Ветхости кремлевских стен и башен взялись исправить подрядчики в два года за 12950 рублей; а по Китаю и Белому городу, где стены и башни обвалились или грозят падением, велено чинить, не упуская летнего времени, с крайним осмотрением и бережением казны, без передачи из не положенных в штат доходов. При этих починках нашли клад особого рода: в угольном погребе у Тайнинских ворот нашли соль-бузун в ветхих кулях; спросили Дворцовую канцелярию и Соляную контору и получили ответ, что об этой соли у них никакого известия не имеется.

Хотели обмануть надежду тех, которые думали, что удаление двора в Москву на целый год помешает энергическим мерам России ввиду опасности, грозившей со стороны Швеции: военные приготовления, вооружение флота и движение сухопутных войск к финляндским границам шли усиленно и давали много забот Сенату в финансовом отношении. Адмиралтейская коллегия доносила в январе 1749 года, что велено вооружить некоторую часть корабельного флота и отправить в море в мае месяце; а галерный флот, сколько есть наличных галер, все приготовить, и морских провизий на эти корабли и галеры заготовить на четыре месяца; затем и весь корабельный флот, сколько годных к службе кораблей и фрегатов находится, к будущей кампании велено испра-

вить и вооружить, чтобы в нужном случае по первому указу могли выступить в море. Для этих приготовлений теперь самое удобное время, но коллегия в денежной казне имеет крайний недостаток и вследствие многочисленных доимок в сборах, определенных на Адмиралтейство с губерний и провинций, и надежды предвидеть не может, чем бы это вооружение флотов исправить. Необходимо иметь 361266 рублей; эта сумма должна быть употреблена прежде выхода флота в море, и то только на те корабли и фрегаты, которые должны выступать в мае; теперь в Адмиралтействе в наличности и 10000 рублей не будет, да и те деньги употребятся на жалованье служителям, которые за майскую треть 1748 года сполна еще не получили жалованья. Поступление денег с положенных на Адмиралтейство сборов начнется не ранее нескольких месяцев; на Штатс-конторе долгу за 1747 и 1748 годы 142218 рублей, но этого долга, несмотря на многократные требования, Штатс-контора не платит да еще доимку в 97984 рубля зачитает в счет других издержанных посторонних сборов; с 1740 по 1747 год в положенной сумме на Адмиралтейство продолжается до сих пор доимка больше миллиона, и об этой доимке коллегия не раз представляла Сенату и требовала ее; Сенат велел Штатс-конторе сделать счет, который и сочиняется, но по этому счету контора показывает немалые зачеты, о которых требуется обстоятельного рассмотрения; впрочем, и за теми зачетами, хотя бы они и справедливы были, все же в доимке остается до 450000 рублей.

Сенат приказал Штатс-конторе отпустить в Адмиралтейскую коллегию немедленно 71109 рублей, также как можно скорее окончить с нею все счета и, что явится в недосылке, отпустить сейчас же. В феврале новое доношение: баронам Строгановым и прочим соляным промышленникам для поставки соли за недостатком наемных работников оказывается немалое вспоможение особым нарядом уездных крестьян, в прошлом году было наряжено 4000 человек; а высочайший интерес требует, чтоб и флот был в исправном состоянии, и хотя коллегия заготовление лесов и не упускает, но доставка их за недостатком рабочих людей идет очень медленно, леса на пристанях остаются и теперь не иначе могут уместиться как на 112 судах, на которые рабочих надобно до 3000 человек, а по примеру. найма рабочих прошлого года может отправиться из пристани только 29 судов, затем прочие леса останутся опять на пристанях; потому требует коллегия нарядить в Казанской, Нижегородской, Московской и Новгородской губерниях до 1500 человек; а чтоб были все 3000 человек, то позволить нанимать и с письменными паспортами. Сенат сначала не согласился, но потом должен был для возки дубового леса велеть нарядить до 1500 человек уездных людей, а 3000 остальных позволил нанимать с письменными паспортами. Наступил май месяц, когда флоту надобно было выходить в море, а Адмиралтейская коллегия снова объявляет, что для этого выхода нужно не менее 100000 рублей, у нее налицо только 17401 рубль, а Штатс-контора

к платежу показывает невозможность, следовательно, флота выпустить не на что; несмотря на запрещения, Штатс-контора и Камер-коллегия посылают указы, по которым принадлежащие Адмиралтейству доходы употребляются на посторонние расходы; так, в Нижегородской губернии Камер-коллегия употребила на свои расходы 11554 рубля; с Олонца определено получать Адмиралтейству по 21300 рублей, этой суммы за разными изнеможениями никогда в платеже сполна не бывает, и на 1748 год не заплачено 13018 рублей; с Киевской губернии назначенная сумма 10487 рублей почти всегда употребляется мимо Адмиралтейства в другие расходы. Сенат приказал: с монетных дворов из капитальной суммы отпустить в Адмиралтейство 50000 рублей, а возратить эту сумму из недосланных в Адмиралтейство сборов за прошлые годы. В мае 1750 года Адмиралтейская коллегия потребовала доимочной на Камер-коллегии и Штатс-конторе суммы – 155925 рублей – на покупку провианта и пеньки; Сенат велел доставить себе немедленно ведомости из присутственных мест, где сколько имеется наличной денежной казны. Относительно флота в это время было определено содержать: стопушечный корабль – один, осмидесятипушечных – 8, таким образом, первого ранга – 9 кораблей; второго ранга (66-пушечных) – 15; третьего ранга (54-пушечных) – три, всего 27 кораблей, то же число, какое было и в 1720 году; фрегатов 32-пушечных – шесть. При Петре Великом было шесть шнав, но теперь признали за лучшее оставить

только две, а четыре заменить пакетботами, ибо последние в разные посылки удобны, и море терпеть могут надежнее, и строением в крепости лучше; кроме того, определено иметь два прама и три бомбардирских корабля.

В мае 1750 года Сенат был встревожен известием, что из сербского и венгерского гусарских полков 59 человек подали просьбы об увольнении. Сенат велел осведомиться, отчего это, нет ли им какого неудовольствия? Бригадир Виткович сообщил, что единственная причина неудовольствия заключается в несвоевременной выдаче порционных и рационных денег, ибо хотя окладное жалованье по шести рублей по третям всегда получают исправно, но этого жалованья стает только на нижнюю одежду и харчи; а лошадьми, оружием, мундиром, амунициею, палатками должны содержать себя на порционные и рационные деньги, которые отпускаются по прошествии двух, а большею частию и трех третей, и в промежутках этих отпусков гусары впадают в немалые долги. В 1749 году из определенной на нерегулярные полки суммы из доходов Штатс-конторы больше 65000 рублей недослано, да на той же Штатс-конторе одного провиантского долга на 1747 год больше 240000 рублей. И теперь в Цесарскую область отправляются офицеры для вербования в гусарские полки, и хотя людей прибавится, но если опять так долго не будут платить им денег, то надежда вперед иметь отсюда гусар в здешней службе исчезнет; притом надобно опасаться, чтоб от нестерпимой скудости гусары не впали в свое-

вольства и грабежи, о чем на них уже и жалобы были, или ударятся в побеги, как было в 1749 году. Получив это объяснение, Сенат приказал: чтоб удержать гусар в службе, удовлетворить их поскорее деньгами, для чего взять заимообразно у Военной коллегии, а вместо недосланной суммы в Военную коллегию отпустить прямо из Берг-конторы 100000 рублей из полученных за проданное железо денег, и Штатс-конторе крайнее старание иметь, чтоб впредь на гусарские полки деньги не задерживались.

Сенат велел Штатс-конторе отпустить в Артиллерийскую канцелярию 25000 рублей для укомплектования артиллерии; но Штатс-контора прислала только 8000 да еще зачитывала в ту же сумму деньги, отпущенные в Ригу на фортификационные расходы. Военная коллегия просила Сенат по этому случаю рассмотреть и пресечь рассуждения и вошедшие в обычай отговорки Штатс-конторы, которая только по упрямству продолжает зачитывать 5000 на фортификационные работы, тогда как они к артиллерии вовсе не относятся; Сенат велел Штатс-конторе отпустить в Артиллерийскую канцелярию требуемые деньги без зачетов. Тогда же Провиантская канцелярия доносила, что в 1749 году подрядная цена в Риге за рожь (за куль в полосма пуда) была рубль 70 копеек, а теперь купцы не берут меньше рубля 99 копеек, за крупу – 2 р. 76 копеек; в Провиантской канцелярии денег почти ничего нет, а в Риге торги не состоялись, потому что там рожь стоит 2 р. 60 копеек. В июле 1750 года Штатс-контора

доносила, что на лейб-компанию жалования на сентябрьскую треть 1747 года и январскую 1748 – всего 54787 рублей – до сих пор не отпущено и отпустить не из чего. Сенат приказал отпустить деньги из первых приходов без всякой задержки.

В донесениях Военной коллегии слышали тон до сих пор небывалый. Так, в сентябре 1749 года она доносила, что на Штатс-конторе остается долгу 382853 рубля, и требовала, чтоб в Главную провиантскую канцелярию долг был отпущен как можно скорее, ибо в самых нужных делах крайняя остановка: хлебные поставщики за неполучением в свое время платы жалуются и от поставок провианта вперед будут отказываться; если же и после этого представления Провиантская канцелярия скоро удовлетворена не будет деньгами, вследствие чего войско потерпит нужду, то сам Прав. Сенат должен будет дать ответ пред ее величеством, потому что Военная коллегия по всеусиленным своим стараниям из общей воинской суммы помогала, а теперь больше помогать не в состоянии, и вперед Прав. Сенат на нее в этом надежды полагать не благоволил бы. Кроме того, по поданным от Главного комиссариата и Провиантской канцелярии ведомостям долгу на Штатс-конторе показано на неположенные на воинскую сумму выведенные из Персии, также гусарские и другие полки с 1742 года 2305013 рублей. Прав. Сенату велено по представлению Военной коллегии тотчас исполнять и помогать; несмотря на то, по многим и усиленным требованиям нет удовлетворения, все только делаются подтвержде-

ния Штатс-конторе, которая отвечает одно, что денег нет, а будут ли, не подает надежды, и способа, как помочь недостатку в деньгах, не изыскано. Военная коллегия требовала по крайней мере отпустить до 800000 рублей на войско, не содержащееся подушным сбором, а на заготовление провианта до 300000 рублей. Сенат отвечал, что, по показаниям Штатс-конторы, суммы на войска, содержащиеся неподушным сбором, отпущены, а Военная коллегия, не представив своих счетов с Штатс-конторою, полагает долг в 2305000; но за совершенным недостатком государственных доходов не только за прошлые годы всю эту сумму отпустить неоткуда и не из чего, но и на текущий год нельзя удовлетворить войска, не содержащиеся подушным сбором. Императрице Сенат определил доложить: по пятилетней сложности государственных доходов приходу в год должно быть 3965965 рублей, а в Штатс-конторе окладных ежегодных расходов состоит 3601534 рубля да на неокладные чрезвычайные дачи — 851473 рубля, итого 4453007 рублей, следовательно, в расход на каждый год недостает 487852 рубля; да велено отпустить на Измайловский полк в год по 176573 рубля из доходов Сибирского приказа, но за неимением в том приказе денежной казны отпускается эта сумма из Штатс-конторы, и за таким недостатком удовлетворить требованиям Военной и Иностранной коллегий нельзя. До сих пор Сенат удовлетворял как мог из наличных денег с крайнею остановкою других расходов, а теперь из монетного капитала, которого уже

очень мало остается и который за употреблением его в расход не даст надлежащей прибыли, 50000 рублей да из разных сборов, сколько где может набраться, определено отпустить; только такой большой суммы, какую требует Военная коллегия, взять неоткуда. Сенат определил просить конфирмации ее величества на прежде поданные доклады о изысканных способах к пополнению государственных доходов, ибо, кроме того, Сенат никаких других способов к удовлетворению означенных расходов изыскать не может.

Эти не конфирмованные с 1747 года доклады заключали в себе известное мнение графа Петра Ив. Шувалова о продаже соли и вина везде ровною ценою, которая должна быть увеличена. Теперь вследствие повторенной просьбы императрица согласилась употребить представленные способы умножения доходов, и в начале 1750 года наложено на ведро вина по 50 копеек во всем государстве ровно, кроме остзейских губерний, Малороссии, слободских полков и Сибири. Также и соль положено продавать по 35 копеек пуд, кроме Астрахани и Черного Яра, где цена определена вполовину; в Соляной конторе оставлять от этой продажи миллион рублей и употреблять их в расход по особливым указам императрицы, а что будет лишку в сборе, то отсылать в зачет подушных денег в Главный комиссариат. Сначала встретились затруднения: Главный магистрат донес, что в Казани винная продажа началась по новому положению с 1 марта и против прежнего сбор очень уменьшился: явилось 1229 рублей, а в 1749 го-

ду, в марте месяце, собрано было 2622 рубля; то же случилось и в Вятке. Комиссариат доносил также, что тамбовские откупщики под видом выемки корчемного вина, приезжая многолюдством, забирают уездных обывателей и хотя вина не вынимают, однако бьют их смертно и разоряют, отчего эти обыватели могут прийти в несостояние платить подушный сбор и прочие подати. Такие же жалобы приходили из Псковской провинции. Сенат решил принять самые деятельные меры против того, чтоб изысканный способ увеличения доходов не оказался недействительным. Он заподозрил Казанский и Вятский магистраты в нерадении и послал освидетельствовать тамошние сборы; а в конце года во все губернии отправлены были особые чиновники для наблюдения за правильною продажей соли и вина по новому положению.

А между тем Сенат все еще не имел подробных ведомостей приходам и расходам: 13 апреля 1749 года Сенат рассуждал, что он велел наикрепчайшим образом взыскивать на Камер-коллегии, чтоб немедленно сочинены были ведомости о доходах и расходах с 1743 по 1747 год, а, до тех пор пока они не будут поданы в Сенатскую контору, президента коллегии и членов, секретарей и приказных служителей держать в коллегии без выпуска, и смотреть за этим экзекутору; несмотря на то, ведомостей до сих пор не подано, и потому приставить сенатской роты унтер-офицера с солдатами, чтоб не выпускать президента и прочих. Но это была только угроза, чтоб заставить поспешить делом. Ведомости не по-

давались, и 19 сентября призван был в Сенат прокурор Камер-коллегии Философов и спрашиван, сочинены ль ведомости и для чего до сих пор не внесены в Сенат? Прокурор отвечал, что ведомости сочиняются и как скоро окончатся, то подадутся. На это ему приказано, чтоб коллегия в этом деле крайнее старание имела и для того бы присутствующие как до полудня, так и после полудня в коллегия съезжались, а секретарей и приказных служителей держать в коллегии без выпуска; если же ведомости скоро не будут окончены, то прокурора и присутствующих держать будут без выпуска.

Последним прибежищем в финансовых нуждах был, как мы видели, Монетный двор, из которого брали необходимые суммы обыкновенно под видом займа; но свидетельство, что запасный капитал уже истощался, показывает, как Штатс-контора платила свои долги. Так и в конце 1750 года Штатс-контора потребовала, чтоб приказано было отпустить до 300000 рублей заимообразно с денежных дворов на счет отсылаемых туда пошлинных ефимков и серебра; а если отпущено не будет, то в расходах последует остановка. С 1746 по 1750 год на Монетном дворе было вычеканено 1467145 рублей, в том числе полуполтинников – 815645 рублей, гривенников – 651500 рублей; Сенат приказал сделать гривенников еще на 532855 рублей, чтобы в случае их недостатка в размене крупной монеты не могло последовать крайней нужды.

Надобно было обратить внимание на то, чтобы число пла-

тельщиков увеличивалось, а не уменьшалось и чтоб они могли платить. Постановление, что новообращенные в христианство жители восточных окраин освобождались на известный срок от податей, которые раскладывались на оставшихся в язычестве или магометанстве, это постановление должно было вести к большим затруднениям. В Казанской губернии всех инородцев в подушном окладе считалось 319085 душ, из этого числа к первому января 1749 года крестилось 170759 душ, из которых минула льгота 30153 душам, а льготы еще не минуло 140606 душам, осталось в неверии 148326 душ, следовательно, новокрещеных против иноверцев приходилось больше 22433 душами, и на этих оставшихся в неверии расположено на вторую половину 1748 года по 53 копейки, итого 79850 рублей, да доимок расположено 379581 рубль, всего должно было взыскать 459431 рубль, да с тех же оставшихся в неверии рекруты и лошади взысканы, да и еще следовало взыскать по последнему набору. Но Сенат получил донесение, что взыскание скоро произойти не может, многие от такого великого и строгого взыскания бегут в леса, о других неизвестно, где они, оставшиеся пришли в крайнее разорение.

Легко понять, что при таких обстоятельствах с особенным удовольствием был принят Сидор Тарасов Заграбский, явившийся в 1749 году поверенным от живущих в Польше и Молдавии русских людей. Он просил императрицу о прощении за побег и о позволении возвратиться и жить в Миргород-

ском полку на пустых местах с обязательством служить береговую и пограничную службу, как служат донские козаки, или платить сорокаалтынный оклад, причем Заграбский объявил, что таких беглецов будет больше 25000. Императрица согласилась на их просьбу, но с тем, чтоб они поселились не в Миргородском полку, потому что земли принадлежат Малороссии, а отведутся им свободные земли в Великой России, в Белгородской или Воронежской губернии; которые из них захотят быть в купечестве, те будут положены в сорокаалтынный оклад, а кто захочет быть в козацкой или другой какой службе, довольствуясь отведенными им землями и угодьями, те будут определены по желанию. Киевский генерал-губернатор Леонтьев доносил о желании других находившихся в Польше беглых русских перейти в малороссийские Быковские и раскольничьи слободы; и относительно их последовало то же решение.

Перезывали беглых из-за границы, но принимались ли меры о сохранении жизни и здоровья остававшихся в России жителей? Лекарей было очень недостаточно, но Медицинская контора преследовала самозванных лекарей, и Сенат подтверждал ее права на это преследование. В Берг-коллегию прислана была из Медицинской коллегии промемория, что в Москве архангельский купец раскольник Прядунов, ходя по домам, лечит людей от разных болезней нефтью, которою он сам торгует в Китае-городе близ Сысного приказа у Троицы на Рву в казенных палатах, причем известно,

что он своим неискусным лечением некоторым людям нанес вред немалый, а иные и жизни лишились; лечит он не один подлый народ, но и знатных персон без ведома и свидетельства Медицинской канцелярии в противность указам, а говорит, что по данной ему от Берг-коллегии привилегии на нефть состоит в ведомстве этой коллегии и потому Берг-коллегия прислала бы его в Медицинскую контору. Прокурор Берг-коллегии Суворов настаивал, чтоб этого купца Прядунова немедленно отослать в Медицинскую контору, но коллегия отсылать не велела. Суворов представил дело в Сенат; тот велел отослать Прядунова в Медицинскую контору, а у Берг-коллегии запросить, для чего не отослала, презревши предложение прокурора. Берг-коллегия отвечала: не только в России, но и в других северных странах не слышно, чтобы нефть добывалась, только в Персии она есть, и великую прибыль от нее тамошняя нация получает; а в России нефть сыскана старанием и собственным капиталом Прядунова недавно; коллегия позволила ему построить нефтяной завод, дала привилегию и указ производить и продавать нефть, потом коллегия позволила ему ту нефть привезти в Москву для передвойки в лаборатории, которая устроена для минеральных и всяких материальных казенных и партикулярных проб, а нефть числится в тех же минеральных материалах, и в том заводчикам всякие способы показывать и наставления по силе привилегий и указов давать надобно, и хотя он, из лаборатории вынося, нефть продавал, и то не в противность ука-

зам, ибо от этого никакого казенного ущерба нет; какой же от прядуновской нефти последовал вред и даже смертные случаи и кого именно Прядунов лечил, о том Медицинская контора не объявила, и Берг-коллегия своего ведомства людей, прежде не осмотрясь и не опознав, не должна так по глухому и неосновательному требованию тотчас отдавать и слушать прокурора, как только он предложит, и прокурору вовсе не надлежало Правительствующему Сенату представлять и в напрасное затруднение приводить, ибо по усмотрении истины и перепискою между собою Берг-коллегия и Медицинская контора могли бы согласиться, постановить и опубликовать, к какому употреблению та нефть пригодна. К сему же Берг-коллегия представляет, что мазаньем этою нефтью советник Берг-коллегии Чебышов получил разгибание перстов у руки, о чем он не раз коллегии представлял и прокурор знал; генерал-майор Засецкий в руках и ногах получил движение, о чем дал и письмо Прядунову, и от других слышно, что также получили пользу от нефти, и потому не повелено ль будет Медицинскому факультету эту нефть по искусству медицины и химии экспериментовать, а Прядунову объявлено, чтоб он ее до указа никому не продавал; притом Прядунов подал в Берг-коллегию доношение, что свою нефть он в Гамбург для пробы посылал и, какова она там по пробе явилась, о том приложил присланный ему неведомо от какого доктора Миллера аттестат, и просил, чтоб его для поправления завода отпустить и впредь позволить добываемую им

нефть продавать. Сенат решил дело так: Прядунова отослать в Медицинскую канцелярию и с нефтью относительно продажи конторе Берг-коллегии сноситься с Медицинскою канцеляриею. Берг-коллегия в этом деле поступила очень непорядочно: допустила Прядунова жить в палате, где ее лаборатория, и он там нефть продавал; лаборатория не для того учреждена, а для свидетельства руд и минералов; коллегия не отсылала Прядунова в Медицинскую канцелярию и требовала от нее известия, кому Прядунов вред сделал, тогда как ей не подлежало в чужие дела вступаться, не обратила внимания на представление прокурора и дерзко об нем отозвалась, наконец, и сенатского указа не послушала. За такие непорядочные поступки наложен был на членов Берг-коллегии штраф вычетом из жалованья.

Меры правительства к охране народа от лихих людей по-прежнему оказывались недостаточными, по-прежнему разбои производились в широких размерах. Назначенный для сыску воров и разбойников премьер-майор Горбунов доносил в 1749 году, что в Брянском уезде злодеи появились, войско на них нападало в лесу и взяло несколько человек с атаманом и часть добычи, в собрании их было по выходе из-за польского рубежа 14 человек; в апреле месяце из-за границы прошло в Россию 17 числа – 30 человек, 29 числа – 15, 30 – около 50, и ходят по Брянскому уезду; немалое число таких же злодеев находится за границею, собираются идти в Россию. Это было подле границы; но скоро пришло известие

от Московской губернской канцелярии, что в Московском уезде разбойники жгут обывателей в их домах и появились на Переяславской, Углицкой и Александрослободской дорогах; в 18 верстах от Москвы по Серпуховской дороге убили ассессора Ладыженского в деревне его и дом его совершенно пограбили. Определенный в Вятской и Пермской провинциях для искоренения воров и разбойников секунд-майор Есипов уведомлял о появившейся на реке Вятке воровской компании и как он на нее напал и имел с нею немалую *суктицию*. Сенат приказал написать Есипову, чтоб в искоренении злодеев имел крайнее старание, а впредь в доношениях своих таких речей, что имел с ворами суктицию, отнюдь бы не писал, а писал российским диалектом. В Олонецком уезде поручик Глотов поймал немалое число разбойников, которые показали, что товарищи их живут в Каргопольском уезде в особом лесном разбойничьем стану; для поимки их Глотов послал партию, которая встретила в лесу двоих крестьян. Крестьяне эти рассказывали, что по лыжному следу дошли они до избы, из которой вышли три человека и начали звать их в избу, грозясь убить их, если не войдут; звероловы, войдя в избу, увидали ружья, рогатины, догадались, куда попали, и подслушали, что разбойники советуются их убить, чтоб не были на них языками (не донесли на них). Двое разбойников пошли в баню, а третий остался в избе; тогда один из крестьян напал на него и поколол ножом, после чего оба пошли к бане, заложили двери бревном накрепко, подошли к ок-

ну и одного моющего разбойника застрелили из винтовки, другой начал ломиться в двери и когда вышел, то и его застрелили, переночевали в избе и утром, уходя, сожгли ее без остатка, чтоб другим ворам пристанища не было. Крестьянам этим было одному 20, другому 17 лет. Сенат приказал сделать повальный обыск, и если миром одобряют крестьян, то отпустить их без всякого наказания. В Муромском уезде оказалось большое вооруженное собрание разбойников.

Приходили известия о разбоях особого рода. В 1749 году в Севскую провинциальную канцелярию подал прошение управляющий имениями графини Чернышевой Суходольский: крестьяне госпожи его Башкирцев, Михайлов и Кислый с товарищами, крестьянами разных сел и деревень, человек до 3000, собравшись нарядным делом, с ружьями, шпагами, рогатинами и дубьем пришли на заводы госпожи своей Чернышевой – Летажский, Лупандинский и Крапивенский, пограбили хлеба четвертей до 1000 да вина более 800 ведер, целовальников побили и разогнали; потом, пришедши в слободу Бабинец в господский дом, управителя и людей били смертно и некоторых убили, дом пограбили; то же самое сделали в селе Радогоще. Шайки все усиливаются и, ходя по селам, бьют и грабят, старост и соцких от себя определяют. Рыльский помещик Поповкин собрался с разбойнической партией, с беспаспортными и беглыми рекрутами в числе 50 человек, пришел к помещику Нестерову в село Глиницы, произвел разбой и грабеж, причем двух че-

ловек убил до смерти. В 1750 году в Белгородской губернии была захвачена многолюдная разбойничья партия: воры и разбойники винулись во многих разбоях, воровствах, сожигании людей и показали на отставного прапорщика Сабельникова, что он держал разбойную пристань, отпускал их на разбои, брал долю из разбойных денег и сам ездил на разбои. Поручик Иван Мусин-Пушкин подал жалобу, что новгородская помещица девица Катерина Дирина вместе с родным братом своим Морской академии гардемаринном Ильею и родственниками дворянами Ефимом, Мелетьем, Тимофеем и Агафьею Дириными, с людьми и крестьянами в числе 50 человек приезжала в деревню его Кукино Новгородского уезда, произвела разорение и драку, причем убито было двое крестьян.

Так было в селах, преимущественно в отдаленных лесных местностях на севере и востоке и в Белгородской губернии, прежней московской украине, издавна известной беспокойным характером своих жителей. Обратимся к любопытным явлениям в городах. Здесь иногда происходили междоусобия между частями народонаселения. Кирпичники города Коломны Митяевской слободы, 21 человек, жаловались на обиды от коломенских купцов и выпросили, чтоб дело их было рассмотрено членом от Главного магистрата и членом от Московской губернии. Но прежде решения дела приписали их к купцам в посад и отдали в команду под магистрат. Ямщики обратились снова с жалобою, что в Коломенском маги-

страте, которому они теперь стали подведомственны, ратманы Добычин и Бочарников, которые к ним в Митяеву слободу приезжали и с прочими купцами дворы их разбивали, их смертельно били и мучили и едва не сожгли их всех в доме, куда они скрылись в числе 27 человек, и приезжали нарядным делом, скопом и заговором, с дрекольем и пожарными крючьями, у церкви били в набат, приезжало человек до 200 коломенского купечества. Потом привезли их в магистрат, и сторож, заковывая кирпичника Колчина в ножные железа, убил его до смерти; ратманы с смертными побоями начали от них требовать, чтоб показали, что купцы к ним не приезжали, разорения и пожара не производили и Колчин в магистрате не убит, а взят был больной и в магистрате умер от воли божией; и кирпичники, видя над собою бесчеловечное мучение, подписались.

Но и подобные столкновения в городах происходили преимущественно в прежней украине, в Белгородской губернии. Брянские купцы Григорий, Иван и Кузьма Кольцовы жаловались, что ночью напали на их брата Григория разбоем на большой Смоленской дороге брянского помещика Ивана Зиновьева люди и завезли его к помещику во двор в село Бежичи, где Зиновьев его бил и держал на цепи в приворотной избе. По просьбе остальных братьев Григорий освобожден был оттуда посланными из Брянской воеводской канцелярии, и по суду здесь разбой Зиновьева был доказан; но он, избывая следствия, не подавая жалобы в Брянске, просил в

Главном магистрате на двух братьев, Ивана и Кузьму, будто бы приезжали к нему в дом и бесчестили его. По его челобитью Главный магистрат определил исследовать дело Севскому провинциальному магистрату, и, однако, дело в Севск не передано, Главный магистрат потребовал Кольцовых на суд прямо к себе, и они принуждены выслать поверенного посадского Бадулина; а между тем в Главный магистрат определен обер-президентом близкий родственник Зиновьева Степан Зиновьев. Новый обер-президент судил суд по родству: поверенного Бадулина держали в цепи и железах под караулом, и судные речи говорил он в цепи. Иван Зиновьев, сообщая с коллежским ассессором Афанасьем Гончаровым (который купил в Брянске верхние и нижние дворцовые слободы), начал действовать против Кольцовых: прикащик Гончарова и люди Зиновьева нападали на них в городе и хвалились убить до смерти; Зиновьев, захватя посадского Меренкова, который был поверенным Кольцовых в Брянской воеводской канцелярии, бил его немилостиво и грабил, а Гончаров жаловался на Кольцовых в Сенате, будто они приступали ко двору прапорщика Юшкова, где скрылись прикащик его и крестьяне; потом Гончаров подал в Главный магистрат прошение, что Кольцовы и с ними 700 человек купцов приступали к его конюшенному двору и стреляли из ружья по его крестьянам, вследствие чего Главный магистрат определил их забрать в Москву к следствию. Сенат велел сделать запрос в Главный магистрат обо всем деле и присутствовал

ли обер-президент Зиновьев при разбирательстве дела своего родственника. Главный магистрат тянул время, отделяясь всеми средствами от подачи ответа Сенату, и вдруг обвинил Кольцовых за беспорядки по брянской таможне. Но Сенат потребовал, чтоб прежде этого нового дела Главный магистрат дал ответ по старому; тогда Главный магистрат донес, что ответ надобно писать на гербовой бумаге, а Кольцовы не являются в Главный магистрат и бумаги не дают, следовательно, ответа за недачею гербовой бумаги писать не на чем. Сенат приказал подать ответ на гербовой бумаге, купив ее на деньги Главного магистрата, который взыщет потом их на Кольцовых.

Но в то время как Главный магистрат искал гербовой бумаги, дело разыгрывалось в Брянске. Гончаров жаловался, что у него ушли крестьяне – 21 человек; прикащик Гончарова Зайцев объявил, что беглые живут в городе и, стоя по переулкам днем, нападают на других крестьян господина его, бьют и режут их рогатинами, ножами и кинжалами, отчего крестьяне находятся при смерти. Брянская воеводская канцелярия, которой велено было сыскать беглых, доносила, что военная команда от этой поимки отказалась по недостатку людей; магистрат отказался под предлогом, что у него с Гончаровым приказные ссоры по поводу Зиновьева и Кольцовых; беглые крестьяне заперлись на одном дворе, и малою командою взять их никак нельзя, хотя канцелярия и оцепила двор караулом. Караульщики донесли, что к беглым прихо-

дил поп Максимов от Архангельской церкви с братом Егором и с брянским купцом Коростиным, который нес образ, и, побывши на дворе, ушли обратно. Только что эти ушли, смотрят – идет другой поп, Секиотов, с образом от Рождественской церкви, образ несут брянские купцы Коростин и Сериков. Канцелярия поручила схватить беглых прапорщiku Федосееву, назначенному для сыску воров и разбойников; прапорщик донес, что ходили к избе, но беглые, имея при себе огненное ружье, копыя и бердыши, взять себя не дали и объявили, что живы в руки не дадутся; в то же время и брянских посадских выбежало человек до ста умышленно с дубьем, а от полицмейстерской конторы определенные на карауле помощи не дают, должно быть по согласию; попы и монахи проходят к беглым беспрепятственно: еще прошел с образом поп Григорий от Николы Чудотворца и два монаха брянского Петропавловского монастыря.

Явился для поимки беглых Рязанского полка капитан Махов и сделал распоряжение, чтоб легче взять крестьян, разломать заборы соседних дворов; но посадские ломать заборов не дали, и посадский Коростин с товарищами кричал, что если сам полицмейстер или воевода придут ломать их заборы, то они их самих кольем побьют до смерти или живота распорят ножами, а если капитан Махов придет с командою и хотя один кол выломает, то сам на кол посажен будет; если же кто на двор их взойдет и овощи потопчет, то голову положит. Брянская полиция с своей стороны доносила,

что она потребовала от магистрата, чтобы он собрал посадских для взятия злодеев и чтоб посадские ничем не ссужали последних; магистрат отмолчался, тогда полиция прямо обратилась ко всем обывателям, чтобы подписались в слушании и исполнении предписания, но никто подписываться не стал, а беглые натаскали большие кучи камня и песку, на крыши встали огромные колоды и повесили на веревках: если осаждающие подойдут близко, то станут метать камнями, сыпать в глаза песком и с изб опускать привязанные колоды. Махов послал к беглым крестьянам капрала Салкова для увещания их и с вопросом, будут ли слушать указ; крестьяне отвечали, что указ слушать будут, причем объявили, что приходил к ним брянский воевода и говорил: ступайте к Гончарову, он вас бить не будет и станете жить в домах своих; а не хотите идти к Гончарову, то разойдитесь куда-нибудь, и они ему отвечали, что идти им некуда. Махов, взявши всю свою команду, пошел ко двору беглых крестьян, и, не доходя сажень ста до двора, команду оставил, и один пошел к беглым; но они на двор его не пустили и сидят все на крышах и у заборов стоят на примощенных лавках, почему принужден был стоять на улице и увещевал, чтоб отдались, в противном случае поступит с ними, как с противниками указов, говорил более часа, но те никакой склонности не показали, а кричали страшно, зверским образом. Тогда он велел приступить команде и читать копию с сенатского указа; крестьяне выслушали и крикнули, что указ воровской, Сенат

указ своровал и дал Гончарову за великие деньги и генерал команду дал за деньги же, взявши с Гончарова до 2000 рублей, да и он, капитан, взял до 100 рублей или и больше; и приступили они, крестьяне, к забору с ружьями, рогатинами и бердышами и кричали, что если команда будет их брать и хотя одного человека поворошит или забор велит ломать, то они всех перестреляют и переколют, а если силы их не будет, то сами себя перережут, а живыми в руки не дадутся.

Махов для устрашения беглых велел у соседних посадских обывателей разобрать заборы; но хозяева домов разбирать заборов не дали и таким же свирепым образом на Махова и команду его кричали, если хотя за одну заборню тронутся или по огородам их пойдут, то всех побьют до смерти. И, опасаясь, чтоб команды не побили до смерти, Махов разбирать заборов не велел. Беглых на дворе было человек 50 да позади их двора на огороде посадских с кольями и дубьем человек до 300, а прочие, стоя на улицах и на кровлях домов своих, кричали необычайным образом, угрожая бить команду до смерти. Махов, увидав сообщение посадских с беглыми, принужден был с командою отступить и поставил по концам улицы с двух сторон двора, где сидели беглые, караул. Нужно было бы поставить караул на дворе Коростина, где колодезь, из которого беглые брали воду, но Коростин и посадский Мамонов с товарищами кричали, что, кто взойдет на двор Коростина, тот будет убит. 300 человек посадских не дали поставить караула и сзади двора, говоря, что пришли

не команде помогать, но охранять свои огороды. Махов доносил, что находится с командою своею в превеликом страхе и ежеминутно ожидает нападения; крестьян можно взять целою ротою, и то если посадские не вступятся. Гончаров подал просьбу в Сенат на послабление Брянской воеводской канцелярии: она выпустила двоих его беглых крестьян, которые бежали за границу; канцелярия сделала это по злобе, ибо ей не велено ведать его вотчин; Брянский магистрат и жители Брянска беглых его крестьян держат у себя и не отдают; и оставшимся его крестьянам делают всякие обиды и разорения, нигде проходу и проезду не дают; беглые, засевавшие в Коростине улице, называют свое воровское собрание комиссиею. Брянчане, по его словам, привыкли противиться указам и сами хвалятся: у нас многие комиссии и капитан Шпорейтер с командою если б в городке не отсиделся, то был бы без головы, и то дело так изволочилось, и многие комиссии, поволочась, отстали. Сенат по этим донесениям и жалобам велел Военной коллегии послать в Брянск штаб-офицера и если крестьяне не сдадутся, то поступить с ними как со злодеями, но только в самой крайней нужде.

Здесь представляется нам в обширных размерах столкновение между сословными частями городского народонаселения, в других местах встречалось такое столкновение в меньших размерах: так, в Серпухове титулярный советник Казаринов приходил многолюдством на двор купца Серебренникова, разломал забор, порубил садовые деревья, разло-

мал баню и овладел огородною землею. В Белгороде мы видели сильное столкновение между купцами по поводу выборов в магистрат, причем Главный магистрат был обвинен Сенатом в неправильных действиях и штрафован. Скоро Главному магистрату представился случай привлечь к следствию враждебного ему президента Белгородского магистрата Андреева. Белгородский купец Степан Прокопов подал жалобу: вместе с купцом Есиповым требовал он в Белгородском магистрате установленного законом свидетельства к подряду на поставку провианта в днепровский магазин. Но президент Андреев с товарищами, злобясь на них за то, что они были в числе тех, которые не соглашались на избрание Андреева и товарищей его в магистратские чины, отреклись дать требуемое свидетельство, разве просители дадут им за него большую взятку; тогда они, Прокопов и Есипов, принуждены были дать пять векселей: на имя президента Андреева – в 500 рублей, бургомистра Денисова и троих ратманов – на каждого по 50 рублей. Давши взятку, Прокопов и Есипов донесли об этом в Главный магистрат и просили об исследовании. Главный магистрат жаловался также на Андреева, что он членов Главного магистрата называл государственными ворами. Сенат велел исследовать дело в комиссии о фальшивых векселях.

Мы видели, как доставало в России рабочих сил, как они потому были дороги; казна и частные промышленники перебивали друг у друга рабочих, и по этому случаю Ниже-

городский магистрат был избит в насилие. Одного из работников, нанявшихся для отправления корабельных лесов, президент Нижегородского магистрата Жуков бил бато- жьем нещадно, другого вытолкнул в шею из магистрата; когда били работника, то приговаривали: не нанимайтесь на лес- ные, нанимайтесь на промышленные суда! Чтоб застрашать посадских людей, отклонить их от найма на лесные суда, Жу- ков нанявшимся на последние давал паспорта с прописью, что им в работе быть только на лесных судах и никому дру- гому их в работу не принимать. Жуков за это присужден был к уплате 180 рублей штрафа, бурмистр – 120 рублей, ратма- ны заплатили по 50, земские старосты – по 25.

Воеводам трудно было уладиться с полициею; две си- лы сталкивались. Симбирский полицмейстер жаловался, что воевода Колударов вступает в полицейские дела, приказыв- ает полицмейстера и команду его ловить, грозит его, по- лицмейстера, бить кошками и людей его ловить и в тюрьму сажать и платье с них велит обирать; рассыльщики Колуда- рова полицейскую команду бьют без всякой причины, и он, полицмейстер, ездить для исправления своей должности бо- ится, чтоб по старости его не изувечили; полицейской долж- ности править некому, ибо осталось команды три человека, и те стары и дряхлы; а подьячий один, и тот престарел и слеп, копиистов и пищиков нет, а вольным ходить для письма в полицейскую контору воевода запретил. Полицмейстер тер- пел притеснение от воеводы, а воеводе доставалось иногда от

другой силы. В Севске товарищ воеводы Борноволоков занимался в канцелярии делами, как вдруг присылает к нему генерал-майор Караулов, находившийся в городе для рекрутского приема, и велит явиться к себе; Борноволоков отвечает, что занят важными делами и потому благоволил бы генерал требовать по указному порядку от провинциальной канцелярии письменно или хотя и словесно, по чему надлежащее исполнение последовать непременно имеет. Тогда Караулов прислал за ним двоих унтер-офицеров с угрозой, что если не пойдет, то пришлет команду вытащить его под караулом. Борноволоков пошел и был встречен ругательствами, с него сняли шпагу и повели рынками и по улицам в торговый день, в пятницу, в батальонную канцелярию. Сенат велел судить Караулова военным судом.

От описываемого времени дошло до нас известие, в каких домах жили губернаторы и воеводы; из описания этих домов мы можем получить некоторое понятие об обширности и удобствах городских жилищ в России в половине XVIII века. В 1749 году Камер-коллегия подала мнение, что в губернских городах для губернаторов строить дома о 8 покоях и зал был бы между углов 10 аршин, а прочие покои – от 8 до 6 аршин, три или две избы людских, поварня, два погреба – сухой и ледник, баня, сарай для экипажей, конюшня о 12 стойлах, канцелярия о 8 покоях; в провинциальных городах воеводам дома строить о 5 покоях, а в приписных – о 4. Сенат согласился.

В описываемое время правительство должно было иметь дело с движением рабочих на одной из самых значительных фабрик. В 1749 году содержатель суконной фабрики Ефим Болотин с товарищами объявил, что рабочие в числе более 800 человек неизвестно с каким умыслом оставили суконное дело и работать не хотят. Мануфактур-коллегия спросила оставшихся при деле рабочих о причине; те объявили, что не знают: заработные деньги все получают по указу сполна, без удержания, и работу фабриканты дают беспрерывно, на фабрике 170 станов, при них в работе находилось более 1000 человек. Коллегия всем присутствием отправилась на фабрику для увещания; но возмутители объявили, что они об обидах от фабрикантов и беспрестанных жестоких наказаниях подали прошение императрице и пока указа не последует, до тех пор на работу не пойдут. Все увещания остались тщетны. Тогда пятерых заводчиков мятежа высекли кнутом; но и после этого рабочие объявили, что в работу не пойдут; пошло только человек 20, потом вступило в работу еще 286 человек; но в бегах осталось 586. Сенат приказал: заводчиков смуты бить кнутом и сослать в Рогервик, других бить плетью и принудить к работе. Через несколько времени Болотины, ставившие в казну по 100000 аршин сукна, объявили, что теперь больше 80000 поставить не могут, ибо по причине московских пожаров долгое время работы не было, сгорел дом Суровщикова, где производилась часть суконного дела, да и на всей их суконной фабрике за уборкою матери-

алов и припасов от пожара в кладовые палаты, и за разломанием некоторых деревянных строений, и вследствие того, что у многих мастеровых людей сгорели дома, работы не производились; кроме того, они терпят недостаток в людях, ибо после ревизии убыло у них по разным случаям более 200 человек. Они узнали, что в гарнизонных школах в Москве и по городам солдатских и зазорных детей немалое число, из которых многие не только к военной экзерции, но и к словесному учению непонятливы, а жалование и содержание им производится; поэтому они, Болотины, требуют, чтоб повелено было из этих школ до 400 человек учеников начиная от 12 лет, которые еще для службы молоды, определить к их суконной мануфактуре; они будут получать здесь задельные книги, и, когда достигнут 25 лет и годны будут в военную службу, тогда их в нее определить. По справке оказалось в Московской гарнизонной школе (которая разделялась на словесную и письменную науку) 300 человек да сверхкомплектных 545, и от 400 человек, отданных на фабрику, будет казне прибыли ежегодно 2841 рубль. Сенат согласился.

В конце 1749 года императрица приказала Сенату взять ведомости от всех шелковых фабрикантов, могут ли они выделывать на своих фабриках достаточное количество товара, так что можно было бы обойтись без вывоза шелковых материй из-за границы, потребовать ведомости также о золотых и серебряных галунах. Сенат донес, что русские фабриканты обязываются делать бархатов травчатых и гладких

– 4590, косматых – 1680 аршин, итого 6270; штофов цветных – 9000, гладких – 17080, грезетов – 49477, свистунов – 10500, тафт травчатых и гладких – 41267, гродетуров травчатых – 400, подкладок – 500, коноватов персидских – 1050, кутней персидских – 600, лент разных сортов – 196846 аршин, чулков – 100 пар, платков разных цветов – 49244, кружев персидских – 200 косяков. По справке обнаружилось, что таких шелковых иностранных товаров по всем российским гаваням в привозе было в 1746 году: бархатов гладких в кусках – 15722, следовательно, лишнего 9452 аршина, штофов – 28887, лишнего 2807 аршин; грезетов – 31492, меньше 17985; свистунов – 4880, меньше 5620; тафт – 47965, больше 6290; гродетуру – 17028, больше 16628; лент с золотом и серебром – 3 пуда 1/2 фунта; кружев – 16 кусков, многим меньше; платков – 14976 дюжин и 4 штуки да флеровых с золотом и серебром 79 платков, больше 10800, 72 дюжины и 4 штуки; чулок – 690 дюжин с половиною, больше 681 дюжина; в 1747 году в привозе эти шелковые товары были против 1746 года гораздо меньше, а именно: бархатов – 5655 аршин, штофов – 13846, грезетов – 15902, свистуну – 40 аршин, тафт – 13889, гродетуру – 9106 аршин; лент только флерентовых – шесть кусков да цветных и флеровых – 7 фунтов 56 золотников, а платков и кружев в привозе уже не было, чулков – 63 дюжины. Фабриканты плащильного, волоченого и пряденного золота и серебра объявили, что могут удовлетворять Россию без привоза иностранных произведений. Сенат решил

представить императрице эту ведомость с следующим своим мнением: запретить привоз тех продуктов, которых производится в России достаточное количество; остальные привозить к одному Петербургскому порту, чтоб узнать, сколько тех шелковых товаров еще надобно. Так как указ Петра Великого от 31 января 1724 года о присылке в Сенат ежегодных рапортов о состоянии фабрик и образцов делаемых на них товаров не исполняется, то послать в Мануфактур-коллегию указ о неотменном его исполнении и потребовать отзыва, для чего не исполнялся, для положения штрафа на Мануфактур-коллегию. По просьбе шелковых фабрикантов велеть Сибирскому приказу вывозить из Китая сырец при казенном караване и отдавать в Мануфактур-коллегию, которая должна отдавать его на русские фабрики за наличные деньги, а не в долг.

По поводу знаменитой ярославской фабрики Затрапезного вскрылось дело, любопытное по отношению к нравам времени. Фабрикою заведовал майор Лакостов, зять умершего фабриканта Ивана Затрапезного, и заведовал ею только до совершеннолетия малолетнего шурина своего Алексея Затрапезного, которого он, по его выражению, определил к наукам для немецкого языка и арифметики. Меньшая дочь покойного Ивана Затрапезного вышла замуж за шелкового фабриканта Данилу Земского, который вскоре после женитьбы своей начал подкапываться под Лакостова; тот подал жалобу в Мануфактур-коллегию, что Земский шурина

своего Алексея Затрапезного от учителя Жилкина из школы украл, вместо честных наук купил ему голубей, держал его в доме своем в праздности и играх два месяца, возил его в Ярославль и, отлуча от наук, велел его там оставить без всякого призрения; юноша стал развращенным и непристойным, в самой пагубной праздности ходя по улицам в непристойной одежде, а иногда в балахоне, играл с фабричными ребятами в бабки. Тот же Земский в приезд свой в Ярославль на порученную Лакостову мануфактуру заводил между людьми смуту, чтоб мастера Лакостова не слушали, тещу свою Затрапезнову привел к тому, что она с того времени говорила: «Все Данилушкино»; а теща эта не в своем уме, что известно и Мануфактур-коллегии. В 1744 году по общему согласию другого свояка, Балашова, жены его и третьей свояченицы, вдовы Сусанны Болотиной, и по просьбе самого шурина Алексея Затрапезного Лакостов опять определил его к наукам, послал в Нарву, а в 1747 году перевел в Ригу. Земский отправлял нарочно человека своего в Нарву и Ригу, чтоб вторично украсть шурина или выманить, послал воровское письмо от имени тещи, которая писала, чтоб без благословения ее не ездил за море, куда хочет послать его Лакостов.

Относительно печального состояния тещи своей Лакостов ссылался на Мануфактур-коллегию. Действительно, в этой коллегии находился рапорт асессора ее Меженинова об осмотре фабрики Затрапезнова: на фабрике товаров и на-

готовленных для их производства материалов много, но покойного Затрапезного вдова в постоянном своем пьянстве сильно вредит фабрике: запрещает мастерам повиноваться зятьям своим Лакостову и Балашову, называя их людьми посторонними и твердя, что настоящий господин фабрики – это ее малолетний сын и потому она имеет над ними власть; мастера, заискивая ее милости, пьют постоянно с ней вместе и от этого не так исправно исполняют свои обязанности, а рабочие люди находятся в такой бесстрашии, что при нем случилось у них и смертное убийство; на приходящих для покупок на фабрику всяких людей вдова Затрапезного мечется как бешеная, потому что всегда пьяна, кусает, дерет, кидает ножами, вилками и всем, что попадется под руку, и таким образом мешает приходить на фабрику, да и сам он, Меженинов, спасен был от ее побоев только помощью зятя ее Балашова, ибо она удивительную имеет силу. При нем же приезжал на фабрику сын ее и разглашал, будто бы фабрика отдается третьему зятю, Даниле Земскому, и мать его от великой любви к этому зятю своему беспрестанно повторяет: «Все Данилушково!» А молодой Затрапезнов хотя по дурному воспитанию своему и по природе очень глуп, однако Лакостова и Балашова ругать и Земского хвалить твердо навыв. Несмотря на это донесение Меженинова, Мануфактур-коллегия решила оставить без внимания жалобу Лакостова на Земского по поводу писем к молодому Затрапезнову в Ригу, ибо эти родственные письма с приглашением приехать на

свидание ничего преступного в себе не заключают, вымыслов и подлогов и Лакостову обиды никакой нет, а если Земской мешает ему в управлении мануфактурою, то он бы прямо жаловался на это, не примешивая посторонних дел; За-трапезный же в таких уже летах, что может сам жаловаться на Земского, да и не видно ниоткуда, почему бы Лакостов должен был иметь большее влияние на него, чем другие родственники. Тогда Лакостов перенес дело в Сенат, который решил, что Мануфактур-коллегия поступила неправильно, не дав суда Лакостову с Земским, ибо в прошении первого указаны были преступные поступки второго, именно выкрадывание шурина от учителя, и возбуждение фабричных, и письма в Ригу действительно составные, воровские; определено за это в Мануфактур-коллегии взыскать штраф в 500 рублей.

Относительно промышленного и торгового значения Ярославля замечательна следующая просьба, поданная ярославскими и других городов купцами Кузьмою Зеленцовым с товарищами, всего 54 человека: при Петербургском порту главный торг юфтяный, а ярославское купечество исстари занимается кожевенным промыслом, оно же привозит к Петербургскому порту воск, щетину и русаков, т.е. невыделанных зайцев, на большую сумму; только от непорядочных браковщиков-иноземцев купечество приходит в упадок, потому что браковщики все иноземцы, и присяжные ль они или неприяжные, того русское купечество не знает, да и тех ино-

странные купцы посылают не по очереди, не по выбору, по своей воле, который браковщик угождает им, тот и бракует, и от русских купцов о неправильном браке представления и спору как иностранные купцы, так и браковщики не принимают. При таком непорядочном браке бедный продавец принужден терпеть и дает браковщику волю, чтоб он, мстя за справедливое представление, еще более не охуждал товара, да и для того, когда иностранный купец купит юфти у многих русских продавцов, а за уменьшением числа браковщиков всего товара скоро не перебракует и, в то время как идет брак, привезут к порту еще юфти, или, по заморским известиям, цена упадает, тогда иностранные купцы прикажут браковщику забраковать ту юфть, которую они купили высокую ценою; бедные продавцы принуждены поневоле иностранного купца удовлетворить сбавкою цены; если же продавец не захочет цены уменьшить и станет продавать другим иностранным купцам, по согласию их между собою другой иностранный купец забракованного товара как негодного не покупает и длит время, чтоб получить наибольшую сбавку цены, вследствие чего продавцы должны с горестью продавать, делая немалые уступки. Если же русский купец станет торговать их заморские товары да упомянет, чтоб товар перебраковать, то, как только услышит иностранный купец это слово, сейчас вышлет покупателя вон из анбара, и сделается ему на будущее время неприятелем, и во многие конторы объявит об нем, чтоб ему не продавали, и так пред

русским спесиво себя ведут, что о правде слышать не хотят; особенно разоряют небогатых русских купцов, которые берут у них иностранные товары в долг с великими в ценах передачами и обязываются русские товары ставить по контрактам низкими ценами, отчего многие лишились промыслов своих и впали в неоплатные долги. Петербургские и других городов купцы Солодовников с товарищи в прошении своем написали, чтоб браковать юфти знающими людьми, и представили петербургских купцов Беякова и Вавилова, не справясь с знатными купцами и кожевенными промышленниками, и определили за брак юфтей платить русским купцам по 2 копейки с пуда, а не так, как при браке пеньки и льна браковщики получают половину с русских и половину с иностранных купцов, и от такого учреждения с обеих сторон безопасность. Коммерц-коллегия определила Беякова и Вавилова браковщиками; но они люди незнающие, объявляют негодную кожу с дырами, но на кожевенных заводах всякая кожа делается с дырами, и без того обойтись нельзя. Потому ярославские купцы просили Сенат рассмотреть дело, Беякова и Вавилова отрешить и вместо них определить из ярославского купечества Григория Истомина, знатного мастера, да в товарищи к нему ярославского купца Швылева, а к ним двоих иноземцев и привести всех их к присяге; кроме того, прислать на Гостиный двор члена Коммерц-коллегии или портовой таможни, собрать браковщиков и русских юхотных купцов и сообща учредить юфтям брак порядочный; также

учредить брак и прочим иностранным и русским товарам, давши браковщикам инструкцию. Сенат приказал: быть браковщиками юфти Истомину и Швылеву, привести их к присяге, дать инструкцию и сделать все так, как просили ярославские купцы.

Редко которая коллегия не чувствовала власти Сената, отменявшего ее решения и налагавшего денежные штрафы за неправильные, по его мнению, приговоры. Прокурор Юстиц-коллегии Жилин донес, что в некоторые дни присутствующие съезжаются в разные часы и, хотя все в собраний бывают, только следственных дел не слушают, а читают сами положенные пред ними журналы по делам о переносе из города в город и о записке духовных, и в этом чтении почти все время проходит, пока ударит час выходить всем из коллегии; иные подпишут прочтенные журналы, а другие оставляют без подписания, и затем следственные дела поныне остаются без решения, да и от челобитчиков происходят в нерешении дел беспрестанные доуки. Сенат послал в коллегия принести неподписанные журналы; посланный, возвратясь, объявил, что в коллегии присутствующих никого нет; тогда Сенат послал капитана сенатской роты с приказом, что когда присутствующие в коллегия съедутся, то за поздний приезд держать их под караулом безысходно. Советник Юшков объявил, что опоздал, потому что в его доме потолок провалился. Сенат приказал: по такой законной причине освободить его из-под ареста.

В Духовной коллегии, в Св. Синоде продолжались также несогласия между членами и обер-прокурором. В 1749 году князь Шаховской писал императрице: «Я не премолчевая со оными членами о том, что, когда, усмотря по Божеским и вашего импер. величества законам в неисполнении оставленное ими не по силе тех производимое, спору; за то часто не токмо на меня сердятся и многими словами персонально оскорбляют и заочно, уповаю, и жалобы на меня произносят. И тако мне против многих спорить, определенному и разными опасностями окруженному, единое только есть спасение и покров правосудие и милость вашего импер. величества. А мне б то была наивысочайшая милость, когда б мои поступки и для соблюдения вашего импер. величества интересов ревностные домогательства и с синодальными членами не заедино их жалованье и доходы, но также за упущение экономических порядков и за раздачу в великовотчинные архиерейские дома и монастыри на строение без надлежащего прежде о доходах и остатках отчета более 40000 рублей из казны вашего импер. величества денег и за несобирание в Синод оставшихся в епархиях и монастырях после духовных персон пожитков (в коем числе одних денег и червонных более 20000 рублей находится) и по прочим таковым же делам споры и против всех приносимых на меня жалоб персонально пред очьми вашего импер. величества при них самыми делами доказать и оправдаться позволено было».

Шаховской мог указывать также на медленность Синода в

исправлении и издании Библии, медленность в деле, которое особенно занимало Елисавету как завещанное отцом. Мы видели, что исправление Библии было поручено архимандриту Илариону. Оказалось, что в Феофилактовской (Лопатинского) исправленной Библии во многих главах и стихах текст с текстом старой печатной Библии и ни с какими греческими кодексами не согласен, иные стихи переменены, другие дополнены или убавлены и главы некоторые начинаются не оттуда, откуда по греческим кодексам должны начинаться, а по указу Петра Великого велено именно эти несогласия исправить согласно с греческим переводом 70 толковников. 17 ноября 1746 года определили: перемены речей у Феофилакты выносить на брег (на поля), а старые речи писать в тексте на ряду; что же касается до перемены в разуме, также прибавки или убавки стихов или перемены глав, то смотреть на сделанные выписки из разных греческих кодексов, а если сыщется хотя в одном кодексе так, как в старой печатной, то оставить так и в том разуме, как в старой печатной, а если ни в одном из греческих кодексов не сыщется так, как в старой печатной лежит, то представлять на рассмотрение Синода. 9 января 1747 архимандрит Иларион подал доношение, что усмотрел он много в старопечатной Библии таких речей и целых стихов, которые противны новоисправленной Библии, а исправить то по надлежащему невозможно, и притом, объявляя о своем греческого языка незнании и что он глазами, трудясь при чтении той Библии, ослабел,

просит от того библейского труда увольнения в Воскресенский монастырь, где ему, будучи настоятелем, и жалованье, ныне на библейский труд даемое, производить. Синод определил Илариона уволить, а из Киева вызвать двоих иеромонахов, знающих греческий язык. В экстракте о библейском деле, поданном императрице, в конце находится замечание, должно быть обер-прокурорское: «И тако Св. Синода члены от порученного им именными ее императорского величества указами библейского исправления сами отбыв, разным персонам оную поверяя, за разными же сумнительствы оное дело бесконечно продолжают, и жалованье вотще употребилось. А когда и означенные киевские монахи одни токмо без искуснейших к тому из синодальных членов исправление Библии учинят, то по примеру вышеозначенных перемен чаятельно, что паки и потом сумнительствы еще какие изобретут».

Иеромонахи начали исправлять Библию; показалось долго, и 1 марта 1750 года Синод получил указ: печатать без всякого отлагательства. 10 июля началось печатание; 8 сентября новое требование, чтоб Синод подал ведомость, в каком положении находится печатание Библии? Синод доложил, что начавшееся 10 июля 1750 года печатание производилось без перерыва; что же касается того, в какое время все пророческие и маккавейские книги могут Синодом быть освидетельствованы и исправлены, того показать точно не можно, ибо хотя Синод о сем и беспрестанное попечение имеет, но по-

неже многотрудные в них находятся к разобранию места, каковыя наипаче состоят в пророчествах, к тому же в Синоде сверх того библейского исправления завсегда происходит слушание и других многих текущих и неотлагаемого решения требующих дел, не упоминая о епаршеских.

Из дел, слушанием которых занимался Синод, заметим следующие: тверской архиепископ Митрофан жаловался на обиды, причиняемые духовенству светскими людьми: 1) ржевский воевода Венюков избил батогами дьякона Преображенской церкви Барсова; следствие провинциальною Тверскою канцеляриею произведено, но решения нет; 2) майор Свечин священника Тимофеева бил по щекам и проломил голову тростью, о чем провинциальная канцелярия до сих пор следствия не произвела; 3) полицмейстер Тархов пономаря Григорьева велел бить плетью, сам бил тростью и едва оставил жива, следствия не произведено; 4) ржевский помещик Юрьев бил батогами приходского своего священника, отчего тот и умер; началось следствие, Юрьев бежал и до сих пор не сыскан; 5) Ржевского уезда вотчинник капитан Новокщенов с людьми и крестьянами приехал к священнику, бил его, жену и детей дубьем и кольем, одного сына увез и держал пять дней скована; 6) Кашинского уезда села Фроловского вотчинник гвардии поручик Фамендин священника за невенчание людей его без венечных памятей бил по щекам и дубиною и принудил венчать; 7) Старицкого уезда помещик прапорщик Поликарпов принуждал священни-

ка венчать крестьянина с десятилетней девочкою и за неисполнение пришел с людьми в дом его, грозясь убить; священник спрятался; тогда Поликарпов велел разломать его избу, имение все пограбил, дочь и сноху его травил собаками. В ведении Синода Сенату по поводу этих жалоб было выставлено, что в светских командах по консисторским промемориям следствий не производят, а принуждают обиженных с обидчиками вступать в суды по форме и за теми делами волочиться; а обиженные духовные особы представляют, что они в суды вступать, бумагу гербовую давать и за делами волочиться по скудости и земледельству не в состоянии, особенно же за отлучкою их от церквей в отправлении службы божией и мирских треб последует остановка. Сенат решил: поступить во всех этих делах по силе указов, а требование Синода, чтоб обиженных не привлекать к суду по форме, исполнить невозможно.

Синод обвинял и Главный магистрат в потачке раскольников. В 1749 году Синод сообщил Сенату, что в городе Ржеве-Володимерове раскольники выбрали бургомистром в магистрат купца Чупятова, который хотя в явный раскол и не был записан, но жил с отцом своим, записным раскольников, в одном доме и тайно держался раскола, ибо в церковь никогда не ходил. Главный магистрат утвердил Чупятова, который своих родственников и прочих злых раскольников всячески защищает и живущих у них пришлых учителей прикрывает. Сенат велел послать в Главный магистрат

указ об отрешении Чупятова. Но в следующем году по тому же поводу Синод жаловался опять на Главный магистрат, Тверской магистрат, Тверскую и Ржевскую провинциальные канцелярии: во Ржеве при ревизии записались вновь в раскольники 187 человек и крестили многих православных; детей своих, крещенных православными священниками, учат своим ересям, в домах своих имеют потаенные мольбища и держат у себя учителей – раскольнических старцев, стариц и бельцов с Ветки и из других мест; хотя в 1746 году, в бытность в Ржеве архиепископа Митрофана, некоторые по его увещанию и показались склонными к обращению, но предводителем своим Андреем Свешниковым от того были удержаны; хотя этот Свешников вместе с купцом Кудряевым и другими и были присоединены к православию, однако опять возвратились в раскол и, ходя по другим городам и уездам, рассевают лжеучения и развращают простой народ. К защите своей они отыскиали средство в Главном магистрате, который подтвердил указом Тверскому магистрату не отыскивать их и не отдавать к следствию в консисторию, вследствие чего подьячие и канцеляристы Ржевской воеводской канцелярии держатся раскола, несмотря на то что таким по указам у дел быть не велено. В 1747 году было послано из консистории отыскать раскольничьих учителей в деревнях Старицкого уезда Чурилове и Васильевской, но бургомистр, записной раскольник Константинов, имеющий у себя раскольничью пристань, вместе с крестьянами смертно прибил и огра-

бил этих посланных и отбил взятую ими женщину с раскольническими лжетайнами, а Тверская провинциальная канцелярия ничего за это не сделала.

Другие вести о расколе приходили с севера; в Устюжском уезде из Белослущкого стана из разных деревень сбежали тайно ночью крестьяне, записавшиеся по последней ревизии в раскол и не записавшиеся, всего 53 человека мужчин и женщин. За ними погнался прапорщик с солдатами, крестьянами и присланными из консистории священниками; он нашел беглецов в одном скиту, в котором с прежними беглецами набралось более 70 человек. Беглецы из окна переговаривали с священниками и на все увещания их отвечали: «Зачем приехали, то и творите, а у нас намерение положено одно, какое – сами знаем». Прапорщику прислан был указ: не брать беглецов приступом, чтобы не сожглись; но беглецы и без приступа зажгли скит и сгорели в нем все.

Предметом синодских занятий была также цензура книг. За неимением новых книг разбирали старые, и в 1749 году велено было отбирать книгу «Феатрон, или Позор исторический», переведенную с латинского Гавриилом Бужинским и изданную в 1724 году. В следующем году по именному указу взяты были из таможи объявленные в ней купцом Бузанкетом фарфоровые вещи в томпаковой оправе наподобие гусиных яиц, 14 штук, с изображением на них страстей Христа-Спасителя, Богоматери и св. угодников, которые к употреблению в них никаких мирских вещей неприличны; им-

ператрица приказала отдать их Бузанкету обратно с таким подтверждением, чтоб он не продавал их ни в Петербурге, ни в других местах Российского государства под тяжким штрафом, отправил бы их за границу и впредь с такими изображениями никаких вещей, сосудов и прочих, которые кладутся в карманы, на столы, употребляются для стенных уборов, он и другие купцы отнюдь не выписывали и не вывозили.

Члены Синода по-прежнему были из малороссиян; духовник императрицы протоиерей Дубянский был малороссиянин; фаворит Разумовской был также малороссиянин. Мы уже говорили, что главным достоинством Елисаветы, несмотря на вспыльчивость ее в отдельных случаях жизни, было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала все их столкновения вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не вредило интересам службы; она одинаково охраняла людей, полезных для службы, твердо держала равновесие между ними, не давала им губить друг друга. Этому спокойному, беспристрастному отношению императрицы к людям кн. Шаховской обязан был возможностью сохранять свое трудное место, несмотря на сильную набожность императрицы, несмотря на то что иностранцы уже кричали о чрезвычайном влиянии, данном Елисаветою духовенству, несмотря на то что малороссияне должны были находить себе заступника в фаворите-малороссиянине. Но понятно, что там, где интерес малороссиян и Малороссии не сталкивался ни с какими и ни с чьими други-

ми интересами, Елисавета охотно должна была выслушивать представления фаворита и охотно делать все то, что могло содействовать благосостоянию страны, откуда он был родом.

Мы оставили Малороссию пред восшествием на престол Елисаветы, когда главным правителем страны был генерал Кейт. Мы видели, что Кейт намекал Остерману, что надобно воспользоваться нерасположением малороссиян к великороссиянам и в число великороссийских членов управления ввести немца. Но план не был приведен в исполнение: Кейт скоро понадобился в Петербурге, и Остерман назначил главным правителем Малороссии своего приверженца из русских известного Ив. Ив. Неплюева. Но и Неплюев недолго пробыл в Малороссии. В конце октября 1741 года приехал он в Глухов, а 3 декабря приехал туда генерал Бутурлин с манифестом 25 ноября о восшествии на престол Елисаветы; Бутурлину было велено сменить Неплюева, отправить его в Петербург, а самому остаться правителем Малороссии впредь до нового распоряжения. Старшина и полковники поднесли за это известие Бутурлину 2000 рублей и выбрали троих депутатов – Апостола, Марковича и Горленко – для отправления в Петербург ходатайствовать по малороссийским делам пред новою императрицею. В январе 1742 года депутаты отправились и наняли себе в Петербурге квартиру – пять каменных палат в верхнем этаже за 14 рублей в месяц; извозчик с парюю лошадей стоил 40 алтын в день, сани и упряжь свои. Первые визиты были к генералу Ушакову,

продолжавшему заведовать Тайною канцеляриею, и к канцлеру князю Черкасскому. Затем следовали другие вельможи, из которых только князь Александр Бор. Куракин, любивший сильно попить, угостил депутатов, «напоил и накормил с особливою своею похвальною склонностию». Только на четвертый день депутаты были *по службе* у Алексея Григорьевича Разумовского, камергера, *нашего* малороссиянина. На шестой день после обеда были во дворце и имели аудиенцию у ее импер. величества. Государыня изволила стоять в присутствии дам и господ. Привет говорил пан полковник лубенский Апостол; на привет отвечивал тайный советник барон Миних, обнадеживая милостию монаршею весь народ и партикулярно депутатов. После того допущены были к ручке ее величества.

Депутатов ласкали, часто приглашали по вечерам во дворец на оперы, «где девки италианки и кастрат пели с музыкою». Бывали у земляка Разумовского, у которого выпивали по 10 бокалов венгерского; ездили в Академию покупать книги, смотрели Кунсткамеру, глобус, библиотеку и другие диковинки; в Академии же были на лекции: профессор физики Крафт многие делал при них опыты стеклами зажигательными чрез микроскопиум композитум, чрез зажигательные планы, принз метальный и деревянный, чрез барометр и гидрометр. Ездили смотреть слонов, львиц, бобров полосатых, медведей белых и других зверей и птиц.

Насмотревшись этих диковинок в новой столице, мало-

российские депутаты в марте месяце поехали в Москву присутствовать при коронации. Здесь на третий день по приезде отправились в Немецкую слободу во дворец к Разумовскому, который напоил их венгерским. Потом опять ездили во дворец к Разумовскому и удостоились быть у ручки ее величества и милостивые слова слышать и подпили; вечером отправились к отцу-духовнику, также своему малороссиянину. В Москве по поводу коронации начались увеселения при дворе: депутаты ездили во дворец и были на опере в оперной зале, где в изъяснение милосердых качеств ее величества репрезентовалась история о Тите, императоре римском, и составленной на него конжюрации чрез Сикстуса и Лентулуса с поущения Вителлии, дочери убиенного Вителлия, которым всем онный император простил. Сие представление украшено было декорациею лесов, площадей, облаков при преизрядном пении и при танцах экстраординарных. Но для малороссиян были особенные удовольствия: Разумовский пользовался случаем, чтоб погулять с своими: сватается его дворовый человек на дворовой девушке – Разумовский позовет своих на малороссийскую свадьбу, и подопьют. Воротятся депутаты вечером домой, а там уже ждут их дворцовые – слепой бандурист и певчие, и начнется куликанье. Поедут к архиерею черниговскому, тверскому, все это свои же, и покуликают довольно. И у себя депутаты могли поить и кормить гостей: к ним из Малороссии приходили обозы, привозили горелку двойную, анисовую, вишне-

ку, тютюн, сало, ветчину, гусей, уток, индюков, пшено, свечи восковые и сальные, розу-варенье, прянички, сыры, пригоняли волов, овец. Не все куликали: ездили в Сенат, подавали просьбы по общим и частным делам, ездили к почтмейстеру, вносили по 18 рублей, чтоб в следующем году получать газеты французские, амстердамские, подговаривали иноземцев для обучения детей немецкому и латинскому языкам за 35 рублей в год.

Так провели малороссийские депутаты в Москве 1742 год, в конце которого отправились домой. А между тем Разумовский не был празден. Еще 15 декабря 1741 года Елисавета в свое присутствие в Сенате указала иметь рассуждение, какое малороссийскому народу сделать облегчение в подачах и в прочем, чтоб он мог поправиться от убытков, терпленных в бывшую турецкую войну вследствие пребывания у него большого войска. 21 мая 1742 года генерал-прокурор предложил следующие средства облегчить Малороссию: проезжие ничего не должны брать даром, сами не должны ставиться на квартиры, а брать, какие отведет им местное начальство. В 1739 году Генеральная войсковая канцелярия запретила прежде бывший переход крестьян с места на место под предлогом, что от этого много народу уходит за границу: теперь этот переход позволить, но смотреть накрепко, чтоб побегов за границу из Малороссии из слободских полков не было. Почты, учрежденные во время турецкой войны, свести, а содержать только одну – от Глухова по Киевско-

му тракту. Доимку снять. Сенат согласился. Запрещено было также великороссиянам закреплять за себя малороссиян.

Правителем Малороссии или министром, как тогда выражались, был назначен генерал Ив. Ив. Бибииков. Правительство строго наблюдало, чтоб льготы малороссийские сохранялись нерушимо; но как прежде, так и теперь сами малороссияне просили как милости нарушения этих льгот. Так, один из самых видных людей в Малороссии, человек образованный или по крайней мере большой охотник до образования, покупавший книги русские и иностранные и делавший из них длинные выписки, выписывавший иностранные газеты и учителей иностранных к детям своим, оставивший нам любопытные записки, бунчуковый товарищ Яков Маркович, которого в 1742 году посылали депутатом от Малороссии приветствовать новую императрицу и ходатайствовать о льготах для Малороссии, – этот самый Яков Маркович по возвращении в Малороссию в 1743 году подал просьбу о пожаловании его за службу чином полковничьим на ваканцию. Сенат решил отказать в просьбе, потому что по пунктам, данным гетману Апостолу, велено в полковники выбирать вольными голосами по прежнему их малороссийскому обыкновению.

В Малороссии, стране земледельческой и бедной народонаселением, вопросом первой важности был вопрос об отношениях земледельцев к землевладельцам. Мы знаем, что издавна в Малороссии слышалась жалоба на стремление зем-

левладельцев делать своими подданными или крепостными вольных козаков. Закрепощенные таким образом крестьяне поднимали иски, добиваясь по-прежнему в козаки. В 1746 году войсковая канцелярия представила Сенату, что по указу Петра Великого позволено крестьянам искать козачества, но от этого происходят злоупотребления: во время войны молчат, а в мирное время, чтоб не платить податей и завладеть панскими землями, начинают отыскивать козачества, затрудняют и малороссийские суды, и Сенат: являются челобитчики лет в 70, и он, и отец его постоянно были в мужиках, а показывают, что дед был козаком, и поставляют свидетелей моложе себя, которые говорят, что от отцов своих слышали, будто челобитчиков дед служил в козаках, а в старых козацких списках его нет; чтобы уничтожить такое злоупотребление, надобно назначать годовой срок, в который бы все отыскивали козачества, а по прошествии срока челобитчикам отказывать, иначе просьбам конца не будет; притом же мужики принимают такую суровость, что как скоро подали челобитье, то уже владельцев отнюдь слушать не хотят, бьют их и прикащиков. Сенат не согласился, запретил назначать годовой срок. На этом основании в следующем году 79 человек Черниговского полка били челом, что еще Павел Полуботок и сын его завели их себе в подданство; они просили освобождения, но справедливости им не оказано, только взятками разорены: бригадир Ильин взял с них куфу горелки, полковник Тютчев – 12 рублей денег и две куфы горел-

ки, подполковник Семенов — два рубля. Сенат велел исследовать дело; обвиняемые заперлись, но обвинители присягнули в правде своих показаний, и решено, что надобно взять с обвиненных за взятки вдвое и отдать обвинителям.

В 1749 году киевский губернатор Леонтьев представил в Сенат, что великороссийские купцы для всенародной пользы просят позволения сидеть в Киеве в рядах сообща с киевскими мещанами и врознь всякими товарами торговать; подати у себя в великороссийских городах будут они платить бездомочно и Киевскому магистрату всякие повинности отправлять; по мнению Киевской губернской канцелярии это следовало позволить, ибо киевским мещанам от этого никакого стеснения не будет. Но Сенат, справившись, что в грамоте Петра Великого запрещено приезжим в Киев торговым людям сидеть в лавках вместе с киевскими мещанами и продавать товары в локти, фунты и золотники, послал Леонтьеву выговор, что он об отмене существующих указов не должен был представлять. Еще прежде Киевский магистрат жаловался Сенату, что Главный магистрат привлекает его под свое ведение, тогда как он в ведомстве Главного магистрата никогда не бывал, и слался на привилегии. подтвержденные Петром Великим. Главный магистрат объяснил, что он Киевский магистрат в свое ведение не привлекает, а посылает для известия указы о пожаловании разных людей чинами и об отставках. Сенат приказал из Главного магистрата в Киевский магистрат никаких указов не посылать.

Малороссия много пострадала от засухи и саранчи; поэтому в августе 1748 года императрица приказала Сенату постановить меры для облегчения Малороссии. Призваны были в Сенат находившиеся тогда в Петербурге малороссийские депутаты и спрошены, не признают ли они полезным вследствие недостатка в хлебе запретить малороссийским обывателям курить вино; депутаты отвечали, что надобно позволить курить вино только духовенству и шляхетству, генеральной и прочей тамошней старшине и выборным козакам, потому что они для винокурения хлеб большею частию покупают, и то против наличного числа козаков половине; а прочим рядовым козакам и подсоседкам, также мещанству и посполитому народу винокурение запретить. Сенат согласился.

Великороссийский офицер не мог позволить себе безнаказанного насилия над малороссиянином: кирасирский поручик Ланской за разграбление дома малороссиянина Степанова, за смертельные ему побои, за держание жены его в двух колодках, за пытки и мучения племянницы и служительниц его и посторонних пяти женщин лишен был всех чинов, наказан плетью в Малороссии и написан в солдаты.

От насилий великорусских офицеров легко было доставить безопасность малороссиянам; но и в Малороссии, точно так же как и в Великой России, трудно было доставить жителям безопасность от разбойников. В записках одного из самых знатных и богатых людей в Малороссии находим следу-

ющее известие: «Приехал в Сварков и застал дочь мою старшую, которая объявила, что напали на них в селе Будилове ночью разбойники, взяли ее и пана Стефана, тирански били и начали было пекти (поджаривать) и, побравши все деньги, серебро и проч., ушли за границу». Сильную заботу доставляло правительству Запорожье как рассадник разбойничества. В 1742 году определено было посылать запорожцам ежегодно по 4660 рублей, кроме того, муки по 1000 четвертей да круп на то число по пропорции; пороху и свинцу по 50 пуд; но запорожцы не довольствовались этим жалованьем и рыбными и звериными промыслами: они нападали на козаков и калмыков, посылаемых в пограничные разъезды, отбирали у них лошадей и оружие. Малороссияне, ездившие из Бахмута в Черкасск, жаловались, что запорожцы их грабят; с заставы Каменного Брода приезжали донские козаки с жалобами, что на них нападают запорожцы и ссылают их с заставы, объявляя, что река Миус в их владении. Запорожцы в свою очередь жаловались, что Донское Войско сильно обижает их, из рек Калмиуса и Миуса и прочих рыболовных мест отгоняет их, запорожских и болоховских козаков. Донцы жаловались на большие обиды, грабительства и разорения от запорожцев и просили, чтоб запорожцам запрещен был въезд в не принадлежащие им места: в Калмиус, Калчики, Еланчики и особливо в Миус и Темерник, также в морские косы, довольствовались бы они по-прежнему местами, прилегающими к их стороне между Днепром и впадающею в Азов-

ское море рекою Бердою; а если запорожцы на Миусе будут зимовать и весною вместе с донцами добываться (промышлять), то из Черкаска лошадей в поле выпустить будет некуда и проезд изо всех мест в Черкасск с разными припасами всякого звания людям может быть остановлен. Для размежевания отправлен был подполковник Бильс, которому кошевой объявил, что письменные документы в шведскую войну все пропали; надобно было прибегнуть к сказкам старожил, но по этим сказкам обе стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владеют спорными местами недавно, но не самовольно, что у них на то есть грамота, подписанная Ив. Ив. Неплюевым, бывшим при разграничении между Россиею и Турциею; но оказалось, что в этой грамоте просто заключалось извещение Неплюева о заключении мира между Россиею и Турциею. Сенат приказал: запорожцам владеть от Днепра рекою Самарою, Вольчими Водами, Бердою, Калчиком, Калмиусом и прочими впадающими в них речками и подлежащими к тем рекам косами и балками по прежнюю границу 1714 года; а от реки Калмиуса – Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником до самого Дона и впадающими в них речками, балками и косами владеть донским козакам; границею быть реке Калмиусу.

В начале 1747 года киевский губернатор Леонтьев доносил, что в Запорожье посылаются строгие грамоты о пресечении воровства и разбоев, и кошевой с товариществом представлял, что он со всеми куренными атаманами и нема-

лою командою рядовых Козаков ходили врознь партиями по всем степным речкам, лежащим при Азовском море, балкам, байракам и другим местам для искоренения воров, разбойников и других беспаспортных бродяг, сыскали воров Журавля и Калгу с 20 товарищами и повесили. Леонтьев прибавлял, что, несмотря на это, запорожские козаки не отстают от укорененных в них злодейств, ибо как с польской стороны, так и от русских подданных много жалоб на их разбои, смертные убийства и грабительства. Но с одной стороны, надобно было побуждать кошевого, чтоб он преследовал разбойников, а с другой – удерживать, чтоб он не казнил пойманных смертию, а сообразовался с общим распоряжением для всего государства. В 1749 году шесть человек запорожцев в польских владениях разбили жида, в чем и повинились. Леонтьев из Киева отослал их в Запорожье с приказанием наказать их жестоко по войсковому обыкновению в присутствии всех козаков. Кошевой рапортовал, что двое разбойников повешены, а прочие публично без пощады киевым боем жестоко наказаны, «ревнуя высочайшим ее императорского величества указам, дабы такое непрерывное воровство прекратиться могло». Сенат велел послать указ, чтоб впредь не казнили, а присылали ему приговоры. Кошевой представил, что если не казнить, то воровства и других шалостей искоренить будет невозможно. Сенат, разумеется, не принял этого представления. Беспрерывное воровство не прекращалось: гайдамаки жили в зимовниках при Ингуле и

в урочище Вербовом числом до 3 и до 4 тысяч. В 1750 году Военная коллегия доносила, что город Изюм стоит на самой границе; за ним шатаются многочисленные разбойничьи партии из Запорожья и нападают на промышленников, приезжающих в Тор и Бахмут за солью, а в Черкасск за рыбою, также разоряют и обывателей изюмских. Донцы жаловались опять, что запорожцы нападают на их владения. Сенат велел послать в Запорожье обычную грамоту, чтоб там прилагали старание об искоренении воровских людей. Это было последнее распоряжение Сената: 25 октября 1750 года Запорожье поступило в ведение малороссийского гетмана.

Мы видели, что в 1744 году Елисавета предпринимала путешествие в Киев. Малороссийская старшина определила выставить 4000 лошадей для проезда ее величества; но Алексей Гр. Разумовский писал Бибикову, что надобно выставить еще столько же лошадей да под свиту 15000 и все это надобно собрать с обывателей. Собирали подводы, но в то же время собирали и подписи под челобитною государыне об избрании гетмана; впрочем, не вся генеральная старшина подписалась, а на этом основании не подписывались и другие, менее чиновные люди. 6 августа Елисавета въехала торжественно в Глухов. Около кареты ехали старшина и бунчуковые с обнаженными саблями. Подъехавши к городским воротам, Елисавета вышла из кареты и приняла поздравление черниговского епископа Амвросия Дубневича; потом она пешком отправилась в девичий монастырь, где слушала

обедню и проповедь черниговского архиеерея. Из церкви с той же церемонией поехала в министерский дом, где принимала знатных малороссиян и слушала поздравительную речь Михайлы Скоропадского. Потом села обедать, а после обеда забавлялась танцами малороссиянок, польскими и козацкими. На другой день чрез Разумовского подано было прошение о гетмане; кроме того, все полковники, стоявшие с полчанами своими на станциях до самого Киева, подали такое же челобитье.

5 мая 1747 года Сенат получил указ: быть в Малороссии гетману по прежним тамошним правам и обыкновениям и оногo во всем на таком основании учредить, как гетман Скоропадский учрежден был. Только в начале 1750 года приехал в Глухов граф Генрихов, по требованию которого старшина съехалась в генеральную канцелярию и подписывалась на прошении, чтоб гетманом быть брату фаворита графу Кирилле Григорьевичу Разумовскому, известному уже как президент Академии наук. Это было 18 февраля; а ровно через месяц, 18 марта, в Глухове в квартире министерской было собрание всех полковников, бунчуковых товарищей, старшины полковой и сотников; туда же приехали архиеереи и все духовенство, и объявлено было избрание гетмана Разумовского, а рядовых козаков не было. 22 числа совершилось публичное избрание. Собрались полки с музыкою и стали около театра: торжественное шествие двигалось от квартиры графа Генрихова: несли знамя, булаву, бунчук, печать,

шли старшины, а впереди всех ехал в карете секретарь с высочайшею грамотою, по прочтении которой граф Генрихов спрашивал всех, кого избирают, и в ответ получил: «Графа Кирилла Григорьевича Разумовского». После этого все отправились в церковь, где слушали проповедь и молебен.

Так был избран гетман, назначенный в Петербурге. Велено было уничтожить в Малороссии казенные конские заводы и фабрики; отозваны были великороссийские члены малороссийского управления; Малороссия перешла опять в ведение Иностранной коллегии вместо Сената; но гетман, воспитанный в Петербурге и за границею, нисколько не напоминал старых гетманов. Он и жена его, урожденная Нарышкина, скучали в Малороссии и рвались в Петербург, ко двору; в одном письме, умоляя императрицу позволить приехать ему в Петербург, Разумовский писал, что сырой климат Глухова ему страшно вреден, что он может получить облегчение в своей болезни только в благословенном климате петербургском. Притом Разумовский нуждался постоянно в менторе и привез с собою в Малороссию Григория Теплова, а Теплов стоил четверых великороссийских членов прежней Малороссийской коллегии.

Восстановление гетманства в Малороссии не обошлось без доноса. Киевский генерал-губернатор Леонтьев прислал в Сенат письмо, писанное будто бы миргородским полковником Василием Капнистом к Рудницкому, старосте чигиринскому, от 29 февраля 1750 года: «Желание мое быть гетма-

ном не сбылось, ибо выбрали гетманом Кирилла Григор. Разумовского не по его должности. Ныне по нашей присяге с шляхтою и ордою старайся отдать орде в ясырь заднепрские места от Архангельска до устья Тясмина, и для того от меня командирами в заднепрские места отправлены Байрак и Попатенко, которые ни в чем орде и шляхте противиться не станут и еще помогать будут, а из российской команды я постараюсь, чтоб ни один оттуда не вышел, а сам буду искать случая, с гетманом гуляючи, смертною отравою его напоить и по нем гетманом быть». В Киеве учреждена была по этому делу особая комиссия, которая признала Капниста совершенно невинным, и за то, что понапрасну держали под арестом, его произвели в бригадиры и подарили 1000 червонных.

Малороссийское народонаселение в XVIII веке вытягивалось далеко на восток, к границам государства с степною Азиею, где Россия мстила кочевникам за их прежние опустошения, приглашая к выгодной торговле. Мы видели, как давно заботились здесь о приискании и укреплении места, которое должно было именно быть средоточием среднеазиатской торговли, мы видели здесь деятельность Кириллова, которого заменил Татищев; при Елисавете мы видим здесь другого птенца Петра Великого, Ив. Ив. Неплюева, хорошо известного нам по дипломатической деятельности в Константинополе. Расположение Остермана готовило Неплюеву более широкое поприще: мы видели, что в правление Анны

Леопольдовны он был назначен правителем Малороссии; переворот 25 ноября, падение Остермана повели и к падению Неплюева как креатуры Остермана; но были люди, и прежде других сама императрица, которые считали Неплюева креатурою Петра Великого и не считали полезным отнять деятельность у человека, отмеченного преобразователем. Но оставим самого Неплюева рассказывать нам о своих приключениях.

«В исходе того года (1741) прислан в Глухов Александр Бор. Бутурлин, коему повелено меня, сменя от всех должностей, отправить в Петербург, а притом публиковать, так как и во всем государстве опубликовано было, что все указы, какого бы звания ни были, данные в бывшее правление, уничтожаются и все чины и достоинства отъемлются, и посему я увидел себя вдруг лишенным знатного поста, ордена и деревень. Приехав в Москву, узнал, что меня обвиняют дружбою с графом Остерманом; и хотя я ничего противного отечеству и самодержавной власти не только не делал, не слышал, но ей-ей и никогда не думал; со всем тем сия ведомость меня потревожила несказанно. В графе ж Андрее Ивановиче имел я всегда моего благодетеля, и за что он так осужден был, того также по совести, как пред Богом явиться, не ведал. Возложился на Бога и на мою неповинность и с теми мыслями в Петербург прибыл и явился у князя Алексея Михайловича (Черкасского) и у князя Никиты Юрьевича (Трубецкого), кои мне всегда были благодетели. Князь Никита

Юрьевич сказал, чтоб я ехал к принцу Гессен-Гомбургскому и ему бы доложил о моем приезде, что я и сделал. От принца прислан был ко мне приказ, чтоб я никуда не съезжал с двора, и потом сведал, что в особо учрежденной комиссии в 16 пунктах допрашивали графа Остермана: не ведал ли о сем Неплюев? И он давал ответы, как то и подлинно было, что я ни о чем не был известен; и хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований по управлению делами, каковых мало было в Европе. В начале 1742 прислан мне от принца приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был на колена пред церковью в то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила в оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орден св. Александра Невского и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе ей принадлежащей, и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в бозе опочивающего родителя. Потом сделал я визиты всем знатным. Старый мой благодетель Григорий Петрович (Чернышев) принял меня как родного и все силы употреблял к защищению моей невинности. Чрез несколько дней сделана мне от Сената повестка, чтоб я в оный явился, где мне объявлен именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром».

Это назначение было для Неплюева почетною ссылкою; но благодаря своим способностям и энергии он на этом месте служения своего приобрел наибольшее право оставить свое имя на страницах русской истории, на страницах истории цивилизации. Область, вверенная управлению Неплюева, начиналась за Волгою, где Самара была обыкновенным местопребыванием командиров Оренбургской экспедиции. Оренбург, о котором было столько хлопот, который считался оплотом России от Средней Азии, представлял крепость, окруженную забором из плетня, осыпанным земляным дерном; гарнизон был ничтожный. В эту твердыню командиры ездили раз в год с многочисленным конвоем, потому что по всей линии регулярных команд никогда не было, кроме беглых крестьян, называвшихся козаками. Зимой сообщение между Самарою и яицкою линиею вовсе пресекалось.

Неплюев в том же 1742 году объехал линию, назначил, где быть селениям и как укрепить их по правилам фортификационным и достаточным для обороны от степного народа, снабдив все эти места гарнизоном из регулярных войск, артиллериею и пороховыми магазинами. Оренбург он переименовал в Орскую крепость, назначил укрепить ее валом с бастионами, но счел ее неудобною быть торговым средоточием и выбрал для этого место на 250 верст ниже по течению Яика, основал тут новую крепость и назвал ее опять Оренбургом. Этот Оренбург укреплен был рвом и валом с каменною одеждою в окружности без малого пять верст. Неплюев

приманивал туда купцов из Самары и других мест разными выгодами и, желая подать пример поселенцам в перенесении трудов на новом, только что обстраивающемся месте, жил в землянке, как и все другие, и вошел в новоотстроенный свой командирский дом не прежде, как и все другие жители вошли в свои дома, а гарнизон – в казармы, после чего он уже не возвращался более в Самару, или в Русь, как тогда говорили в Оренбурге.

Купцы были приманены в новую крепость торговыми выгодами, и потому надобно было хлопотать о том, чтоб они не обманулись в своих надеждах. Неплюев стал приманивать других купцов из России, писал во все магистраты; с другой стороны, посылал приглашать киргизцев, хивинцев, ташкентцев, кошкарцев, трухменцев и бухарцев; в эту посылку он употреблял татар Сеитовой слободы, давши им хорошие деньги и обещавши еще более, если успеют приманить азиатцев. Татары исполнили как нельзя лучше поручение, и в 1745 году в Оренбурге происходила уже значительная торговля. Мы уже приводили известия Неплюева об успехах этой торговли. В 1749 году Неплюев писал в Сенат, что в прошлом году русские купцы получили в Оренбурге серебра персидскою монетою от азиатских купцов 71 пуд 13 фунтов; а с последней половины апреля текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых тамошних обыкновенных товаров очень немного, но персидского серебра 418 пуд 22 фунта; а так как привозных туда из России

товаров только на 140000 рублей, из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то по просьбе русских купцов принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своем коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее еще доставить нужных товаров в Оренбург; сверх того, писано в Казань, чтоб тамошние купцы спешили туда же с своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отохожены от приезда в Оренбург в большом числе. Сенат послал сказать Неплюеву, что его распоряжениями доволен. Скоро Неплюев сделал другое распоряжение: из привезенного азиатцами серебра большую половину взяли астраханские купцы за свои товары и повезли в Астрахань, а так как там находился порт, то Неплюев писал астраханскому губернатору о предосторожности, чтоб это серебро опять не ушло в Персию. Сенат послал указ в Астрахань: иметь крепкое смотрение, чтоб за границу никакого серебра не вывозилось.

Неплюев не был доволен малороссийским народонаселением уральских степей. При императрице Анне вызвано было туда из Малороссии 209 семей, которые жили сперва на казенном содержании, потом это содержание велено прекратить, но зато их не употребляли ни в какие наряды, никому не давали они подвод, имели право ходить для промыслов в русские города. В 1744 году Неплюев представил Сенату о неспособности черкас: несмотря на данные им льго-

ты, они нисколько не поправились и он принужден был раздать им несколько сот четвертей казенной ржи, чтоб некоторые из них, особенно малолетные, престарелые и сироты, с голоду не померли. Некоторые из них просились поселиться внутри линии на реке Кинели и в других местах ближе к русским жилищам, а другие желали возвратиться в Малороссию. Неплюев, рассуждая, что от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, даже опасно, чтоб их, неосторожных и слабых людей, киргизы внезапными набегами не растаскали, как то в прошлом году и случилось с ними не в одном месте, позволил поселившимся на Яике при урочище Рассыпном, где особенно часты бывали воровские перелазы, переселиться на реку Кинель, о желании же других возвратиться в Малороссию донес Сенату, требуя его разрешения; Сенат разрешил отпустить их на родину, на прежние места жительства. В том же 1744 году была учреждена Оренбургская губерния, губернатором которой назначен был Неплюев. К новой губернии отошли все вновь построенные по границе и строящиеся крепости с регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами, также две провинции – Исетская и Уфимская – со всеми башкирскими делами; наконец, оренбургский губернатор должен был ведать киргизский народ и тамошние пограничные дела.

Относительно Сибири и самых отдаленных ее местностей царствование Елисаветы началось религиозным распоряже-

нием: в начале 1742 года в камчадалскую землицу определен Синодом для проповеди слова Божия тобольского Спасского монастыря архимандрит Иосиф Зинкеевич. В конце года видим распоряжение об отправлении туда же архимандрита Хотунцевского с двумя студентами высших школ, которые должны были обучать новокрещенных детей русской грамоте, букварю с истолкованием Божественных заповедей и Катехизису. В Пекин на место умершего архимандрита Илариона Трусова отправлен был для проповеди слова Божия архимандрит Гervasий Линцевский с иеромонахом и иеродиаконом.

Вместе с заботами о хлебе духовном шли заботы о хлебе материальном. С первого поселения русских в Сибири до половины XVIII века правительство должно было кормить своих служилых людей в Сибири хлебом, привозимым из Европейской России. В 1746 году Сенат послал указ о посеве в верхиртышских крепостях хлеба – ржи, овса, ячменя. Сибирский губернатор Киндерман донес, что в 1747 году яровой и рожь родились с прибылью, именно прибыли 4795 четвертей. Весною 1748 года посеян хлеб в тобольских, ишимских, колыванских, кузнецких и тарских линиях. Киндерман предлагал для успеха хлебопашества завести скотоводство, закупить быков и обещал, что через два года крепости будут пробавляться своим хлебом и прекратится убыточная для казны привозка хлеба в них. Сенат одобрил распоряжения Киндермана и определил выдать ему 1000 рублей в награду.

Но не должно думать, чтоб в описываемое время на всем протяжении Сибири все спокойно подчинялось русскому правительству, его распоряжениям, церковным и гражданским. Из Анадырского острога майор Павлуцкий доносил, что 1746 года в марте месяце из Анадырска ходил он с командою на Колымское море для сыску неприятелей-чукчей, которых и нашли в пяти юртах 16 человек, и всех их побили, а другие тут же сами, не хотя идти в покорность, прирезались, жен и детей своих всех прикололи и повесили; русские взяли в добычу оленей сот с шесть, которые употреблены на пропитание служилым людям; потом опять нашли чукчей и отбили у них 50 оленей, а самих побить не могли, потому что они, приколов детей своих, бежали, а в погоню за ними по малолюдству команды и по неимению съестных припасов послать было нельзя. Летом того же года Павлуцкий донес, что ясачные акланские и каменные коряки изменили, убили ехавших из Охотка священника и при нем 5 человек, также убили семь козаков Акланского острога да посланных Павлуцким за разными делами двоих сержантов, одного пятидесятника, 10 козаков, приезжали к Акланскому острогу, стояли под ним двое суток и убили козака. В марте 1747 года Павлуцкий, узнав о приближении чукчей, которые разбивают ясачных коряков, взял с собою лучших легких солдат и козаков 97 человек да коряков 35, отправился на оленях и собаках вперед и за собою велел следовать сотнику Котковскому с остальным войском, состоявшим из 202 человек. 14

марта Котковский получил известие, что Павлуцкий 13 числа ночью напал на чукчей при устье речки Орловой на горе; чукчи разбили его и убили, убили также 50 человек, ранили 28, взяли ружья, пушку, знамя, барабан; чукчи одолели числом, потому что их было с 500 или 600 человек, и удобством положения: чукчи были на горе, а Павлуцкий под горою. Посланный на место Павлуцкого поручик Кекеров в начале 1749 года начал действовать против изменивших коряков; изменники, прирезав жен и детей своих, человек до 30, ушли ночью; Кекеров сам не мог преследовать их, потому что был ранен из ружья; погнавшаяся часть войска настигла их, но они сели в осаду в пещере, к которой приступить было нельзя, потому что в нее ходят на ремнях. В конце 1749 года канцелярия Охотского порта доносила, что в недалеком расстоянии от Ямского острога видают неприятелей в большом числе. Отправленный из Ямского острога сержант Белобородов с командою для строения крепости доносил, что в июле 1749 года напали на них неприятели, человек 400, бились часа с четыре; неприятель был прогнан, но русские нашли у себя 14 человек раненых.

Эти события, происходившие в неведомых странах, на берегах Восточного океана, были известны очень немногим в Москве и Петербурге, где все внимание было обращено на Запад, где заботливо сторожили движения опасного прусского короля и особенно боялись его влияния в соседней Швеции. Система Бестужева, в основании которой лежала

мысль, что самый опасный враг России есть Фридрих II, торжествовала; но знаменитый канцлер не мог спокойно наслаждаться ее торжеством, ибо число и значительность врагов его не уменьшались.

Осенью 1749 года Елисавета отправилась из Москвы в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), где хотела праздновать свои именины (5 сентября); здесь она пожаловала в камер-юнкеры родственника графов Шуваловых молодого Ивана Ивановича Шувалова. Это назначение было событием при дворе; все перешептывались, что это новый фаворит; небольшой кружок охотников до образования радовался возвышению молодого человека, которого видели всегда с книгою в руках; но не мог радоваться этому канцлер, предвидя, как фавор Ивана Шувалова усилит значение враждебных графов Шуваловых, Петра и Александра. Значение Алексея Гр. Разумовского, по-видимому, не понизилось, но молодой брат его граф Кирилл, ходивший на помочах своего дядьки Теплова, не разделял нисколько приязни старшего брата к канцлеру.

От пребывания двора в Москве в 1749 году до нас дошла любопытная записка канцлера, составленная в октябре «для всевысочайшего известия»: «Хотя тогда никто слова не говорил, как Лесток на обеде у шведского посланника Вульфеншетерна (в присутствии послов, всех чужестранных министров и здешних знатнейших) канцлера с великим грубиянством принуждал за здоровье ее императорского величе-

ства пред всеми людьми пить; но как на прошедшей неделе в четверток, т.е. 12 сего октября, канцлер на новоселье у князя Мих. Андр. Белосельского, где было за столом с хозяином и хозяйкою 20 персон, асессора Теплова принудить хотел, чтоб он за здоровье графа Алексея Гр. Разумовского покал, который всеми полон пить, полный же выпил, то теперь по всему городу уже рассказывают, будто канцлер Теплова разругал, с великим для него (канцлера) прискорбием, что его неприятели (коих без причины столько же много, как волосов на голове) тем пользуются пожалованный ему от ее императорского величества из первейших в государстве чин с таким молодым человеком смешивать. Канцлер, однако ж, за излишне поставлял бы ее императорского величества оправданием своим пред Тепловым утруждать; но дабы как где ложно обнесенным не быть, то всенижайше дерзновенно приемлет представить, что канцлер, увидя, что Теплов в помянутый покал только ложки с полторы налил, принуждал его оный полон выпить, говоря, что он должен полон выпить за здоровье такого человека, который ее императорскому величеству верен, так и в ее высочайшей милости находится и от которого ему подлинно много благодетельств сделано, и что к чему же в такие компании и ездить, буде с другими наравне не пить. Но как Теплов грубиянство имел и того не послушаться, то, может быть, канцлер ему и сказал, что разве он хочет примеру церемониймейстера Веселовского последовать, а впрочем, никакого бранного ниже оскорби-

тельного слова не сказал, и в том на всех беспристрастных из оной компании ссылается. Что до грубиянства Теплова принадлежит, то он в том уже обык, ибо в многие дома незванный приезжал, гораздо у прочих и старших себя за столом место снимал, да и дам тем не щадит, как то особливо Авдотья Герасимовна Журавка над собою искусство (опыт) тому видела, когда он отнял у ней место в карете, в которой она уже ехала, так что она на улице осталась, о чем она сама лучше донести может. А пример Веселовского в том состоит, что на прощальном обеде у посла лорда Гиндфорта, как посол, наливши полный подал, пил здоровье, чтоб благополучное ее импер. величеству государственное более лет продолжалось, нежели в том подале капель, то и все оный пили, а один только Веселовский полон пить не хотел, но ложки с полторы, и то с водою, токмо налил и в том упрямо перед всеми стоял, хотя канцлер из ревности к ее величеству и из стыда перед послами ему по-русски и говорил, что он должен сие здравие полным подалом пить как верный раб, так и потому, что ему от ее императорского величества много милости показано пожалованием его из малого чина в столь знатный. Но канцлер тогда не хотел ее императ. величество сим утруждать, как то и ныне происшедшее с Тепловым в молчании оставил бы, ежели б о том по городу иначе не толковали, хотя он и то и другое из усердия своего сделал: первое из уважения к ее императ. величеству, а другое по любви к графу Алексею Григорьевичу, а еще паче, что и то уважению

противно, чтоб не хотеть пить за здоровье такого человека, который милость ее императ. величества на себе носит».

Несмотря на то что у Бестужева столько же было врагов, сколько волос на голове, он был еще силен в это время, так что самый могущественный враг его граф Петр Шувалов считал иногда нужным сближаться с ним. Так, осенью 1749 года Воронцов объявил прусскому министру Гольцу, что сверх его ожидания Петр Шувалов помирился с Бестужевым. Воронцов был сильно этим огорчен и сказал, что примет место посланника при каком-нибудь дворе, ибо не может бороться с беспорядком, который царствует в России, и утомлен преследованиями своего врага. Когда Гольц заметил, что надеется на милости к нему императрицы, то Воронцов отвечал, что после падения Лестока он не может более полагаться на самые священные обещания императрицы. Слабый луч надежды блеснул было с другой стороны: Воронцов сообщил Гольцу, что имел разговор с Кириллою Разумовским; тот открыл ему, что он и старший брат его начинают ревновать ко власти канцлера, который им очень наскучил, и хотя нужно время для поколебания к нему доверия императрицы, однако они надеются успеть в этом в продолжение года. Надежда отдалить Разумовского от Бестужева основывалась еще на том, что жена молодого Бестужева умерла и таким образом порывалась родственная связь между обеими фамилиями. Но когда Гольц предложил Воронцову деньги для привлечения Алексея Разумовского на свою

сторону, то Воронцов отвечал, что теперь еще не время, что Бестужев еще очень силен.

Бестужев по-прежнему был в силе; Воронцов по-прежнему видел себя в опале и, догадываясь, что перлюстрация, или вскрытие депеш иностранных министров, должна быть главною причиною опалы, подал в конце 1749 года, в день рождения императрицы, новое умиловительное письмо: «Уже пятый год, всемилостивейшая государыня, настаит, как я по несчастливом моем, однако ж безвинном вояже из иностранных государств неописанную и единому Богу сведущему болезнь, сокрушение и горестное мучение жизни моей препровождаю, лишаясь дражайшей и бесценной милости и поверенности вашего императ. величества. Через многие мои письменные и словесные прошения утруждал я ваше императ. величество о милостивом изъяснении; токмо кроме обычайно сродного милосердного ответа от вашего императ. величества не получал, что я напрасно только о том думаю. Я сердцеведца Бога во свидетели представляю и себя на его страшный и праведный суд предаю, что как до сего несчастного моего чина вице-канцлера вашему императ. величеству верный и истинный раб был, столь более ныне в сем чину желаю себя достойным учинить вящей высочайшей милости вашего императ. величества. Я никакого пристрастия и ненависти ни к какому иностранному государю не имел, не имею и впредь иметь не буду; они все у меня дотоле в почтении содержатся, доколе к вашему императ. величеству в

искренней дружбе и любви пребудут. Сие всеподданнейшее прошение побуждает меня чинить рабская моя к вашему императ. величеству верность и должность пожалованного мне чина, ибо чрез несколько уже лет, к немалому моему пороку, по делам вашего императ. величества к докладам не удостоен. Известная перлюстрация писем, которая множеством как река течет, от коллегии скрыта; а понеже довольно ведомо и искусство (опыт) научило, сколь много в сих письмах разные сумнительные и ложные внушения писаны бывали, то весьма справедливо и нужно для осторожности знать, дабы заблаговременно вашему императ. величеству должное изъяснение подать. И для того слезно прошу приказать все оные письма в коллегию сообщать, дабы о прошедшем основательно ведать».

Просьба, как видно, не была исполнена. Понятно, что Воронцову очень важно было знать о прошедшем; что же касалось настоящего, то перлюстрации теряли свое значение. Наиболее возбуждавшими опасение были депеши французского и прусского министров; но с Франциею дипломатические сношения прекратились, с Пруссиею готовы были прекратиться.

В марте 1749 года австрийскому послу графу Бернесу сообщена была промемория: «Никак понять не можно, для чего б король прусский в такое время, когда вся Европа вождленным покоем паки пользуется и ничего неприятельского опасаться не имеет, такие великие военные приготовления,

сильные рекрутские наборы, знатное умножение своей армии предпринимает. Ласкательное мнение, которое он иногда имел бы, чтоб шведскую Померанию себе присвоить, а напротив того, Швеции к завладению Эстляндского и Лифляндского герцогств вспоможение показать, одно достаточно его к некоторым незапным предприятиям приуготовить. Кончина нынешнего короля шведского и тайно замышляемая, а может быть, уже постановленная премена тамошней формы правительства королю прусскому уповательно, по его исчислению, наилучший повод подать могут дальновидными его опасными намерениями. Коль весьма римская императрица-королева притом интересована находится, оное очевидно есть, ибо легко понять можно, что ежели бы Швеции с помощью Пруссии введение самодержавства удалось, то бы оная тогда с Франциею и Пруссиею в главных делах весьма великую инфлуенцию получила вместо того, что Швеция при нынешней форме правительства всегда связанными руки имеет и за весьма слабое и негодное орудие ее союзников признаваема быть может». Тогда же Кейзерлинг доносил из Берлина, что министр Подевилльс по королевскому приказанию сделал ему такое заявление: носится слух, что в Швеции некоторые думают изменить нынешнюю форму правления и опять ввести самодержавие; его величество очень хорошо знает свои интересы и ясно предусматривает, какое влияние будет иметь шведский переворот на эти интересы, и потому такого предприятия он не дозволит, тем менее ста-

нет ему способствовать; он же велел дать знать шведскому кронпринцу, чтоб тот отвергнул подобные проекты, если б они ему были предложены, и никоим бы образом не вмешивался в это дело, которое не может иметь никакого успеха. Сделавши такое заявление относительно Швеции, Подевилльс начал объяснять прусские вооружения: король, говорил он, ничего так не желает, как сохранения всеобщего спокойствия; но так как все его соседи ревностно вооружаются и делают такие распоряжения, к которым приступают обыкновенно накануне войны, то благоразумие требовало позаботиться и о своей безопасности. Вот единственная причина, заставляющая короля готовить свои войска на всякий случай, в прочем же он будет следовать своим неизменным чувствам, заставляющим его соблюдать драгоценнейшую дружбу ее импер. величества. На отпускной аудиенции Кейзерлингу сам король повторил все эти заявления.

Гросс, назначенный, как мы видели, на место Кейзерлинга, начал свои донесения тем, что вооружения прусского короля внушены страхом пред вооружениями России и Австрии, что он сам никак не решится начать войну и что военные приготовления, сделанные Россиею, представляют лучшее средство удержать прусского короля и шведское министерство от всяких нововведений. В конце марта Подевилльс уверял австрийского посланника графа Хотека и секретаря датского посольства, что его король теперь в северные дела ни прямо, ни косвенно вмешиваться не хочет, разве только

для их мирного улаживания; для отнятия всякого подозрения король даже откладывает свою поездку в Пруссию. В апреле Гросс уже доносил, что военные приготовления в Пруссии день ото дня ослабевают, ибо в Швеции не предполагается никаких перемен, которые не могли бы произойти без помощи Франции, а Франция нуждается в покое.

1750 год начался неудовольствиями. Манифест императрицы, чтоб все офицеры из остзейских провинций, находившиеся в чужестранной службе, оставили ее и возвратились в Россию, был очень дурно принят в Берлине. В начале января Гросс дал знать, что эстляндец Деколонг, приезжавший к нему тайно из Потсдама, тотчас по возвращении по королевскому указу был взят под караул. «Это может служить доказательством, – писал Гросс, – что король не только хочет задержать силою русских подданных в своей службе, но и по усиливающейся день ото дня подозрительности своей он пресек чужестранным министрам почти все сношения с своими подданными и с находящимися в его службе людьми». Через несколько времени после этого Гросс собрался съездить в Потсдам посмотреть новопостроенный королевский замок Сансуси; но получил от Подевиляса *дикое*, как выражается Гросс, письмо, в котором давалось знать, что король не желает этого посещения, после того как открыта его, Гроссова, переписка с офицерами прусской армии и даже с теми, которые находятся в потсдамском гарнизоне. Переписка эта состояла в циркуляре к лифляндским и эстлянд-

ским офицерам, чтоб они в исполнение воли императрицы взяли отставки из прусской службы.

13 мая Подевилльс вручил Гроссу следующую декларацию: «Сохранение спокойствия и тишины на Севере так важно для короля, что он не может далее откладывать дружеского объяснения с русским двором насчет туч, скопившихся с некоторого времени и грозящих этому спокойствию. Король с горестью видел, что императрица была встревожена предполагаемого переменою в шведской форме правления, и это повело между русским и шведским дворами к объяснениям о предмете, чрезвычайно деликатном для каждого независимого государства. Потом король с истинным удовольствием увидал, что в Швеции приняты были все меры для удаления малейшего подозрения со стороны русского двора. Но король, к сожалению, был обманут в своих надеждах новым мемуаром графа Панина, поданным в прошлом январе, где опять поднят тот же вопрос, на который Швеция должна отвечать согласно с правилами своей независимости и своим достоинством. При таком положении дел король не может удержаться от настоятельной и дружественной просьбы, чтоб императрица всероссийская отложила всякое дальнейшее объяснение и прекратила дело, последствия которого могут погрузить Север в страшные смуты. Король обязан это сделать как по желанию спокойствия на Севере, так и по союзному договору с Швециею, которую он должен защищать в случае нападения на нее».

Легко понять, как не понравилось это объявление при русском дворе, а 7 августа Гросс донес о «презрении своего характера»: по приглашению он вместе с другими иностранными министрами поехал в Шарлотенбург на представление в придворном театре. По окончании представления в той же галерее, где оно происходило, приготовлен был большой стол, и Гросс видел, как король, подозвавши к себе адъютанта, приказывал ему, кого пригласить к ужину; адъютант пригласил министров французского, датского и шведского, но обошел австрийского и русского, и последние отправились через сад к своим экипажам, чтоб возвратиться в Берлин. На дороге нагоняет их тот же адъютант и приглашает австрийского министра к ужину; таким образом, исключен был один Гросс. Вслед за тем все другие иностранные министры были приглашены во дворец на бал и ужин, к одному Гроссу прислано было приглашение только на бал. Гросс после того перестал ездить ко двору, где оказали полное равнодушие к его отсутствию. 6 ноября он дал знать, что приглашенный Петербургскою Академиею наук профессор астрономии Гришау внезапно арестован в своем доме и содержится под караулом, который никого к нему не допускает. Распускалось такое обвинение, что он, отправив часть своего имущества в Россию, переслал и карты прусских провинций; но, по мнению Гросса, его задержали только за то, что он хотел уехать в Россию.

В октябре Бестужев поднес императрице доклад с пропи-

санием оскорблений, нанесенных Гроссу; доклад оканчивался так: «Коллегия иностранных дел в рассуждении таких короля прусского аккредитованному от вашего импер. величества министру учиненных презрительных поступков и показанной чрез то весьма чувствительной *образы* (оскорбления) пред другими чужестранными министрами, всеподданнейше представляет, не соизволите ли, ваше импер. величество, для предупреждения всего того и чтоб долее ему, Гроссу, таких предосудительных уничтожений показывано не было, повелеть его оттуда сюда отозвать». Рескриптом от 25 октября Гросс был отозван, причем ему приказывалось не объявлять прусскому министерству ни о причине его отъезда, ни о возвращении своем назад в Берлин, ни о том, что кто-либо другой будет прислан на его место. Последним поручением, возложенным на Гросса от его двора, было уговорить знаменитого математика Эйлера к возвращению в Россию. 29 октября президент Академии наук граф Разумовский получил от канцлера письмо: «Ее импер. величество всемилостивейше изволила указать вашему сиятельству объявить, чтоб изволили к бывшему в здешней Академии профессором Эйлеру отписать, не похочет ли он паки сюда возвратиться и в здешнюю службу вступить, обнадеживая его особенным ее импер. величества благоволением, и что ему всякие всевозможные снисхождения и выгоды дозволены будут». В этом смысле Разумовский написал Эйлеру: «Вы совершенно уверены быть можете, что сие всевысочайшее соизволе-

ние ее импер. величества не токмо вам, но и вашей фамилии (ежели бы Богу угодно было жизнь вашу пресечь) быть может с немалым авантажем, потому что вы имеете теперь случай включить все то в кондиции, чего покой ваш требует, на прежние же кондиции, о которых я вам неоднократно писал при вступлении моем в правление Академии, прошу не взирать, а сочинить такие, которые к вашему и вашей фамилии совершенному удовольствию служить бы могли». Другое письмо Разумовский писал к Гроссу: «Из приложенного при сем к г. Эйлеру письма под открытою печатью усмотреть изволите, сколь необходимо надобно, чтоб помянутый господин профессор паки возвратился в службу ее импер. величества. Хотя все наисильнейшие обнадеживания в письме моем я ему изъяснил к принятию сего предложения; однако ж ежели вы за благо что усмотрите словесно дополнить, то прошу надежно ему то учинить и ничего не оставить в персвазиях ваших, что бы могло споспешествовать в сем деле. Он человек по причине многочисленной фамилии своей немалый эконо́м, и для того в сем случае наиболее интерес будет действовать. Однако ж что касается до спокойного жития его в России, яко то: свободностей полицейских дому его, буде пожелает иметь собственный, то все по предписанным от него кондициям дозволено и наблюда́но будет, одним словом, он добрую теперь имеет оказию учредить себя, фамилию и дом свой наилучшим образом и, чего сам к спокойному житию предостеречь себе не может, а персонально мне

по приезде объявит, в том я ему буду прилежный помощник. Должность же его не иная будет при Академии, как только быть профессором высшей математики, лекций публичных не читать и никого без произволения своего не обучать, кроме двух или трех ему приданных адъюнктов российских, и то в часы, свободные от трудов, и произвольно».

Гроссу не удалось уговорить Эйлера к возвращению в Россию. Прекращение дипломатических сношений между дворами петербургским и берлинским было главным образом следствием шведских дел, ибо Фридриха II преимущественно раздражали решительные действия русского посланника в Стокгольме, а Бестужев спешил пользоваться раздражением Фридриха II, чтоб избавиться от присутствия в Петербурге прусского посланника, опасного ему по сношениям с его врагами. Те же шведские дела вели к столкновению и обмену неприятных нот с *любимым* теперь в Петербурге кабинетом венским: Россия требовала от него также решительных заявлений насчет шведских дел, а в Вене уклонялись. Мы видели, что русским послом сюда был назначен граф Михайла Петр. Бестужев; Ланчинский оставался несколько времени при нем с прежним значением, но скоро умер.

Кроме шведских дел, к которым оба двора относились не с одинаким интересом. Мих. Петр. Бестужев-Рюмин имел от своего двора еще одно деликатное поручение. В конце 1749 года он получил такой рескрипт императрицы: «Явился здесь в Москве из Трансильвании протопоп Николай Бало-

мири и в нашем Синоде подал прошение, что он прислан сюда от клира и народа трансильвано-волошского просить милостивой защиты православным христианам в нестерпимых бедах и гонениях, претерпеваемых ими за непринятие унии с римскою церковью. Из поданных им бумаг, к вам пересылаемых, вы увидите, что издавна и до самого царствования императора Леопольда они пользовались совершенною свободою относительно веры и отправления богослужения, имели собственных греческой веры епископов и священников без всякого ограничения и принуждения к унии; но вдруг явились от папы римского духовные особы под именем богословов, которые сделали распоряжения к приведению народа в унию, также и от нынешней императрицы об этом некоторые указы последовали. Вы, рассмотря все это, прежде всего обстоятельно наведайтесь, подлинно ли протопоп Баломии послан сюда от всего народа с просьбою о защите и точно ли трансильвано-волошский народ находится в таких обстоятельствах, как он объявляет, и если окажется, что подлинно, то вы можете надлежащий мемориал сочинить и подать министерству императрицы-королевы: в этом мемориале вы будете домогаться, чтоб они по-прежнему были оставлены в греческой вере без всякого притеснения. Вы обратитесь к справедливости и великодушию императрицы, укажите, что в ее областях, во всех государствах и в нашей империи находятся разных наций и религий люди и церкви и к перемене веры не принуждаются. Впрочем, отдается на ваше благо-

усмотрение, подавать мемориал или объясниться устно».

Только в июне 1750 года Бестужев мог отвечать императрице на этот рескрипт. По дальнейму расстоянию и по малому числу приезжающих из Трансильвании он еще не узнал, действительно ли протопоп Баломири послан от всего народа; но узнал другое, что прошлого лета приезжали из Трансильвании депутаты с жалобою на религиозные гонения и возвратились назад без всякого удовлетворения. Потом присланы были оттуда же монах и приходский священник, которые самой императрице подали жалобу на притеснения от униатов: православных, которые унии принять не хотят, напрасно бьют, поносят, отнимают насильно их имущества, сажают в тюрьмы безвинно, двойные подати берут, на церкви налагают оброки и не допускают в них службу совершать, отчего уже в шесть лет младенцы без крещения, старые и взрослые без исповеди и приобщения остаются, а умершие тела без отпевания просто в землю зарывают. До сих пор еще нет никакого решения от императрицы. Бестужев сделал экстракт из рескрипта императрицы, приложил к нему декрет императора Леопольда в пользу православных и противоположный декрет Марии-Терезии в пользу унии и отдал канцлеру графу Улефельду с требованием прекратить гонение на православных как добрых и верных подданных ее величества. Улефельд отвечал, что ни о каких притеснениях не слыхал, но помнит одно: что в Трансильвании явился какой-то возмутитель и хотел подчинить своей власти некото-

рых приходских священников. Его вызвали в Вену для объявления о тягостях, о которых он так разглашал, но он вместо того убежал в турецкую Валахию, а оттуда, вероятно, пробрался в Москву. При этом канцлер уверял, что у них люди всех вер имеют полную свободу, а греческого исповедания людей в Трансильвании гораздо больше, чем всех других.

В августе отправлен был Бестужеву повторительный указ: употребить старания в защиту трансильвано-волошского народа. Бестужев отвечал в конце сентября, что несколько раз упоминал Улефельду об этом деле, тем более что трансильванские депутаты и посторонние приезжавшие из тех мест люди подтверждали, что повсюду там православные священники совершать службу и по домам ходить с требами не допускаются, также книги церковные русской и волошской печати и духовных людей через границу пропускать запрещено; духовные и мирские люди за непринятие унии содержатся по разным местам за крепким арестом, и униатские попы всем православным грозили, что если они не приступят к унии, то не только потеряют все имение, но императрица-королева велит своим войскам искоренить их мечом с женами и детьми. От этого страха многие разбежались по лесам и в горы. На жалобы депутатов до сих пор никакой резолюции нет. Императрица отдала все челобитные тайному советнику Коловрату, у которого находятся в заведовании дела православного народонаселения; но этот Коловрат по своему католическому ханжеству и наущению здешних ду-

ховных всем православным неописанные пакости чинит, и граф Улефельд на представления Бестужева отвечал, что ему надобно взять справки у Коловрата. В последний раз, когда Бестужев спросил Улефельда, в каком положении дело, тот отвечал, что трансильванскому народу никакого утеснения в вере не делается, что приезжающие в Вену православные трансильванцы и тот беглец, что живет в России, все выдумали. Потом Бестужев узнал, что Коловрат объявил депутатам, чтоб, взявши паспорта, ехали назад, и когда они спросили, как же императрица решила их дело, то он с сердцем стал кричать, что они все бунтовщики, шизматики, были прежде униатами, а теперь обратились в шизму; на это депутаты отвечали, что они никогда униатами не бывали, а если некоторые из их попов для корысти, без ведома народа скрытно соединились с римскою церковью, то им до них никакого дела нет. Затем Коловрат, ругая их всячески, стал им грозить, как они смели искать посторонней помощи, и велел им немедленно выехать из Вены. На адвоката, который принялся за их дело и писал челобитные, наложен штраф. «По всем изображенным обстоятельствам явно видно, — писал Бестужев, — в чем состоят здешних духовных желания и происки, и каким опасностям подвержен этот бедный и большею частию простой и безграмотный народ, и что к спасению его другого средства нет, как если ваше импер. величество соизволите повелеть австрийскому послу генералу Бернесу серьезно объявить, что если гонения на греко-католиков не

прекратятся, то вы по единоверию будете их защищать; мои же домогательства здесь никакого успеха иметь не могут. В сербской, кроатской и местами венгерской землях, где живет множество народа православного, оказавшего в последнюю войну великую верность и заслуги больше других подданных, римское духовенство делает разные обиды, но православные и просить здесь не смеют, зная наперед, что никакой справедливости показано не будет». В ноябре Бестужев писал, что приехали православные депутаты из Кроации с жалобами на притеснения, что не позволяют не только строить новых церквей, но и починивать. Депутатов посадили в глубокие подземные тюрьмы, а потом отправили в Кроацию и там разбросали по крепким тюрьмам. Из Трансильвании постоянные известия, что гонение на православных продолжается с неописанною жестокостию. Вслед за тем Бестужев просил императрицу устроить церковь при посольском доме как для него, так и для множества находящихся в Вене православных; священника предлагал не высылать из России, но взять известного ему с хорошей стороны сербского священника Михаила.

Граф Михайла Петр. Бестужев приехал в Вену и оставался здесь с неприязненными чувствами к брату своему, знаменитому канцлеру. Мы видели, что жена Михайлы Петровича по лопухинскому делу была сослана в Сибирь. В Дрездене ему понравилась вдова обер-шенка Гаугвиц, и он решился на ней жениться, писал к брату в Петербург, чтоб он исхо-

датайствовал разрешение императрицы на брак, и, долго не получая никакого ответа, обвенчался без разрешения, следствием чего было то, что в Петербурге не признавали новую графиню Бестужеву, а потому не могли признавать ее и при дворах, где граф Бестужев был послом. В Петербурге обвиняли в этом деле канцлера, который, желая быть наследником брата, представил императрице, что брак от живой жены не может быть законным. Из письма Мих. Бестужева к Воронцову узнаем, что он прислал просьбу о позволении вступить в брак еще осенью 1747 года, а женился только 30 марта 1749 года, все дожидаясь разрешения. В этом письме читаем следующие строки, обращенные к Воронцову: «Ваше сиятельство, как уповаю, яко мой милостивый патрон и истинный друг, в сем приключении участие примете и по искренней своей ко мне дружбе и милости чинимые иногда паچه чаяния против сего невинного моего поступка внушения по справедливости и человеколюбию своему в пользу мою опровергать не оставите: ибо сие дело не иное, но самое партикулярное, до государственных интересов нимало не касается и на которое я токмо для успокоения моей совести и для честного жития на свете поступил». Таким образом, канцлер, отталкивая брата, заставлял его обращаться во враждебный лагерь.

Преемником Бестужева в Дрездене был назначен, как мы видели, находившийся здесь прежде граф Кейзерлинг. Новый посол должен был начать свои сношения с графом Брю-

лем по поводу готовившегося события в Польше – смерти великого гетмана коронного Потоцкого. Брюль объявил Кейзерлингу, что, имея в виду распоряжаться в Польше в полном согласии с Россиею, король хочет назначить великим гетманом Браницкого, а на его место полным гетманом подольского воеводу Ржевуского, потому что оба они постоянно оказывали опыты усердия к королю и его союзникам, в ссорах польских фамилий не участвуют и сохраняют руки свои чистыми от подкупов дворов иностранных, Ржевуский же оказал особенное усердие к России во время прохода войск ее через Польшу и в то время, когда Швеция старалась образовать конфедерацию. Брюль сильно жаловался на Францию и Пруссию, которые не перестают сеять семена раздора в Польше, причем главное орудие их – фамилия Потоцких с своею шайкою. «Я, – говорил Брюль, – имею в руках письменные доказательства, как эти люди производили новые соглашения с Франциею и Пруссиею насчет образования конфедерации, и дело стало только за тем, что Франция не согласилась дать им требуемой суммы денег. Однако для сохранения людей в своих сетях Франция не скупится на ежегодные пенсии: так, сендомирскому воеводе Тарло дает 4000 червонных. Легко понять, что Франция не даром обременяет свою истощенную казну. Старик Потоцкий определил при армии троих региментарей из своих соумышленников: воеводу сендомирского Тарло, коронного кравчего Потоцкого и воеводу мстиславского Сапегу, которые давно уже упомя-

нутым дворам себя продали, свою неблагодарность к России самым черным образом заявили и во всех замешательствах были главными деятелями. Коронный гетман вместе с силами телесными почти потерял и употребление разума; жена его делает все его именем по предписанию Тарло. Эта беспокойная голова, поседевшая в интригах, едва ли упустит из рук случай оказать себя соответственно своему нраву; при том настоящий его региментарский чин доставляет ему ту выгоду, что он легко может привлечь армию в свои виды и пользоваться ею для образования и подкрепления конфедерации. Король употреблял всевозможные способы для приведения дел в лучшее состояние и для сохранения спокойствия, но отношения его к Франции препятствуют ему сделать решительный шаг. Впрочем, я вас обнадеживаю, что его величество имеет неперменное намерение никогда не отступать от союза с Россиею и Австриею и способствовать его укреплению, относительно же сохранения тишины в Польше принять все те меры, которые императрица сочтет нужными для своих интересов». Кейзерлинг в своем донесении заметил, что характеристика лиц, сделанная Брюлем, совершенно верна.

Через несколько времени Кейзерлинг имел другой разговор с Брюлем о польских делах по поводу неудачи последнего сейма. Брюль сильно восставал против *liberum veto*. «Смутное и несчастное состояние Польского государства очевидно, — говорил он, — сеймы представляют единствен-

ный способ для решения государственных дел; но когда на этих сеймах решение дела зависит не от того, как большинство или почти все хотят, но от того, что один только не хочет, то само собою ясно, что жребий короля, республики и всех государственных дел зависит от воли одного человека, которого какая-нибудь иностранная держава употребляет для своих видов. Государство, устройство которого таково, что добро находит всегда препятствия, а зло никогда не может быть отвращено, напоследок должно само собою разложиться. На таком гибельном пути находится теперь и Польская республика; ее вольность представляет только способ, которым враги ее пользуются, чтоб препятствовать всему для нее выгодному и полезному. Никак нельзя сказать, чтоб как между знатными людьми, так и между мелким шляхетством не было людей благоразумных и благонамеренных, которые понимают опасное злоупотребление в подаче вольного голоса, предусматривают падение государства и не только жалеют о печальном состоянии отечества, но готовы употребить все средства для отвращения этого великого зла».

«Не знаю, – заметил Кейзерлинг, – в то время, когда будут стараться об отвращении одного зла, не впадут ли в другое, гораздо большее, ибо явно, что *liberum veto* сделалось болезнью уже неизлечимую; вся нация поклоняется ему как идолу; легко может статься, что малейшее покушение против него ослабит любовь народа к королю, раздражит против него, наполнит сердце сомнением, страхом, недоверием

и поведет к беспокойствам, которые принесут пользу только соседям, привыкшим в мутной воде рыбу ловить». Брюль согласился с этим, но выразил мнение, что все опасные следствия были бы предупреждены, если бы Россия и Австрия согласились способствовать уничтожению *liberum veto*, и король больше всего желает одного, чтоб соседние друзья и союзники хорошенько рассудили, что *liberum veto* полезно или вредно для них в будущем. Если в рассуждении Швеции, Порты и других соседних держав как России, так и Австрии союз республики нужен, то надобно, чтоб этот союз приносил какую-нибудь пользу, а польза может получиться только тогда, когда другие злонамеренные державы не будут иметь в руках средства уничтожить всякое сеймовое решение. Донося об этом разговоре, Кейзерлинг писал: «Теперь уже явно оказывается, что хотя здешний двор сам собою перемену в подаче вольного голоса сделать не намерен, однако не будет противиться, если республика сама собою догадается о сокращении этой употребленной во зло вольности». Из Петербурга Кейзерлингу было предписано употреблять все старания, чтоб Польша непременно осталась при существующих обыкновениях и ничего нового не было бы введено.

В июне 1749 года Кейзерлинг сообщил своему двору слова Брюля, имевшие особенное значение для русской политики. «Мы, – говорил Брюль, – не имеем никакой причины щадить Пруссию, которая продолжает делать нам всевозможные досады. Мы принуждены все это сносить; но если

Россия и Австрия будут нам помогать, то мы заговорим другим голосом. Это было бы полезно видам обоих императорских дворов, ибо если б они непосредственно предприняли что-нибудь, хотя малейшее, против Пруссии, то ее двор не преминет объявить, что они хотят вырвать у него из рук Силезию; а такого истолкования нельзя будет привести, если здешний двор станет сопротивляться прусским видам с помощью России и Австрии».

В это время в Дрездене гостил побочный брат короля маршал французской службы знаменитый Мориц Саксонский, и его приезд подал повод к поднятию вопроса о Курляндии, от которой Мориц не отказывался. Он съездил в Берлин, был отлично принят Фридрихом II, и пошли слухи, что последний предложил ему руку своей сестры с Курляндиею в приданое. Кейзерлинг обратился к Брюлю с вопросом, правда ли это, и тот *в высшей конфиденции* не только дал утвердительный ответ, но прибавил, что Мориц принял предложение с глубоким молчанием и поклоном. Кейзерлинг донес также, что Мориц по возвращении из Пруссии сказал английскому посланнику Уильямсу: «Я до сих пор дрался за других; а теперь время и о себе подумать». Потом спросил у Уильямса, не может ли он ему хороший вооруженный корабль доставить, и когда тот спросил, какой именно корабль ему нужен, то Мориц дал ему записку: «Я желал бы знать, что будет стоить каперское судно или вооруженная шлюпка о 16 или 20 пушках, хорошая, на ходу легкая, которая бы не более

трех или четырех лет была в употреблении». По этому поводу Кейзерлинг сообщил императрице свое мнение о курляндском деле. Император Петр 1 по своей государственной мудрости признал, что Россия относительно своих прибалтийских владений не может быть равнодушна к судьбе Курляндии: отсюда и брак царевны Анны с герцогом курляндским, и старание Петра поддержать герцогство при старых его правах. Никогда Курляндия не была в таком опасном положении, как теперь, когда Мориц Саксонский возобновляет свои претензии, а дворы французский, шведский и прусский считают для себя выгодным подкреплять эти претензии. Если Курляндия отдастся в покровительство одной Короны Польской, то пропадет неминуемо вследствие жалкого военного состояния Польши, и легко понять, что виды означенных дворов не ограничатся одною Курляндиею: Курляндия в руках преданного им герцога будет служить только средством для достижения важнейших целей. Излишне было бы распространяться о том, какую помощь враждебные дворы получили бы от того, если бы на престоле курляндском сел маршал Франции и зять обоих ее союзников, королей прусского и шведского. Так как он мог бы пользоваться множеством предлогов брать к себе прусское войско, то Россия никогда бы не была безопасна в своих собственных границах; перед ее воротами находился бы всегда внимательный наблюдатель, готовый пользоваться первым удобным случаем, не упоминая об удобстве, какое получила бы Швеция,

высаживать свои войска в курляндских гаванях и соединяться с пруссаками; уже давно решено, что Швеция ключ к Риге может найти только в Курляндии. Единственным средством для отвращения таких бед Кейзерлинг считал восстановление Бирона на курляндском престоле.

Представляя императрице эту реляцию Кейзерлинга, Бестужев подкрепил последнюю ее часть своим мнением, что необходимо освободить Бирона и восстановить его на курляндском престоле, взявши сыновей его в русскую службу и сделавши их таким образом аманатами. Бестужев представлял, что если Курляндия останется в прежнем положении, а в Польше будет король, недоброжелательный России, то он может объявить основательную претензию на многие миллионы, причем, разумеется, получит помощь от турок, шведов и французов. Кроме того что можно оставить детей Бирона аманатами, можно еще принять другие предосторожности, именно взять с него обязательство, что он ничего от России требовать не будет, а король и республика Польская поручатся за исполнение этого обязательства на вечные времена. Через восстановление Бирона Россия приобретет признательность польского короля, отдалит всех других претендентов, прекратит всякую опасность, полякам кричать на сеймах повода не будет; тогда как теперь королю прусскому и Франции так хочется захватить в свои руки Курляндию, что Фридрих II хочет выдать сестру свою за графа Сакса, маршала французского, несмотря на то что он незаконнорожденный, при-

том стар и дряхл. Да хотя б он и не сыграл этой свадьбы, то довольно известно, как ему и Франции нужно это герцогство в руках иметь, дабы оттуда Россию беспокоить, шведам помогать и в Польше интриги производить. Но Елисавета отвечала решительно, что не освободит Бирона.

Попытка Морица Саксонского подкупить в свою пользу канцлера Бестужева дала последнему возможность снова поднять дело о Бироне. В октябре 1749 года советник саксонского посольства Функ известил канцлера о приезде польского графа Гуровского, который, заболевши, переслал к нему, Функу, письмо с предложением канцлеру 25000 золотых червонных, если тот постарается доставить ему Курляндию. Канцлер решился воспользоваться этим случаем, чтоб сделать еще представление в пользу Бирона; но он боялся обратиться опять прямо к императрице после ее решительного отказа и повел дело через Разумовского, к которому написал:

«Приемлю смелость при сем пакет с крайне нужными делами и ваше сиятельство покорнейше прошу оный ее импер. величеству всенижайше поднести. Я уповаю, что ее величество по всевысочайшей своей доверенности вложенное в нем прочитать вам изволит, следовательно, ваше сиятельство из того усмотреть изволите, до чего дошли производящиеся повсюду интриги о доставлении французскому маршалу графу Саксу герцогства Курляндского. Я ее импер. величеству недавно всенижайше представлял, чтоб

для отвращения таких интриг навсегда несчастливому герцога Бирона освободить; но ее импер. величество сказать изволила, что его не освободит. Я потому не дерзаю более ее импер. величество моими всенижайшими представлениями утруждать, но я ваше сиятельство покорнейше прошу, приняв сие дело в уважение, ее импер. величеству при случае всенижайше представить, что граф Сакс ничего более и не требует, как такого со стороны ее импер. величества изъяснения, что Бирон свободен быть не может, следовательно, мне легко было б столь дерзостно Гуровским представлен-ные 25000 червонных принять. Но я весьма верный ее импер. величества раб и сын отечества, чтоб я помыслить мог и против будущих интересов ее и государства малейше поступить. Сие дело столь важно и толь великих следствий, что оное подлинно всю аттенцию заслуживает и, по моему слабейшему мнению, теперь ничего нужнее нет, как оное единожды решить и окончить, ибо 1) по зачавшимся ныне в Польше крайним несогласиям весьма скоро тамо опасной конфедерации опасаться должно, при которой 2) и так зело о Курляндии шумящие поляки сие дело в наибольшее движение приведут, а особливо когда рассеянные почти везде, а особливо в Польше французско-прусско-шведские эмиссары их к тому внушениями, а иногда и употреблением денег побуждать станут, как дабы надобного им герцогом курляндским сделать, как паче тем иногда повод к дальнейшим замешательствам подать. 3) Хотя б толь великой опасности для те-

перешнего времени и не настояло: то, однако ж, кто за будущие обстоятельства ручаться может, кои всегда легко перемениться могут. Не всегда надеяться можно, что короли польские толь благонамеренны пребудут. Многие примеры были, что они с турками соединялись, а польские вельможи и без того по большей части французско-прусскими партизанами суть; что ж будет, когда б герцог Бирон в нынешнем состоянии умер, а Польша, соединясь с турками, вместо Курляндии претензии его, в коих она истец, на Украину или Лифляндию в действо производить стала, причем всемерно Пруссия и Швеция спокойны не остались бы, но паче опасной для них ее импер. величества силе пределы положить искали б. Я желаю, чтоб я в сих мнениях ошибся, а не так точно угадал, как ныне происшествие оправдало, что всем нынешним замешательствам и беспокойствам и перемене формы правительства в Швеции причиною есть супружество коронного наследника с сестрою короля прусского, который тем сильнее действует, нежели король французский.

Ежели токмо ее импер. величество все сии уважения в милостивое прозорливое свое рассуждение принять изволит, то чаять нельзя, чтоб ее величество яко премудрая мать своего отечества не соизволила дарованием свободы несчастливому Бирону, забыв все его преступления, предпочесть будущее благополучие своей империи тому малому, а именно около 80000 талеров в год прибытку, который ныне с курляндских секвестрованных маетностей казна ее получает, но. который,

однако ж, стократно увеличен будет, когда претензии сильною рукою производить стали б. Все же сии дальности легко предвидеть, но по упущении времени не так скоро поправить, как теперь совсем отвратить можно единым только освобождением несчастливов Бирона, которое толь меньше сумнению подлежит, ибо при высвобождении его можно от него такие обязательства взять, какие токмо ее импер. величеству угодны были б; а чтоб какая от него опасность была, того никак думать нельзя, ибо княжество его только в четырех милях от Риги, следовательно, всегда под грозою российского оружия находится».

Гуровский более четырех месяцев оставался в России, и канцлер составил следующую записку для высочайшего известия: «К достоверному доказательству, что графу Гуровскому от маршала графа Сакса подлинно поручено все пути и способы в действо употребить для доставления ему герцогства Курляндского и что Гуровский и в самом деле всякими интригами сильно в том трудится, довольно его своеручных писем и оригинального графа Сакса за его подписанием и печатью на 25000 червонных билета; но он при том не остался, ибо он камергеру графу Бестужеву-Рюмину (сыну канцлера) 1000 червонных тотчас в руки выдать представлял, дабы он канцлера склонял в виды Гуровского вступить. А как потом он и к генералу Апраксину забегал, чтоб он яко друг канцлеру его в том подкреплял, который ему отвечивал, что, то будучи весьма не его дело, он не токмо в то мешаться не мо-

жет, но канцлеру о том и словом упомянуть не смеет, то думать можно, что Гуровский такие посулы и попытки не сим только двоим учинил, но, может быть, и в других местах о том проискивает, а особливо, что он камергеру графу Бестужеву-Рюмину не токмо большое награждение, но притом и милость короля французского и ежегодную От маршала графа Сакса пенсию обещал». 31 марта 1750 года Гуровскому было объявлено, чтоб он в три дня выехал из столицы. Попытка Морица Саксонского не удалась, но не удалось и Бестужеву освободить Бирона и восстановить его на курляндском престоле: Елисавета осталась непреклонна в своем решении.

Между тем Брюль сообщил Кейзерлингу, что прусские отряды врываются в пограничные саксонские деревни и хватают людей в рекруты; король, говорил Брюль, не может более сносить, чтоб его подданные становились добычею иностранцев; никто из пограничных жителей более уже не безопасен; приходят ежедневные жалобы на захват людей и увоз их за границу; король хочет употребить строгость по примеру самого короля прусского, который велел повесить саксонского таможенного чиновника по одному только подозрению, что он приехал в Галле подговаривать людей; король надеется, что будет защищен от обид прусского короля высочайшею и дражайшею дружбою императрицы, что она велит своему министру в Берлине сделать нужные о том представления прусскому министерству. Вслед за тем Брюль

дал Кейзерлингу промеморию, в которой выставлялась необходимость решить поскорее курляндское дело, прежде чем враждебные дворы воспользуются им для своих видов.

1749 год Кейзерлинг окончил подробным донесением о состоянии Польши. На первом плане была здесь вражда двух фамилий – Потоцких и Чарторыйских. Началась она с соперничества в достижении гетманского чина. Русское покровительство дало Потоцким ту силу и значение, которые они по смерти Августа II поспешили употребить против России, поддерживая Станислава Лещинского. Когда после сдачи Данцига Чарторыйские признали Августа III и двор начал их употреблять в деле умирения, то эта фамилия показала отличные опыты своей благонамеренности. Когда же было постановлено забыть все прошедшее и стараться привлечь к себе всех благодеяниями, то и Потоцкие были взысканы милостями: некоторые получили пенсии, другим даны королевские маестности, иные повышены в чинах, а сам воевода киевский пожалован великим коронным гетманом, невзирая на сильный протест Кейзерлинга, находившего опасным, чтоб два главные в королевстве достоинства – примаса и гетмана – находились в одной фамилии. Последующие события оправдали опасения Кейзерлинга и до сих пор оправдывают, хотя смерть примаса и уменьшила несколько опасность.

Гетманское достоинство не могло достаться в худшие руки. Тогдашний кабинет-министр Сульковский, не давши знать Кейзерлингу, доставил этот чин Потоцкому, о чем сам

потом сильно жалел, но поправить ошибки было уже нельзя без нового возмущения поляков. Привыкнув во время революции и при Станиславе управлять всем, Потоцкие хотели того же и при нынешнем короле, но, встретив помеху в Чарторыйских, вспыхнули к ним злобою, хотя Чарторыйские поддерживают себя единственно личными достоинствами, а нисколько не милостию королевскою, от которой ничего не получали: чем были прежде, до революции, тем и остались, равно как и старый граф Понятовский. Всему свету известно, что во время турецкой и шведской войны дом коронного гетмана был прибежищем турецких и шведских эмиссаров, которые там обыкновенно собирались, соглашались насчет мер своих против России, через Потоцкого получали нужные им известия; у него, как на почтовом дворе, держали свою переписку; он с сообщниками во время шведской войны поднимал против России конфедерацию, отчего произошли бы опасные следствия, если бы Кейзерлинг не нашел в коронной маршалше Мнишек орудия для успокоения конфедератов, к чему немало способствовали также старания Ржевуского, Чарторыйских и Понятовского. На всех сеймах коронный гетман производил крик и жалобы против России, не имея к тому ни малейшего повода, ибо Кейзерлинг остерегался действовать против Потоцких враждебно, напротив, старался приласкать их подарками и, этими средствами привлекая на свою сторону графиню Мнишек, тещу гетмана Потоцкого и сестру Тарло, равно духовных и адъютантов гет-

мана, мог узнавать заранее о всех враждебных России замыслах и предупреждать их. Такие отношения Кейзерлинга к Потоцким не могли нравиться Чарторыйским; но Кейзерлинг дал знать последним, что их заслуги и благонамеренность известны русскому двору и они могут совершенно положиться на его покровительство; но он не может мешаться в их отношения к Потоцким, ибо России нужно одно – сохранение в Польше спокойствия, восстановление которого России так дорого стоило, а сам он, Кейзерлинг, просит их, что если б он потребовал от них чего-нибудь несогласного с благом Польши и дружбою между нею и Россиею, то они б не исполняли его требования, а противились бы ему всеми силами. В таком положении Кейзерлинг оставил дела в Польше, когда был перемещен во Франкфурт. Но и здесь он получал известия, что Потоцкие продолжают действовать по-прежнему в видах Франции без обращения внимания на своего короля. А теперь делается то же самое: воевода сендомирский получает от Франции пенсию в 4000 червонных; воеводе бельскому в последнюю бытность его в Париже подарено 10000 ефимков; там он недавно и проект подал, каким бы образом свергнуть графа Брюля. При короле для польских дел находится теперь подканцлер Воджицкий, который скорее предан Потоцким, чем Чарторыйским; великий канцлер коронный Малаховский сначала не держался ни той ни другой партии, но так как он выдал дочь за одного из Потоцких, то, пожалуй, скорее будет действовать в интересах этой

фамилии. «Я не усматриваю, — замечает Кейзерлинг, — каким бы способом Потоцкие могли быть отвлечены от своих обязательств с Франциею и наведены на другой путь; опыт показал, что все представления и милости остались напрасными, и потому никогда ни Россия, ни король не могут доверять этим людям, которые не упускают ни одного случая к злым делам. Однако благоразумие требует не раздражать их; здешний двор думает так же, и я не премину утверждать его в этом мнении. Что же касается вольного голоса (*liberum veto*), то мысль о его ограничении не новая и не Чарторыйским принадлежит, а Потоцким, которые уже не раз и старались об этом, и если б они при короле получили такую же власть, какую имели во время междуцарствия, то давно бы уже отменили вольный голос, и эта отмена была бы гораздо выгоднее им, чем Чарторыйским, потому что они и в Сенате, и в палате послов имеют гораздо более приверженцев и потому во всяком случае обеспечены насчет большинства голосов.

1750 год Кейзерлинг начал опять неприятным для Елисаветы известием о разговоре с коронным подканцлером Воджицким по поводу Курляндии. Воджицкий объявил ему, что получил из Польши письма, в которых многие магнаты домогаются, чтоб он сделал королю наисильнейшие представления о необходимости скорейшего решения курляндского дела; что это дело заслуживает теперь особенного внимания, ибо некоторые иностранные дворы хотят воспользоваться

им ко вреду России и Польши. В апреле Кейзерлинг вместе с двором переехал из Дрездена в Варшаву и в мае уведомил о богатом политическими последствиями браке коронного гофмаршала Мнишка с дочерью первого министра Брюля, а Мнишек был родной брат коронной гетманши Потоцкой, вследствие чего Потоцкие были очень довольны. Когда Кейзерлинг выразил Брюлю надежду, что этот союз с Потоцкими не произведет перемены в его отношениях к общим друзьям и в господствовавшем до сих пор политическом плане, то Брюль отвечал, что он не отдаст интересы своего государя в приданое за дочь; такие же обнадеживания делал он Чарторыйским и Понятовским. Во второй половине мая примас от имени всех сенаторов подал королю адрес о необходимости решить курляндское дело, с чем король был совершенно согласен и немедленно переслал адрес в Москву. С другой стороны, коронный гетман жаловался, что гайдамаки не дают покоя пограничным польским областям. Для успокоения последнего дела Кейзерлинг сообщил указ императрицы киевскому губернатору Леонтьеву об искоренении гайдамаков.

Между тем приближалось время чрезвычайного сейма, и надобно было решить важный вопрос – кому быть сеймовым маршалом? Король для своих интересов находил необходимым, чтоб маршалом был Ржевуский, воевода подольский, а потому уговорил его отказаться от воеводства и сенаторства, ибо по закону никто из правительственных лиц маршалом

быть не мог. Но Потоцкие этому воспротивились: в день открытия сейма, когда надобно было выбирать маршала, поднялись страшные споры, и в этих спорах прошел срок, назначенный для сейма, вследствие чего он и не мог состояться.

Успокоенный относительно Польши, Кейзерлинг стал хлопотать о том, чтоб отвлечь ее короля как курфюрста саксонского от неестественного союза с Франциею по причине субсидного трактата и привлечь к старому союзу с Россиею и Австриею. Саксонское правительство было убеждено в малой пользе от первого и необходимости второго; но Кейзерлингу говорили одно: что если б вследствие последней войны Саксония не находилась в таком отчаянном положении и не терпела такую нужду в деньгах, то не взяла бы их от Франции; сам король сказал английскому посланнику Уильямсу: «Договор с Франциею был заключен по нужде, а не по расположению». Этот Уильямс был переведен из Берлина к саксонскому двору частью для того, чтоб получить понятие о делах в Польше, главным же образом для того, чтоб наведаться, склонен ли саксонский двор оставить французские субсидии и вступить в обязательство относительно сохранения вольности, тишины и безопасности в Европе. Так он сам объявил Кейзерлингу, который потому и начал с ним советоваться, как бы это дело привести в движение. Решили, что всего лучше начать с общей конференции у графа Брюля. Дело в конференции началось заявлением, что французский субсидный договор может быть заменен таким же договором

с Англиею, если Саксония приступит к петербургскому договору между Россиею и Австриею. Брюль отвечал, что его государь согласен на это, и велел уже объявить о своем согласии в Петербурге, но требует ручательства в безопасности от Пруссии; пусть Россия объявит, что в случае если бы кто-нибудь обеспокоил Саксонию под каким бы то ни было предлогом, то Россия будет помогать ей всеми своими силами. Брюль заметил, что такое ручательство прежде всего необходимо, ибо когда в недавнее время Россия по причине шведских дел требовала помощи от Саксонии, то прусский король велел объявить в Дрездене, что как скоро неприятельские действия начнутся, то он Саксонию задавит, чтоб отнять у нее возможность продолжать игру. Кейзерлинг и Уильямс признали справедливость этого требования; причем Кейзерлинг заметил, что, пока у Саксонии будет продолжаться союз с Франциею, Россия не может оказать полной доверенности Саксонии. Уильямс предложил, что будет достаточно, если король польский на аудиенции объявит им, что не намерен возобновлять союзного договора с Франциею, а намерен вступить в обязательства с древними своими союзниками, если он получит столько же выгод, сколько представлял договор с Франциею, и если русская императрица делает декларацию о безопасности и гарантии его областей и прав. Кейзерлинг согласился, и 12 августа ему, а на другой день Уильямсу король объявил, как было условлено. Во время ведения этого дела о тесном союзе польского короля с

русскою императрицею Кейзерлинг был смущен возобновлением жалоб белорусского епископа Волчанского на притеснения греческой веры, жалоб, которые должны были вести к неприятным объяснениям с польскими министрами; а теперь Волчанский именно жаловался на притеснения в областях литовских канцлеров. Кейзерлинг обратился к подканцлеру князю Чарторыйскому с представлением, что дело идет о нарушении договора вечного мира и пример этого нарушения подается в маестностях министров республики. Чарторыйский отвечал, что это все зависит от виленского католического епископа; он, Чарторыйский, сносился с ним, и тот велел отвечать, что он не может дать явного позволения на перестройку и починку русских церквей, но хочет своим духовным под рукою приказать, чтоб они не препятствовали исповедникам греческой веры. Чарторыйский обнадеживал Кейзерлинга, что он с своей стороны всячески защищает людей греческой веры, что он им на собственный счет построил церковь. Кейзерлинг окончил свое донесение следующими любопытными словами: «Мне здешнее польское министерство часто давало знать, для чего люди греческой веры не обращаются с своими жалобами к своему королю, для чего они обо всем чрез другой двор представляют? Они жители и подданные республики, и следовало бы им своему королю честь отдавать и с доверием просить его о защите и помощи. Хорошо было бы, если б греческим епископам объявили, чтоб они впредь свои жалобы приносили обычным образом

самому королю и потом пересылали бы их ко. мне, а я их не преминул бы подкреплять по высочайшим намерениям вашего величества; это, по словам польских министров, дало бы делам лучший вид, ибо происходило бы естественным порядком».

Другое неприятное дело, курляндское, также не затихало; в сентябре канцлеры подали Кейзерлингу промеморию, в которой говорилось, что в последнем сенатус-консилиум, держанном в конце августа, все сенаторы единодушно просили короля возобновить наисильнейшие домогательства и представления при российском дворе об освобождении герцога курляндского Бирона: право, потребность порядка и тишины в Курляндии, природная ее величества справедливость, необходимая предосторожность для предупреждения вредных политических последствий – все указывает на это дело как на дело первой важности для короля, республики Польской и России, которых интересы соединены. При этом канцлеры устно сообщили Кейзерлингу, как прискорбно королю и республике, что после многократного дружеского домогательства о герцоговом освобождении до сих пор никакого ответа нет.

Елисавета осталась по-прежнему непреклонною относительно Бирона и Курляндии, ибо если, с одной стороны, могли указывать на необходимость успокоить Курляндию и Польшу на случай войны с Швециею и Пруссиею, то, с другой стороны, могли внушать, что именно в случае этой вой-

ны Курляндия должна оставаться без герцога и быть в распоряжении России. Шведские дела преимущественно обращали на себя внимание русских государственных людей.

В январе 1749 года в конференции с шведскими министрами Тессин и Экеблатом Панин прочел декларацию своего двора против восстановления самодержавия в Швеции. Когда Панин прочел то место декларации, где говорилось, что некоторые восстановлением самодержавия хотят избежать ответственности за свое поведение пред государственными чинами, то Тессин, уставивши глаза на Экеблата, несколько времени оставался неподвижен; когда же Панин окончил чтение, то Тессин начал говорить, что эти ведомости о самодержавии для них сушая новость и что из всех ложных слухов, которые в последнее время рассеяны были по провинциям, они ничего подобного не слыхали; что они как сенаторы обязались присягою охранять настоящую форму правления; наследный принц при своем избрании поклялся и не мыслить о самодержавии. «Наша воляность, — заключил Тессин, — так нам дорога, что мы не захотим опять подвергнуться игу».

После этой декларации немедленно было созвано чрезвычайное собрание Сената в присутствии наследного принца, и надворный канцлер Нолкен принял на себя сделать королю ложное донесение, будто Панин в конференции именем императрицы объявил, что она хочет держать в готовности все свои силы для утверждения по кончине королевской на-

следного принца на престоле. Это донесение так встревожило больного короля, что он не мог заснуть всю ночь, и когда на другой день явился к нему с докладами советник гессенской канцелярии Бенинг, то он с глубокою печалью и упреком сказал ему: «Вы мне всегда толковали о дружбе ко мне русской императрицы, а вот что ее посланник объявил в конференции! Можно было бы до моей смерти подождать с такою декларациею, и без того эти негодяи очень смелы; раз узнайте, что за причина такого поступка Панина». Как скоро Панин узнал об этом чрез надежного человека, то немедленно отправил к Бенингу оригинал императрицына рескрипта для уяснения дела королю. Между тем Тессин сообщил Панину, что королевский ответ на декларации будет состоять в следующем: король узнал с великим удивлением, будто бы в Швеции существует намерение восстановить самодержавие и даже делаются втайне приготовления; король тем более удивляется такому слуху, что, кроме слухов из Норвегии о датских вооружениях в пользу наследного принца, ни о чем подобном никаких неосновательных разглашений не выходило; король находился насчет этого в полном спокойствии, твердо полагаясь на святость присяги, на добросовестность его высочества наследника, на должное бодрствование своего Сената и на всенародную ненависть к самодержавию: впрочем, дружеское объявление со стороны императрицы король принимает с наичувствительнейшею признательностию.

Вслед за Паниным датский посланник Винт прочел Тесси-ну от своего двора такую же декларацию относительно восстановления самодержавия и получил в ответ то же изумление и те же отговорки. Колпаки были в восторге от этих деклараций, шляпы были особенно встревожены, тем более что смотрели на русскую декларацию как на следствие падения Лестока. Ласковость их к Панину усилилась. Предложение сенатора Палмстерна о созвании чрезвычайного сейма было отклонено, ибо не надеялись на его счастливый исход среди двоих бдящих соседей, которых цель была явна.

Мы видели, что кронпринц непременно хотел быть канцлером Упсальского университета. Он достиг своей цели и старался пользоваться своим влиянием в университете. В Упсале бывала большая ярмарка; на эту ярмарку отправился Горлеман, женатый на фаворитке кронпринцессы бывшей фрейлине Ливен: отправился он под предлогом осмотра университетских строений, а в самом деле для того, чтоб поручить профессорам, которые получили это достоинство от кронпринца, разглашать собравшемуся на ярмарку народу, что нечего бояться военных приготовлений со стороны соседей, что господствующая партия имеет в руках средство склонить русский двор на свою сторону, с помощью которого не только может противиться датским видам, но и предупредить их. Но Панин отправил на ярмарку также своего агента Гека, секретаря крестьянского чина, который чрез своих приятелей внушал, что русский двор никогда не будет дей-

ствовать заодно с злогосподствующею партией в ее стараниях восстановить самодержавие; что воинские приготовления соседей, разумеется, не причинят никакого вреда Швеции, ибо имеют целью сохранение ее вольности; несомненно, что если б Россия и Дания не охраняли так бдительно настоящей формы правления, то шведы давно были бы рабами известной ватаги и подданными Франции и Пруссии. Гек, возвратившись из Упсалы, уверял Панина, что неудовольствие против господствующей партии страшное и ненависть к кронпринцессе превосходит всякое вероятие; собравшиеся на ярмарку крестьяне, жалуясь на свое бедственное положение, говорили, что все это зло привезла кронпринцесса с собою; принца же считают человеком слабым и не способным к делам, которым управляют жена и граф Тессин. В письме к канцлеру Бестужеву Панин передал свой разговор с советником Фриденстерном, оказавшимся в последнее время одним из самых энергических людей между колпаками. Фриденстерн прямо объявил, что они не ждут никакого добра от наследного принца, и спросил конфиденциально Панина, могут ли они надеяться, что императрица, умалив свою терпеливость, наконец окажет правосудие относительно неблагодарностей этого принца и, когда нация благодаря ее оружию увидит час своего избавления, отнимет ли от него свою спасительную руку? «Вы получили так много доказательств, — отвечал Панин, — как ее величество всегда далека от того, чтоб в ваших домашних делах самовластно установ-

лять какой бы то ни был порядок; вы можете быть удостоверены, что ее величество желает одного – подкреплять вашу волю; и так как до сей минуты никто из вас предо мною не открывался относительно престолонаследия, то я об этом и не доносил моей государыне, следовательно, и министерского ответа вам дать мне не в состоянии. Вы можете легко понять, какой важности это деликатное дело и какой требует прозорливости для тайного и осторожного произведения своего. По моему мнению, вам надобно предварительно иметь в этом секрете еще одного или двоих из знатнейших добрых патриотов, с которыми вместе вы можете просить ее величество о защите и помощи, сделавши прежде между собою твердое соглашение, каким образом произвести это дело в действие». Фриденстерн отвечал, что завтра же хочет ехать в деревню к сенатору Окергельму и уговориться с ним, и так как кронпринц возведен в свое достоинство по рекомендации императрицы, то он не желает выгнать его из Швеции с каким-нибудь огорчением, а будет стараться, чтоб ему дали или пенсию, или единовременное значительное вознаграждение.

В конце мая Панин получил рескрипт императрицы, в котором ему предписывалось сделать вторичное представление насчет восстановления самодержавия. «Хотя, – говорилось в рескрипте, – данный вам от королевского имени ответ нас совершенно успокоил, ибо мы в добрых намерениях короля удостоверены, однако собственный наш натураль-

ный интерес, с которым связана безопасность нашей империи и соблюдение тишины и равновесия на Севере, требует так просто не полагаться на обнадеживания графа Тессина. Опыт довольно показал, как на тамошние обнадеживания можно было полагаться; возьмем в пример негоциации графа Тессина при датском дворе и недавно заключенный договор с прусским королем; не были ли мы сильнейшим образом обнадеживаны, что они ни во что не вступят, не уведомив нас предварительно? И так как получаемые из разных мест и из самой Швеции надежные ведомости говорят, что в Стокгольме некоторыми господами под рукою уже все распорядено тотчас по преставлении короля вдруг ввести самодержавие без извещения государственных чинов и что в секретнейшем комитете будто постановлено, что государственные чины до 1751 года собираться не должны, то, когда все это совершится, уже поздно будет с нашей стороны принимать меры. Поэтому мы сочли необходимым поручить вам испросить у шведского министерства особливую конференцию и не только повторить уже сделанные вами прежде словесные представления, но и вновь накрепко *декларовать*, что хотя мы ничего так усердно не желаем, как с нашими соседями, особенно же с Королевством шведским, пребывать в ненарушимой союзнической дружбе и в откровенном добром согласии, наши обязательства с Швециею верно исполнять и все то, что только к некоторым дальностям повод подать может, рачительнейше искоренять, однако мы

если б подтверждающееся везде намерение имелось тотчас по преставлении короля настоящую форму правительства отменить и самодержавие снова ввести, что с соблюдением ненарушимой тишины и необходимого равновесия на Севере отнюдь согласно не было бы, то мы на такую перемену равнодушно смотреть никак не могли бы; но по силе принятых с Швециею Ништадским договором обязательств нашлись бы принужденными в таком важном деле принять участие и употребить наиважнейшие меры для воспрепятствования этой перемене. А чтоб однажды навсегда выйти из настоящего сомнения, чтоб впредь не опасаться нам за свой собственный интерес и вольность шведского народа, то мы считаем нужным прибавить к этой декларации следующее: если б по смерти королевской вздумалось отменить настоящую форму правления в Швеции, то мы для предупреждения всех будущих беспорядков приняли решение: вступить с корпусом наших войск в шведскую Финляндию не как неприятельница, но как приятельница, верная союзница, защитница утесненной шведской вольности по примеру 1743 года, когда мы на собственном иждивении корпус наших войск в Швецию посылали, дабы государство от тогдашних сомнительных внутренних беспокойств и опасности избавить. Этот наш корпус не причинит обывателям Финляндии ни малейшего отягощения, будет содержан на собственном нашем иждивении, в нем будет наблюдаться строгая дисциплина в той, разумеется, надежде, что вся шведская нация эти наши войска при-

мет самым дружественным образом. Если же, паче чаяния, некоторые из шведов по частным корыстным видам вознамерились бы эту нашу полезную предосторожность превратно толковать и в предосуждение своего отечества нам сопротивляться, в таком случае как собственные наши интересы, так и обязательство с Швециею необходимо потребуют, чтоб мы за утесненную вольность нации действительно и сильно вступились и всех тех, которые помыслили б эту вольность нарушить, за изменников своего отечества признавали, следовательно, с ними как с нашими неприятелями и нарушителями внутреннего покоя поступили».

Панину удалось достать постановления секретной комиссии насчет восстановления самодержавия по смерти королевской; пересылая их к своему двору, он жаловался на слабое состояние русской партии: «Их (членов русской партии) настоящая ситуация такого состояния, что они с наилучшим в свете намерением и диспозициею прежде не могут пошевелиться, пока такого щита пред собою не увидят, который бы при самом начатии дела от первого удара со стороны злой партии их мог спасти, чего они тем паче опасаются, ибо их имена весьма знатны суть, и потому они страшатся, чтоб их первую кровию все дело не венчалось». Главная трудность дела, по мнению Панина, состояла в том, что не было способа к составлению хотя немногочисленной, но формальной партии, чтоб всех привести под одну дирекцию и постановить общую систему, чтоб они могли свои растерянные рассужде-

ния сделать единомысленными и каждый бы прямо знал, от кого он зависит; во-вторых, трудно определить время, образ и обстоятельства, при которых дело должно начаться; они ничего так не боятся, как быстрого и нечаянного для себя удара, и наступающую зиму ожидают с ужасом, а замерзшее море почитают своею могилою. Помогать ему, Панину, они ни в чем не могут, ибо не имеют в делах никакого участия, живут в уединении без сношений друг с другом, а если случится им неожиданно свидеться, то при этом свидании происходят одни рассуждения и вздохи, которые и служат им общею отрадою.

Панин успел достать и реляцию шведского посланника Гепкена из Берлина от 24 ноября 1747 года, в которой описывается следующий разговор Гепкена с Фридрихом II. «Понеже, – говорил Гепкен, – обязательством между сими высокими дворами намерения и аванжаи обоих государств (Швеции и Пруссии) так равномерными и неразделимыми учинены, что никакой иной разности, кроме порядка в правительстве, не настоит; того ради и секретный аусшус (комиссия) государственных чинов старался, чтоб в том возможное равенство доставить, дабы обои их величества друг друга с равною властью и равномерною скоростию, когда то потребно будет, во всем способствовать могли. Его королевское величество прусское (пишет Гепкен) о том великое удовольствие оказывал, а особливо понеже он в таком мнении находился, что имевшее его по причине того с графом Тесси-

ном советование, как его королевское высочество в Швецию перевезен быть имел, к тому первый повод подало, и его величество присовокупил к тому, что без такой перемены постановленное обязательство в таком состоянии и силе, как оное ныне есть, никогда с безопасностию прочно пребывать не могло б; однако ж он опасается, что иногда противная партия, которая российского и датского дворов виды подкрепляет, в действительном произведении такого секретного аусшуса полезного распоряжения препятствовать может». Подле этого места канцлер Бестужев сделал заметку для императрицы: «Из него усматривается, что еще при трактовании о супружестве коронного наследника вредительное намерение о введении самодержавства в виду имелось. Ее импер. величеству, правда, невозможно было тогда сего предусмотреть, но Бриммер и Лесток, кои главнейше на сие супружество присоветовали, конечно, о том знали. Только ж канцлер и тогда еще противу того представлял, как то ее импер. величество чаятельно о том припамятовать изволит». 15 июля Панин писал канцлеру Бестужеву: «Я не в состоянии предусмотреть никакого способа, которым бы можно было не допустить прусский двор вмешаться в игру, если только она начнется введением самодержавия; дело кончится здесь прежде, нежели будет получено известие о его начале. Со стороны народа никакой надежды на сопротивление не видно. Добрые патриоты сами собою ни на что не отважатся, пока не увидят себя в безопасности вследствие помощи своих

союзников, явившейся среди Швеции; а наступающая зима эту надежду у них отнимает. Если бы возможно было еще нынешнею осенью нечаянно вступить в Швецию с требованием созвания сейма и тем предупредить Пруссию?»

Сношения с Корфом замедлили подачу второй русской декларации против введения самодержавия; когда она была подана, граф Тессин, встретившись 24 августа с Паниным на половине кронпринцессы, стал ему говорить, что прежде подачи формального ответа на декларацию он хочет объясниться с ним дружески по этому делу, и просил, чтоб Панин говорил с ним теперь не как с министром, но как с приятелем, который его особенно почитает за честного человека и благонамеренного министра. «Я спрашиваю, – продолжал Тессин, – у вас совета, каким образом сочинить наш ответ: войдите в наше положение, восчувствуйте тот удар, который такая декларация наносит нам, обратите беспристрастное внимание на независимость, какую должна пользоваться каждая держава». Панин отвечал, что хотя бы он имел и высокое понятие о своих политических способностях, то и тогда не воспользовался бы его учтивостью и не осмелился своими советами предупреждать решение его двора; теперь же тем менее может это сделать, ибо не сознает в себе достаточной к тому способности. Но, желая отвечать дружеской откровенности, он не может скрыть перед ним, что и ему декларация кажется очень важною и достойною всякого внимания; время всего лучше оправдает то или другое и

несомненно поставит дело в желаемое положение, почему и тревожиться много не следует, если он твердо уверен, что никакого замысла против правительственной формы в Швеции не существует. Тессин отвечал: «Я чувствую основательность вашего рассуждения и в последнем случае очень спокоен; но примите во внимание тот случай, когда одна держава объявляет другой, что она без всякого требования приняла решение вступить с войском в ее области; как должна последняя держава принять такую декларацию? Каждое правительство должно сохранять внутреннюю и внешнюю тишину своего отечества, причем тогда только обращается за помощью к союзникам, когда сами не имеют к тому способов; но Швеция теперь благодаря Бога такой для себя нужды не предусматривает». «Прежде чем я вам буду отвечать, – сказал Панин, – я попрошу изъяснения на два пункта: 1) возможное ли дело, чтоб вся шведская нация единогласно захотела отменить настоящую форму правления? и, во-2), как вы толкуете седьмую статью Ништадского договора?» Тессин несколько времени собирался с мыслями и потом отвечал: «Первое я считаю совершенно невозможным; а седьмая статья имеет силу, когда бы действительно настоял такой случай и мы потребовали бы русской помощи». «Позвольте вам припомнить, – сказал на это Панин, – что когда я приехал сюда, то вы меня предупреждали насчет существования разных партий в королевстве; мы теперь, например, и можем предположить, что одна из этих партий замыслила по кончине

королевской переменить форму правления и произведет это в действие на сейме, имея у себя большинство голосов; спрашивается, от кого ожидать тогда требования относительно исполнения обязательств и можно ли в таком случае предупредить вредное дело? Рассмотрите своим здравым рассуждением, какие бы Россия потаенные и своекорыстные виды могла иметь против Швеции, чтоб пользоваться ей такими вероломными страгегемами? Она не ищет распространения своих границ, чему достаточные опыты имеются, а других каких-нибудь видов и представить себе нельзя. Она может иметь в виду только сохранение всеобщего спокойствия, что несовместимо с переменою формы здешнего правительства, и я могу вас уверить, что когда в Швеции не будут думать об этой перемене, то никогда не увидят в своих пределах соседского войска». Тессин поблагодарил за дружеское объяснение.

Понятно, что в России не хотели употребить решительных мер – посылать войско без всякого требования со стороны шведов; хотели помешать восстановлению самодержавия посредством самих же шведов и потому требовали от Панина, чтоб он поддерживал партию противников самодержавия, и назначили для этого 50000 рублей. Панин должен был повторить: «Так называемые благонамеренные патриоты всегда готовы брать наши деньги; но при настоящем положении здешних дел нельзя ожидать от этого никакой пользы, ибо без прикрытия своих спин они не ополчатся, тем более если

они увидят, что все это клонится только к отстранению самодержавия, тогда как у каждого из них другая цель – низвержение господствующей партии и получение знатных чинов и должностей. Если по выключении двух или трех человек по всем другим моим знакомым рассуждать о всем шведском народе, то надобно прийти к заключению, что он не понимает общего блага и пользы отечества, но каждый преследует собственные цели. Зависть и ненависть, с одной стороны, а деньги – с другой, – вот побуждение и хорошего и дурного». К канцлеру Бестужеву Панин писал, что он не имеет искусства и качеств, нужных для составления партии, не может столько обращаться между людьми, ибо нрав его требует уединения, причем и тупоречение препятствует.

30 августа Панин был приглашен на конференцию, где получил ответ на декларации, состоявший в следующем: «Декларация, которую кронпринц недавно издал по собственному соизволению, что он желает оставить неприкосновенною настоящую форму правления, достаточна к уничтожению всякого подозрения. Если же и после того обнаружилось бы какое-нибудь покушение на вольность и права народа, то правительство имеет достаточно средств для сопротивления подобному покушению. Если же, несмотря на это, ее импер. величество без предварительного и формального требования со шведской стороны приказала войскам своим перейти границы, то подобный поступок будет принят за нарушение всенародных прав и за явный разрыв, который по-

нудит Швецию употребить для защиты своей все данные ей Богом средства».

Датский посланник, готовивший также декларацию в смысле русской, узнавши об ответе, испугался и не подал никакой декларации. Панин писал канцлеру Бестужеву: «Вашего высокографского сиятельства ко мне высокая милость и протекция всегда меня дерзновенным пред вами учиняет; но, милостивый государь, при таких мне критических обстоятельствах здешних дел если бы я сей доступи еще не имел, то б как возможно было по сие время мне спастись? Ибо поистине признаюся, что теперь не вижу, как беспорочно наконец освободиться; того ради всепокорнейше прошу милостиво рассмотреть мои слабые мнения. Датский двор довольно оказал свое правило – ко всему склоняться, не производя ничего в действо, и с предосуждением доброй вере искать временных выгод. Может быть, он надеется много и на то, что видит нас с Швециею в таких замешательствах, и надеется этим себя сохранить от опасности, которой когда-нибудь, рано или поздно, может подвергнуться вследствие своего поведения. Правда, еще можно сколько-нибудь надеяться, что на введение в Швеции самодержавия двор этот равнодушно глядеть не может, но он ограничится тем, что не признает самодержавия в Швеции в надежде, что Россия будет действовать против нее всеми своими силами и, таким образом, все бремя шведских дел падет на одну Россию, если только английский двор не будет действовать с нами сообща. Поэто-

му было бы желательно, чтоб лондонский и венский дворы о здешних делах получили самое ясное понятие, какого они до сих пор не имеют. Весь интерес наших высоких союзников состоит в том, чтоб шведский король сам собою не был в состоянии начать войну, вступить в новые обязательства и умножать свою военную силу. Когда Англия захочет серьезно приступить к делу, то она силою своих денег может много облегчить; в противном случае я не вижу возможности помешать здешнему перевороту, кроме долголетней войны; если же не воевать, то надобно будет осудить себя за исключение из общих европейских дел, ибо как скоро здесь характер правления переменится, то России придется думать только о собственных своих делах. Признаюсь пред вашим высокографским сиятельством, что моя нынешняя жестокая здешняя жизнь кажется мне бесплодною».

Известный советник Фриденстерна предлагал Панину ввести в Финляндию корпус русского войска с опубликованием причин этого поступка и созвать сейм в Финляндии, на что эта страна имеет полное право. Панин писал императрице, что он в этом предложении находит некоторое основание, ибо в прошлом веке особые финляндские сеймы бывали. В то же время Панин доносил о намерении господствующей партии заставить короля подписать отречение от престола в пользу наследного принца, что сделать легко по душевному и телесному состоянию короля, который подпишет акт не читая. Панин переслал в Петербург и копию заготовленного

уже акта отречения. Венский двор хлопотал, чтоб шведское правительство издало обнадеживательский акт, что правительственная форма изменена не будет; когда австрийский резидент упомянул о необходимости этого акта французскому послу, то последний заметил, что такой необходимости нет, ибо седьмой параграф Ништадского мира никакого действия иметь не может: он в Абовском трактате не повторен, а между всеми державами в обычае последними трактатами именно и специально обозначать прежние обязательства.

Между тем Панин получил из России 50000 рублей, назначенных для формирования партии. Несчастный посланник не знал, что с ними делать, и писал канцлеру Бестужеву: «Ваше высокографское сиятельство, конечно, сами просвещенно ведать изволите, что с одними так называемыми добрыми патриотами ничего начать нельзя в надежде доброго успеха. Другое дело, если б мы имели в Сенате одного или двух достойных вождей; опыт доказал, как недостаточно управление партией посредством иностранного министра, хотя бы он обладал гораздо большими для того качествами, чем я. Может служить примером и противная здешняя партия: она, конечно, не французскими министрами, но внутренними ее вождями управляется и содержится и укоренение свое в делах получила чрез сенаторский подкуп; напротив того, наша сторона как скоро в 38 году потеряла свою силу в Сенате, то после при разных и очень полезных случаях не могла поправиться. Не вижу другого способа к на-

чатию формирования партии, как подкуп двоих или троих сенаторов, которые бы имели все нужные для вождя партии качества и взяли на себя дело составления партии, и так как время сейма еще не близко, а дело требует больших расходов, то английский двор может здесь своим золотом преодолеть силу Франции». Больших хлопот стоило провезти деньги в Стокгольм, чтоб утаить их от таможенных чиновников. Гвардейский каптенармус и переводчик привезли их из Копенгагена. Переводчик оставил своего товарища с деньгами за воротами Стокгольма, а сам приехал к Панину. Тот выехал с секретарями своими на охоту и остановился ночевать в трактире, где жил курьер с деньгами, под предлогом болезни; ночью перенесли суммы с деньгами в комнату посланника, который вместе с секретарями надели их на себя под епанчи и таким образом провезли в город.

Панину предстояло еще тяжелое дело – подать третье требование своего двора шведскому правительству. 26 октября императрица апробовала следующий рескрипт к нему: «Мы из ваших донесений усмотрели, каким образом вы учинили вторичную декларацию шведскому министерству и какой неудовлетворительный для нас ответ дан вам королевским именем. Мы за наилучшее изобрели требовать, чтоб шведский двор вступил с нами в особливую негоциацию для постановления торжественной конвенции, чтоб Швеция нынешнюю форму правления отнюдь и ни под каким видом не отменяла, напротив чего мы обязались бы не только эту

форму правления, но и установленное там наследство гарантировать и пригласить к той же конвенции все дворы. При вручении этой промемории вам подается наилучший способ – содержание ее подкрепить дальнейшими рассуждениями и явственно показать, как неприличен данный с шведской стороны ответ и как этот новый с нашей стороны поступок свидетельствует о наших прямо дружеских к шведскому двору чувствах, особенно к наследному принцу, ибо, кроме того что мы ревнуем о соблюдении прав и вольности соседственной нам нации, мы не хотим допустить, чтоб принц, покусившись когда-нибудь их нарушить, преступил учиненную им присягу и тем в начале своего правления возбудил ропот целой нации, любящей свою вольность, и сделал бы это принц, в возведении которого в его достоинство мы принимали такое участие. Это довольно показывает, основательны ли были рассеянные повсюду злостные слухи, будто мы старались ниспровергнуть наследство, нами самими установленное, когда мы стараемся заблаговременно отворотить и то, что могло бы служить поводом к такому ниспровержению. Теперь шведскому министерству представляется последний случай показать нам искренность тех уверений, какие оно нам не переставало твердить: им стоит только вступить в предлагаемую конвенцию, что им сделать легко, когда они обнадеживают не иметь никакого помышления об отмене нынешней формы правления; это для них и выгодно, ибо они разом освободятся от беспокойств, в каких их со-

держат продолжающиеся со всех сторон вооружения».

Канцлер писал Панину: «Я вашему высокоблагородию откроюсь, что мы, подлинно осмотрясь, никакого скоропостижного без рассуждения поступка не сделаем и первые в огонь не бросимся, хотя при том и всегда готовы будем ко всему тому, чего обстоятельства и сходство всевысочайших интересов потребовали б. Я верю, что господа датчане больше всех ошибутся, да и не худо, чтоб они ошибку свою прямо почувствовали. Ее импер. величество со всем тем, однако ж, всевысочайше намерена к датскому двору ни малейшей наружной отмены в своих сентиментах не показывать, но паче стараться, что ежели б начатую с оным негоциацию о шведских делах пресечь должно было, то таким образом сделать, чтоб датский двор тому виновным оставался; а впрочем, что до шведов самих принадлежит, то хотя мы и по действительной отмене их формы правительства первые войну с ними начать не намерены, а еще меньше не учиня с союзниками нашими предварительного соглашения, однако ж когда с здешней стороны в нынешней вооруженной позитуре останемся, то, может быть, сие одно довольно сильным способом будет шведов самих о том в раскаяние привести и иногда до того достигнуть, что сами ж они принуждены были б паки нынешнюю форму правления восстановить, когда собственные их подданные, и без того великими налогами и податями отягощенные, продолжаемым для того далее непрерывным вооружением в совершенное отчаяние приведены

будут и против самовластного правительства восстанут, еже толь имовернее есть, ибо известно, что они ни третьей доли того не снесут, еже ее импер. величество без всякого труда в действо произвести может. Все сие единственно для собственного вашего известия остаться имеет, а впрочем, нисколько не препятствует, чтоб ваше высокоблагородие по прежде данным вам наставлениям не старались благонамеренных в Швеции сколько можно ободрять и их при лучших сентиментах содержать. Ничего лучше быть не могло б, как, приобретя Финляндию, шведов с датчанами их жребию оставить; но происходящие иногда оттого следствия не толь легко предвидеть можно, как бы такое предприятие требовало; но паче опасаться надобно, что таким образом и самые наши союзники не только за случай союза не признали б, но паче наступательною стороною признаны быть могли б. Впрочем, я охотно и совершенно вступаю в рассуждение вашего высокоблагородия касательно до жестокой тамо вашей жизни. Но ваше высокоблагородие противу того сами ж рассудить изволите, такие ли ныне обстоятельства, чтоб ее импер. величество могла, хотя на малое время, оттуда взять такого человека, на верность которого ее величество полагаться изволит и искусство его к нынешнему соглашению тамошних дел весьма нужным находит».

Письмо было очень лестно; но с Панина не слагалась обязанность иметь дело с «благонамеренными», которые, по его мнению, никуда не годились, и он должен был подать третью

декларацию, от которой не ждал никакой пользы.

Третья декларация была отдана Паниным шведскому министерству 4 января 1750 года; ответ получен был 26 числа того же месяца и состоял в решительном отказе вступить в какую-либо конвенцию относительно формы правления. Так как Австрия и Саксония подкрепляли предложение русского двора, то шведское министерство объявило, что король для уничтожения в Европе всякого сомнения относительно своих миролюбивых намерений гарантирует всеми своими союзниками, что он первый никогда мира не нарушит, и если русский двор примет эту гарантию и с своей стороны даст такую же, то спокойствие сейчас же восстановится. Панин переслал канцлеру свое мнение, что такую гарантию Россия совершенно отказалась бы от права противодействовать перемене правительственной формы. Шведы хорошо знают, что русский двор поймет, в чем дело; но им хочется усыпить союзников России, которые, быть может, не так далеко проникают в шведские дела, могут смешать перемену правительственной формы с нарушением мира и ослабить свое внимание, так что Россия одна останется занятою шведскими делами, что для Франции и Пруссии очень желательно. Весь беспристрастный свет должен признать, что противовесие Франции заключается в силах одной России, которой при шведской перемене нельзя будет принимать большого участия в общих делах для пользы своих союзников. Одно средство однажды навсегда приобрести безопасность и со сла-

вою окончить принятые относительно Швеции меры – это получить от наших союзников формальную гарантию насчет ненарушимости шведской формы правления, причем в особом секретном акте обозначить все касающиеся дела пункты, отменой которых может быть нарушена общая система равновесия, и при таком нарушении постановить признание союзного случая (*casus foederis*). Этим рассмотрением нынешний образ шведского правления введется в генеральную форму всей Европы и господствующая в Швеции партия лишится возможности называть ее домашним делом. Это выражение – «домашнее дело» – может иметь силу в юридических школах между простым народом, а не в кабинетах держав. Бестужев отвечал на это *благорассудительное* мнение, что его нельзя довольно выхвалить. «Я, – писал канцлер, – не оставил бы стараться надлежащее по оному употребление учинить; но, зная, вашему высокоблагородию, может быть, не так сведомые диспозиции наших союзников, я предусматриваю, что сей хороший план и чрез долгое время своего совершенства едва достиг бы. Прошедшая война их так засуетила, что они поныне ни о каких посторонних делах помышлять не хотят, по меньшей мере ни на что не поступят, не протягивая вдаль, еже не иначе как противной стороне повод подавали б тому перечить, умалчивая, что Англия и без того едва похотела б шведскую форму правительства (гарантировать), не приглашая к тому Франции. Таким образом, легко сделаться могло б, что чинимые нами о том пропозиции вту-

не остались бы, следовательно, теперь наилучшее есть, находясь по всяким происшествиям в готовности, смотреть и обождать, какое течение дела примут, потом уже свои меры принимать. Когда наши союзники, а именно венский, лондонский, копенгагенский и дрезденский дворы, на учиненные от нас им по шведским делам представления и требования никакого удовлетворительного ответа не дали, то и мы все учиненные от них здесь по тем же делам пропозиции в молчании оставлять будем, дабы они и самым малейшим с здешней стороны ответом не делали себе меритов (заслуг) ни при шведском, ни при французском, ниже прусском дворах, а еще меньше все о наших намерениях известны были. Постараемся лучше одни, елико можно, целость наших интересов наблюдать».

Особенно поведение Англии заставляло думать о том, как бы «одним целость наших интересов наблюдать». В Лондоне Чернышев объявил герцогу Ньюкестлю, заведовавшему сношениями с северными государствами, что императрица надеется в случае если Швеция не обратит никакого внимания на представления России о неперемене формы правления и Россия будет принуждена исполнять обязательства Ништадского договора, то Англия признает здесь случай союза и не откажет в помощи. Ньюкестль отвечал, что сомневается, чтоб Франция допустила Швецию заключить с императрицей какую-либо новую конвенцию о форме правительства; французский двор находится в твердом мнении,

что сделанное коронным шведским наследником объявление достаточно для успокоения всего света, что в Швеции и не помышляется о введении самодержавия; Франция отказалась исполнить требование лондонского двора — склонить шведское правительство внести небольшую перемену в манифест коронного наследника для большого разъяснения дела; Франция основала свой отказ на том, что такие требования относительно внутренних дел неприличны и достоинству Швеции как вольной державы предосудительны; к этому французский посол прибавил, что очень жаль, если сделанная Швецией успокоительная декларация не будет иметь успеха и на Севере возгорится война, ибо пламя этой войны распространится по всей Европе. Когда Чернышев подал промеморию о том, что Панин представил шведскому правительству третью декларацию, то Ньюкестль сказал, что в ответе на промеморию будет заключаться просьба английского правительства к императрице, чтоб она удержалась относительно Швеции от всяких поступков, которые могут казаться наступательными, тем более что лондонский двор не может признать случая союза и, следовательно, обязанности помогать России, когда последняя введет свое войско в Финляндию единственно из досады, что Швеция откажется заключить требуемую от нее конвенцию относительно перемены правительственной формы. Чернышев выразил удивление относительно того, как этот ответ на его промеморию мало согласуется с теми искренними союзнически-

ми чувствами, которые лондонский двор много раз выражал императрице; Чернышев ставил на вид, как Англия заинтересована в этом деле не только относительно политического равновесия, о котором она так заботится, но и относительно своей торговли; и та и другая потерпят ущерб, если в Швеции восстановится самодержавие. «Я совершенно с вами согласен, — отвечал Ньюкестль, — для Англии крайне важно, чтоб в Швеции не было восстановлено самодержавие, и нашему двору очень приятно, что для недопущения этого императрица держит войско наготове; но у нас еще не усматривается никакой необходимости, чтоб императрица велела своим войскам предпринять наступательное движение, наш двор не имеет доказательств, могущих его удостоверить, что Швеция действительно намерена изменить свою правительственную форму; коронный наследник, для которого такая перемена должна произойти, не может вступить на престол, пока старый король еще жив. Французский двор продолжает уверять, что перемены никакой не последует, что об этом там и не думают, а если б что-нибудь подобное затевалось, то он сам готов тому сопротивляться как делу, не согласному с его интересами. С другой стороны, маркиз Пюизие объявил нашему посланнику лорду Альбемарлю, что если Россия действительно, как грозит, двинет свои войска в Финляндию, то Франция союзника своего не оставит, но вместе с прусским королем немедленно подаст ему помощь. Я вам скажу откровенно, — продолжал Ньюкестль, — что наш двор,

недавно освободившись от разорительной войны, теперь ни под каким видом в новую войну вступить не склонен, да и не в состоянии по усилившемуся государственному долгу, не поправя своих финансовых дел; вот почему наш двор и считает своею главною обязанностью не давать вашему двору обещаний, каких сдержать не в состоянии, и потому должен отвлекать императрицу от всего того, что могло бы повлечь к войне, тем более что Россия может иметь против себя Францию, Швецию, Пруссию и даже Турцию. И венский двор согласен с нашим взглядом».

Герцог Бедфорд, заведовавший сношениями с южными государствами, еще раз объявил Чернышеву, что если Россия начнет войну с Швециею, то Англия не примет в ней никакого участия, случая союза по договору не признает, по крайней мере он, Бедфорд, в королевском совете будет настаивать, чтоб случай союза не был признан. Англии нельзя втягиваться в новую войну по причине громадности своего долга. При этом он высказал неудовольствие, что императрица без ведома его двора велела подать Панину третью декларацию. «Я, – говорил Бедфорд, – совершенно согласен с французским двором, что декларация наследного принца достаточна для успокоения; никакая конвенция большого ручательства не даст, и я не уверен, чтоб императрица по Абовскому договору имела право требовать от Швеции больших ручательств».

Чернышев уговаривал обоих герцогов, чтоб они не очень

боялись французских угроз, которые останутся недействительными при твердом союзе между Россией, Англией и Австрией; у Англии есть лучшее средство прекратить французские угрозы – это дать на русскую промеморию благоприятный ответ. «Я, однако, не надеюсь, – писал Чернышев, – чтоб мои представления имели какой-нибудь успех. Сомнения мои основываются на следующем: во-первых, на страхе английского министерства пред новою войною; во-вторых, на великой экономии в расходах, которая теперь здесь наблюдается; в-третьих, на несогласии министров в королевском совете, которое производит остановку в иностранных делах». В следующих депешах Чернышев между прочим извещал свой двор о разговорах Ньюкестля с посланником прусским. Последний внушал, что английский король должен употребить свое старание при русском дворе для отращения императрицы от нападения на Швецию; в противном случае король его не может быть равнодушным и будет принужден по оборонительному договору с Швециею подать ей помощь. Ньюкестль отвечал ему, что у Англии с Россией оборонительный союз и потому если Россия начнет с Швециею наступательную войну, то Англия в этой войне участия не примет.

Чернышев был очень недоволен этим ответом английского министерства, Панин был очень недоволен пунктами внушений, представленными шведскому министерству от другой союзницы России, Австрии. В этих пунктах говорилось,

что римская императрица не может представить никаких новых способов к соглашению между Россией и Швецией и ожидает с шведской стороны, не сыщутся ли такие способы, которыми бы возможно было как можно скорее установить тишину. Римская императрица обещает без требования или предписания представить русской императрице, не может ли она удовольствоваться шведскими обнадеживаниями и приказать отвести от границ своих лишние войска. Шведское министерство отвечало благодарностью за попечение о мире и просьбою о продолжении этих попечений. Шведский король, говорилось далее в ответе, утешает себя надеждою, что дела уладятся мирно, тем более что подозрение насчет перемены правительственной формы совершенно неосновательно; это доказывается известным манифестом наследного принца 12 июля 1749 года, и хотя манифест касался только шведских подданных, однако по своей сущности достаточен для удовлетворения России и других держав. Других способов удовлетворения без предосуждения своей независимости Швеция не знает.

Панин был недоволен австрийскими внушениями, но когда ему прислали из Петербурга копии чернышевских доносений, то поведение венского двора сравнительно с поведением лондонского показалось ему уже достойным похвалы. «Наши союзники, — писал он канцлеру Бестужеву, — могут быть извинены тем, что в рассуждении внутреннего состояния своих государств стараются посторонние дела вдаль

протягивать и для того желают утишить настоящие замешательства; но тем не менее английское министерство в своем поведении оправдаться не может, ибо оно, уважая так мало искренность пред своими союзниками, ослабляет систему равновесия и тем противной стороне подает повод поступать с большею дерзостью. Как кажется, венский двор не терпит из виду последнего пункта и как ни усердно старается успокоить северные дела, однако по сие время не сделал ни одного поступка, которым бы мог поднять головы своим противникам, но при каждом отзыве мужественно оказывает твердость своей системы. Венский двор в своем рескрипте к здешнему резиденту сильно осуждает поступок английского министерства, тем более что он сделан так публично и обнародован всеми газетами».

В сентябре Панин виделся с знаменитым прежде главою колпаков стариком Окергельмом, который приезжал на время в Стокгольм. Окергельм в откровенном разговоре о состоянии Швеции объявил, что если Россия оставит Швецию ее собственному жребию, то тем скорее приведет к упадку господствующую партию. Императрица сделала все возможное и должна спокойно ожидать событий, в необходимом же случае поступить согласно с своими декларациями и тогда, конечно, найдет сочувствие в целом шведском народе, который ничего так не опасается, как войны с Россией. Франция не так щедро будет расточать свои деньги, если русский двор не станет производить никакого движе-

ния. Все те, которые России обещают на будущем сейме золотые горы, имеют в виду только обогатиться ее деньгами; опыт показал, как трудно и бесполезно иностранному министру управлять здешними земскими делами, ибо в конце он непременно будет обманут, особенно министр русский, ибо в действительности Россия очень мало имеет здесь истинных друзей; для главного управления делами необходимы из шведов знатные, способные и влиятельные люди; но таких он, Окергельм, не знает никого, что же касается до него самого, то он покорнейше просит оставить его в забвении, ибо не признает в себе ни малейшей к таким делам способности. Русскими деньгами ничего сделать нельзя; другое дело, если будут действовать морские державы в твердом соединении с венским двором: они могут силою денег искать себе друзей и среди французской партии и вообще могут действовать с большим успехом, чем кто-либо другой, ибо система их никогда не может быть соединена с зависимостью Швеции. Настоящая форма правления прочна по крайней мере на несколько времени; господствующая партия не может теперь ее нарушить без ускорения собственной гибели, если только русский двор останется при твердом намерении исполнять свои декларации.

В ответном рескрипте на донесение о разговоре с Окергельмом говорилось, что мнения Окергельма сходятся с мнениями императрицы, именно, сделавши все то, что благодеяниями можно было сделать: предоставить шведов их соб-

ственному жребию и быть в готовности действовать, когда безопасность русских границ того потребует. «Действительно, опыт показал, — говорилось в рескрипте, — что употребляемые в Швеции с русской стороны деньги служат только к тому, что заставляют Францию высылать еще больше денег и таким образом еще больше укреплять шведов против нас. Мы не хотим сами питать их ненависть против себя и потому повелеваем вам поступать таким образом, чтоб злонамеренные, да и почти все шведы видели нежелание ваше искать их благосклонности; вы можете при случае велеть им внушать, что вы французские деньги деньгами же перевешивать не хотите. Это, однако, не связывает вам рук продолжать знакомства, служащие вам к получению нужных известий, и делать издержки, которых требует наша служба».

Более всех других держав русским движениям в Стокгольме должна была сочувствовать Дания из страха перед усилением Швеции посредством самодержавия; но Дания была держава слабая и потому не могла действовать так решительно, как Россия, должна была поступать осторожно, озираясь на все стороны. В конце января 1749 года сам король объявил Корфу, что сущность конвенции между Россией и Даниею должна заключаться в двух пунктах: 1) Россия должна препятствовать прусскому королю в угоду шведов напасть на датские области, совершенно открытые; 2) должна быть лучше определена граница между Даниею и Швециею, ибо хотя императрица великодушно объявила, что ника-

ких завоеваний для себя от Швеции не желает, но датские границы очень мало защищены от шведских нападений, а шведы такие соседи, которым никогда верить нельзя. После этого король с час разговаривал о шведском и прусском дворах. Корф писал, что из этого разговора можно было заметить в короле мало высокопочитания к прусскому двору, а против шведского, особенно против министерства, казался он очень раздраженным и, между прочим, сказал: «Удивительное дело, что шведский двор присылает сюда всегда таких министров, которые могут быть названы прямыми банкрутами честности, таков Тессин, таков Палмстерна, Гепкен и настоящий Флемминг, у которого такая злость и коварство на лице написаны, хотя неизвестно, умеет ли он говорить, потому что при всех случаях заставляет говорить за себя французского министра». При всем том, писал Корф, король не изъяснился ни о тех способах, какими здесь думают удержать прусского короля от вмешательства в шведские дела, ни о том, какую границу им хочется иметь со стороны Швеции.

На другой день после этого разговора министр Шулин прочел Корфу конвенцию: Россия и Дания согласились препятствовать всеми средствами введению в Швеции самодержавия и потому обязуются с обеих сторон выставить на шведских границах войско и вооружить флот; если бы Швеция вознамерилась передвинуть финляндский корпус к норвежским границам для действий против Дании, то Россия

обязана сделать диверсию своими галерами в Швеции и тем поставить последнюю между двумя огнями; если прусский король соберет войско вблизи датских границ, то Россия выставляет сильный корпус на курляндских границах, датский король в таком случае сосредоточит наибольшую силу в Голштинии, а против Швеции воевать только оборонительно; если прусский король нападет на Данию, то Россия объявляет ему войну и не положит оружия прежде, чем Дания будет приведена в совершенную безопасность; Россия должна склонять кронпринца шведского, чтоб он за себя и за своих потомков отказался от Шлезвига и Голштинии; Дания должна получить все то, чего она лишилась по миру в Бремзебро. Все эти пункты должны содержаться в тайне.

Король, по уверению Корфа, желал тесного сближения с Россиею по шведскому делу; но министр Шулин был французской партии и хитрил: наружно не противился конвенции и притворялся, что совершенно согласен с намерениями королевскими, а между тем старался выиграть время, вымышляя всякие предлоги к остановке дела, и желал дожидаться таких обстоятельств, которые были бы в состоянии ниспровергнуть всю машину и сохранить в Дании французскую систему.

В апреле у Корфа с Шулиным был разговор по поводу объявления, сделанного Франциею британскому двору, что Франция сама будет стараться сохранить настоящую правительственную форму в Швеции и потому согласна доставить

всякое обеспечение державам, принимающим в этом участие. Корф заметил, могут ли Россиян Дания ожидать такого обеспечения от державы, которой приверженцы в Швеции приняли все меры для восстановления самодержавия; внутренняя слабость злонамеренной партии для успеха в таком трудном предприятии известна, и потому можно вывести естественное заключение, что вожди партии составили означенный план не без ведома и не без предварительного совета с Франциею. Корф подозревал, что Шулин сам принимал участие в декларации, сделанной Франциею, чтоб доставить ей свободнейшие руки в северных делах и усилить возможность возобновления французского субсидного договора. На замечание Корфа Шулин несколько помедлил ответом; потом, собравшись с мыслями, сказал, что и английский король считает такое обеспечение надежным и думает, что получит его от Франции. Корф не продолжал разговора, боясь подать повод заключить о каком-нибудь беспокойстве со стороны русского двора; по его мнению, некоторым равнодушием можно было в Копенгагене больше выиграть, чем усиленным старанием. Вслед за тем Шулин пригласил Корфа на конференцию и прочел ему рескрипт короля к датскому министру в России Шезу, состоявший в следующем: король великобританский велел сообщить, что, видя опасные признаки беспокойства на Севере, он велел представить обоим императорским дворам, что Англия по окончании столь тяжкой войны с Франциею может помочь своим союзникам

только в том случае, когда на них нападут в их собственных владениях; тем меньше он склонен принять участие в действиях против установленного в Швеции порядка наследства, ибо в таком случае начнется общая война на Севере, причем Франция и Пруссия, по всем вероятностям, получают верх. Вот почему английский король не может не отсоветовать таких намерений своим союзникам, в том числе и королю датскому. Необходимо смотреть неусыпно, чтоб нынешняя правительственная форма в Швеции была сохранена, но сделанные в Стокгольме русским и датским дворами декларации на первый раз достаточны. Французский король велел обнадежить английский двор, что и он сам будет стараться сохранять существующую правительственную форму в Швеции и готов доставить в этом отношении обеспечение всем державам, принимающим участие в деле. Король прусский также велел повестить, что, по сделанному ему объявлению от русской императрицы, вооружения с ее стороны производятся не для обиды кому-либо, но только для предосторожности, на случай, если б явилась опасность для спокойствия на Севере; хотя этим объявлением темное облако, нашедшее на Север, казалось, начало исчезать, однако недавно явилась в Стокгольме русская декларация, следовательно, опасность от непогоды еще не совсем миновалась; поэтому прусский король желает знать намерения датского короля относительно этого дела. И французский король, продолжал Шулин, велел здесь объявить, что из датских вооружений на норвеж-

ских границах и из тесной дружбы между Даниею и Россиею его король возымел подозрение, не клонятся ли датские вооружения против Швеции; король объявляет, что в таком случае он будет помогать Швеции.

Дания отвергла субсидный и оборонительный трактат с Англиею и заключила его с Франциею на том основании, что Англия требовала за свои деньги корпуса вспомогательных войск, а Франция не требовала. Шулин, объявляя об этом Корфу, уверял, что этим трактатом с Франциею король его никак не связывает себе рук относительно Швеции, ибо когда французский посланник допытывался, как поступит Дания в том случае, если самодержавие в Швеции будет восстановлено на сейме с согласия всех чинов, то ему отвечали: если будут хотя три человека в Швеции против перемены, то Дания будет их защищать. В августе Корф писал в Петербург, что Дания хотя немало опасается шведского переворота, однако не будет принимать серьезных мер прежде кончины шведского короля. Трудно ожидать, чтоб датский король в таком важном деле решил что-нибудь один, без министерства, ибо для этого требовались бы качества, которые даются опытностию и летами; английский посланник во время своей негоциации имел довольно тайных аудиенций, с которых уходил всегда с добрыми обнадеживаниями от короля, но Шулин умел обратить в ничто эти обнадеживания. Корф, чтоб выпытать у Шулина его мнение о шведских делах, завел речь о строении шведами крепости в Ландскроне, ука-

зывая, что это не может оставаться без опасных следствий для Дании, особливо когда восстановлено будет самодержавие. Шулин отвечал, что крепостные постройки в Ландскроне требуют долгого времени и громадных издержек, а впрочем, нельзя отвергать, что это предприятие не может быть приятно для Дании. Потом Корф склонил речь на слухи, что в конце года будет создан в Стокгольме чрезвычайный сейм для восстановления самодержавия — дело легкое при совершенном падении патриотической стороны. Корф спросил у Шулина, какие, по его мнению, нужно было бы принять меры в таком случае. Шулин отвечал, что между Россиею и Даниею еще не последовало по этому важному предмету никакого соглашения и потому он не имеет обязанности объявлять своих мнений: но так как дело идет об интересе одинакой важности как для России, так и для Дании, то он скажет свое мнение, но только как частный человек. Я думаю, продолжал Шулин, что сделанные со стороны России и Дании военные приготовления на шведских границах достаточны для удержания злонамеренной партии в ее замыслах, эти господа легко могут видеть, что рискуют потерять свои головы, и кронпринц рискует потерять престол и быть выгнанным из Швеции; злонамеренная партия очень хорошо знает, что от Франции, кроме некоторой суммы денег, она никакой помощи не получит. Король прусский, быть может, пришлет свое выговоренное в трактате вспомогательное войско, но нельзя думать, чтоб он далее захотел вмешаться в дело. Несмотря

на то, надобно внимательно следить за движениями злонамеренной партии, и я уверен, что король, мой государь, в известном случае безотлагательно примется за оружие и вступит в Швецию, хотя бы конвенция с Россиею и не была заключена, в надежде, что императрица, соблюдая собственный интерес, сделает то же самое.

Корф выпросил себе тайную аудиенцию у короля, которая происходила 3 сентября. Корф представил, что тайный комитет прошлого шведского сейма уже подписал акт введения самодержавия, отложив исполнение до будущего сейма. Теперь надобен только удобный случай, который доставит позднее годовое время, когда злонамеренные не будут опасаться никакого препятствия со стороны иностранных держав и при совершенном утеснении патриотов безопасны и относительно внутреннего сопротивления; и в какое положение тогда были бы приведены заинтересованные дворы, если бы движения злонамеренных заблаговременно не были предупреждены, — это он предоставляет священнейшему проницанию его королевского величества. Императрица не намерена оставить без внимания такое важное дело и не сомневается, что и его величество также к нему внимателен и не откажет сообщить на его счет свои виды. Король отвечал, что он никак не может допустить перемены правительственной формы в Швеции и хочет сопротивляться этой перемене всеми своими силами, почему и сделал все нужные распоряжения в Норвегии; только он признает себя обязанным

вследствие своей декларации не предпринимать ничего подобного наступательному движению до тех пор, пока злонамеренные действительно что-нибудь затеют; его цель — сохранить спокойствие на Севере, и потому никак не желает подать повод к войне каким-нибудь поступком, который бы мог быть истолкован как обида. Он надеется, что императрица совершенно согласна с ним в этом отношении, и он надеется, что дело не дойдет до войны, ибо извлеченная уже до половины на шведских границах шпага может привести злонамеренных на другие мысли. Впрочем, он просит уверить императрицу, что всегда будет поступать как истинный союзник России, убежденный в пользе и естественности этого союза; начатые переговоры с Францией и Швецией не содержат в себе ничего, что могло бы ослабить его: первая касается только получения хорошей суммы денег без связывания себе рук; вторая же состоит единственно в возобновлении старого трактата. «Было бы несогласно с моим достоинством и интересом, — продолжал король, — если б я заключил новые договоры, которые были бы противны обязательствам моим с императрицею. Я не мог принять предложения Англии, во-первых, потому, что эта держава в мирные времена больших субсидий давать не привыкла, во-вторых, потому, что она выговаривала себе помощь войсками, а я не могу из моей армии отправить ни одного человека: мои норвежцы надобны мне против шведов; из голштинских войск мне нельзя ничего дать, ибо я не знаю, что окажется с той сто-

роны». Корф заметил, что король относительно германских своих владений может опасаться только со стороны Пруссии и в этом отношении английский субсидный трактат доставил бы полную безопасность. Король отвечал, что этого можно достигнуть, если Англия вступит в союз, не требуя, чтоб Дания лишилась французских субсидий. «Это рассуждение чрезвычайно странное, — писал Корф, — хотят на Англию наложить обязанность заботиться о здешней безопасности в то самое время, как отвергают ее дружественные предложения и дают предпочтение другой державе; из этого видно, какие слабые правила старается внушить министерство этому молодому государю».

23 ноября Корф был приглашен на конференцию к министрам, которые объявили ему, что так как шведский наследный принц недавно опубликованным актом в самых сильных выражениях высказался против перемены правительственной формы и так как императрица — королева венгерская обещала стараться о выдании со стороны шведского правительства другого подобного же акта, то датский двор признал излишним заключить по этому предмету особую конвенцию с Россиею: большая часть европейских держав тем или другим способом принимает участие в сохранении настоящей формы шведского правления, и если Россия с Даниею вступят в особые обязательства, зависящие от будущих и неподлинных случаев, то это может возбудить в других державах зависть и подозрение, что было бы более вредно, чем полез-

но, для сохранения тишины на Севере.

Корф приписывал такой оборот дела Шулину; канцлер Бестужев соглашался с ним, но советовал быть осторожнее относительно могущественного министра. «Принятые г. Шулином странные меры, — писал Бестужев, — меры, которые интересу короля навсегда останутся вредны, нимало не удивляют, ибо я имел случай познать с прежних еще времен превратные его мысли и совершенную преданность к Франции; почему я ему всегда не доверял, и с самого еще начала, когда тайная негоциация началась, невзирая на то что первое предложение учинено с датской стороны, никакого добра от него не надеялся. И действительно, в мнении своем не ошибся, ибо он внезапно уничтожил всю негоциацию и мнение свое в рассуждении теперешней формы правления основал только на чаянии и легко опровергаемых мнениях, в чем последовал предписанию французского двора с точностию. Я имею у себя достоверное известие, что г. Шулин испрашивал у французского двора совета, привести ли начатую негоциацию к желаемому концу, в чем ему непристойным образом отказано и запрещено. Из сего, следовательно, легко заключить можно, какую французский двор над ним имеет силу, когда рассудить, что он в угодность оному старался датский двор отщетить от нашего и возбудить между обоими несогласие... Я слышал также помощи некоей посторонней переписки, что ваше превосходительство изволили у некоторых тамошних ваших приятелей называть г. Шу-

лина пенсионером Франции. Ваше превосходительство можете легко себе представить, что если сие дойдет до ушей г. Шулина, то он, спасая честь свою, подговорив двух свидетелей, потребует от вас отчета; и вашему превосходительству трудно будет доказать, поелику тот министр, который берет мзду, свидетелей удаляется; а между тем он, раздражен будучи вашим попреком, и при жалобе своей последует примеру графа Тессина. В тогдашнее время стоило мне несчетных трудов ваше превосходительство из бывших замешательств с честью освободить. Если же последуют теперь от датского министерства какие-либо жалобы, то ваше превосходительство можете себе представить ту досаду, которую я иметь буду за то, что вас на теперешнее ваше место рекомендовал, также и то, что я вас поддерживать не в состоянии буду. Сей случай подал бы зломыслящим шведам повод к оправданию своея бесполезныя на вас жалобы: Вашему превосходительству известна моя к вам искренняя дружба по многим обстоятельствам, для которой я вам теперь и открываюсь чисто-сердечно. Качество господина Шулина мне давно известно, род мыслей его не годится ни к чему, он исполнен коварства; однако ж влияние его при тамошнем дворе и кредит у короля в таком состоянии, что должно ему всевозможным образом уступить, чтоб противным чем-либо не огорчить его и чрез то не привести оба двора в расстройку. Я советую вашему превосходительству г. Шулина уступать, столько ласкать и подавать вид старания, войти к нему в приязнь, чтоб

приятые им о вас худые намерения уничтожить и привести в недоумение. Такими поступками всего лучше можно выиграть. Я уже найду способ за ваше превосходительство и за себя отмстить сему коварному министру, отмстить столь чувствительно, чтоб он вечно ощущал досаду, а может быть, удастся мне свергнуть его с места; но я сие сообщаю вашему превосходительству за сокровеннейшую тайну».

10 декабря Корф имел разговор с самим королем. «Я надеюсь, – сказал Фридрих V, – получить радостную ведомость о возвращении ее импер. величества в Петербург: хотя и эта столица довольно далеко от нас, однако когда императрица в ней находится, то мне кажется, что я ее особу больше в соседстве имею и что дела тем много выиграют, особенно при нынешних обстоятельствах на Севере. По крайней мере из декларации шведского наследного принца следовало бы заключить, что шведы сами нуждаются в сохранении мира, да и старания других дворов к тому же клонятся». Корф отвечал, что известия из Стокгольма удостоверяют его, что манифест коронного наследника надобно признать хитростию французской партии, употребленную для успокоения его датского величества и разъединения с русскою императрицею. Что же касается иностранных держав, старающихся при шведском дворе о соблюдении тишины на Севере, то между ними надобно отличить такие, которые имеют влияние на шведские дела, и такие, которые его не имеют: к последним принадлежат римско-императорский двор, кото-

рого представления имели мало успеха, также и великобританский, а к первым – Франция и Пруссия, которые согласились помогать злонамеренным шведам в перемене правительственной формы. «Если шведское министерство, – сказал король, – имело в виду при печатании известного манифеста разделить Данию с Россиею, то ошиблось, ибо я вполне признаю необходимость союза между обоими дворами и прошу вас удостоверить ее императ. величество, что я хочу способствовать всеми средствами сделать узел такой необходимой дружбы неразрывным, прошу и вас не переставать стараться об этом; что же касается французского и прусского дворов, то я не могу понять, какой им интерес в восстановлении самодержавия в Швеции». Корф писал, что он ясно доказал, что Франция и Пруссия имеют в этом сильный интерес, и король не мог ничего ему отвечать. Корф указал также королю на опасность, которая грозит Дании от укрепления шведами Ландскроны. Потом король разговаривал о разных предметах, о разных дворах; Корф нашел его рассуждения очень важными, нашел, что он французскому и прусскому дворам не доверяет, а к наследному принцу шведскому и его партии питает прямую ненависть.

В конце 1749 года Корф писал о ненависти, а в самом начале 1750 должен был писать о необыкновенных знаках благосклонности, которые оказывает король прусскому посланнику. В апреле Корф уведомил о внезапной смерти министра Шулина, причем писал: «Правда, этот министр был великий

противник интересам вашего императ. величества, но переменятся ли дела вследствие его смерти, это зависит от назначения ему преемника».

Дела не переменились, потому что датская политика относительно шведского вопроса не была личным делом Шулина или партии, в челе которой стоял этот министр.

Державы, боровшиеся с Россиею дипломатическими средствами в Стокгольме и Копенгагене, разумеется, должны были также сильно бороться с нею и в Константинополе. Неплюев в начале 1749 года уведомил о слухе, распушенном в Константинополе, что Россия должна будет вести войну против Швеции, Пруссии, Дании и Польши, что 70000 прусского войска уже двинулось для занятия Курляндии. Тут же Неплюев сообщил записку, поданную Порте шведским поверенным в делах Сельценом. Сельцен домогался у Порты, чтоб она спросила у русского резидента, зачем его правительство делает такие сильные военные приготовления, сухопутные и морские, при шведских границах, и показала ему копию союзного договора, заключенного между нею и Швециею. Французский посланник Дезальер получил от своего двора приказание вразумлять Порту, что ее интересы требуют внимательного взора на северные события, ибо Россия имеет одну цель – овладеть Швециею, следовательно, турки, будучи с нею в союзе, должны ей помогать; да и без союзного обязательства должны всеми средствами препятствовать, чтоб русские не умножили своих сил. Эти внушения с швед-

ской и французской сторон и беспрестанно подаваемые господами молдавским и валахским ложные ведомости привели Порту в недоумение и заставили ее обратиться к английскому посланнику Портеру с просьбою объяснить причины русских вооружений: «Даром большие деньги на вооружения не тратятся; правда ли, что Россия хочет назначить другого коронного наследника в Швеции? Что такое Курляндия, что об ней в настоящих северных делах упоминается? Не остановится ли в Польше русское войско, зимовавшее в австрийских владениях, и правда ли, что польскую вольность хотят совершенно утеснить?» Портер обратился к Неплюеву и австрийскому интернунцию Пенклеру за советом, что ему отвечать. Те постарались ему внушить, что он должен воспользоваться благоприятным случаем и снова забрать в свои руки то влияние, которое морские державы имели при Порте до Белградского мира, что теперь время не только туркам глаза открыть, но и Дезальеру с Сельценом нанести чувствительный удар, показавши, что представления Сельцена делаются по внушениям Дезальера. Неплюев представлял Портеру, что злоба французов против России происходит за помощь, оказанную императрицею англичанам посылкою войска к Рейну; что шведско-французско-прусская интрига направлена против России и Англии вместе и что надобно за это отомстить; что Россия принуждена вследствие шведского недоброжелательства держать войско на севере; но так как на юге не прибавлено ни одного полка, то Турции беспо-

коиться решительно нечего. В этом смысле составлен был письменный ответ, который Портер и переслал рейс-ефенди.

22 июня Неплюев имел разговор с великим визирем, который встретил резидента чрезвычайно ласково и сказал, что русский двор не может и желать большей дружбы, чем та, которую Порта к нему имеет. По этой-то дружбе он, визирь, и желал засвидетельствовать ему, резиденту, как бы Порта охотно видела Россию в согласии с Швециею, ибо ничто не может быть приятнее для Порты, как доброе согласие между ее друзьями. Неплюев отвечал, что императрица одного только и желает, чтоб быть в добром согласии со всеми державами, и Порта знает сама это очень хорошо из того старания, с каким Россия поддерживает дружбу в отношении к ней. Потом резидент перешел к северным делам и прямо объявил, что некоторые неблагонамеренные шведские министры желают возбудить беспокойства на Севере переменою правительственной формы, чтоб избавиться ответственности пред чинами и в угоду чужим державам; но так как гарантия Петра Великого естественно перешла и на императрицу, то она и по собственному интересу, и для предупреждения неминуемых беспокойств велела своему министру объявить в Стокгольме, что она не может смотреть равнодушно на замышляемую перемену; и как скоро злонамеренная партия от своего умысла отстанет, то императрица не подаст ни малейшей причины к беспокойству, ибо она завоеваний не желает, имея нужды в приращении земель. Визирь отвечал,

что хотя Порта и слышит многое, но не обращает серьезного внимания (тут он показал рукою, что в одно ухо впускает, а из другого выпускает) и надеется, что все эти несогласия на Севере кончатся ничем. Тут Неплюев заметил, что если Порта сильно желает тишины на Севере, то ей бы следовало шведам советовать, чтоб они отстали от своих вредных замыслов и не слушали советов тех держав, которые стараются зажечь огонь на Севере. И визирь должен быть от их советов и внушений во всегдашней осторожности, потому что они не стыдятся в двух местах одинаково каверзить: здесь, при Порте, сообщают ложные известия о России, а в России о Порте.

В сентябре интернунций Пенклер сообщил Неплюеву и Портеру перехваченную депешу Дезальера, в которой тот хвастался, что визирь говорил с Неплюевым повелительно, что он, Дезальер, успел открыть турецкому правительству глаза насчет русских замыслов и что для воспрепятствования последним возможна конвенция между Франциею, Пруссиею, Швециею, Польшею и Турциею. Пенклер объявил при этом, что хотя его королева-императрица и не верит французскому хвастовству, однако считает нужным, чтоб они втроем приняли меры для воспрепятствования упоминаемой Дезальером конвенции. Три министра решили, что в этом деле особенного внимания заслуживает упоминание о Пруссии, ибо если бы Франция успела склонить прусского короля на проект Дезальера, то это немало нарушило бы

европейское равновесие. Они решили внушать Порте с трех сторон о благонамеренности России относительно Швеции, но решили при этом действовать с крайнею осторожностью и не делать ни малейшего намека насчет плана Дезальера, ибо этот план мог остаться только в голове последнего, наполненной, по словам Неплюева, проектами: так, Дезальер постоянно твердил о поляках, преувеличивал их силы и в то же время указывал необходимость освободить их от русских притеснений, необходимость с будущего польского сейма отправить в Константинополь министра с жалобою на проход русских войск чрез Польшу. Неплюев пригласил к себе переводчика Порты и объявил ему, что злонамеренная партия в Швеции решила произвести в действие свой план тотчас по смерти королевской и потому императрица приказала своему послу в Стокгольме сделать вторичную декларацию, что будет защищать вольность утесненных шведов; но если шведское правительство даст надежное удостоверение, что форма правительственная изменена не будет, то Россия ничего более требовать не станет. Если шведы, говорил Неплюев, откажутся дать всякое удовлетворение, то все беспристрастные будут считать их нарушителями мира; надобно надеяться, что и Порта разделит также этот взгляд и будет советовать шведам не нарушать спокойствия на Севере.

Неплюев и Портер внушали, что Порта должна уговаривать шведов уступить русским требованиям; Дезальер внушал, что шведы правы, что декларацией наследного прин-

ца дано полное обеспечение и что Порта должна отговаривать русскую государыню от столь несправедливых требований. Турецкие министры не знали, что делать, посоветовались между собою и решили: шведов вполне не оставлять, на словах за них ходатайствовать, но русскому двору отнюдь не причинять неудовольствия. Уведомив об этом свой двор, Неплюев писал: «Мне же во опровержение тех шведско-французских здесь интриг собою директно ныне делать нечего по опасности каким-либо безвременным отзывом непристойного от турок объявления на себя навести; но под рукою при всех подавающихся случаях возможное чинить не оставляю».

В начале 1750 года Неплюев присылал своему двору все успокоительные известия, что, несмотря на усилия Франции и Швеции склонить Порту на принятие посредничества в северных делах, та не поддается их внушениям. Но от 18 мая получена была от него в Петербурге депеша другого рода: «Чрез посредство двух серальских фаворитов и, вероятно, благодаря сребролюбию рейс-ефенди (шведский переводчик трижды был у него в доме на рассвете), который по жадности своей со всех сторон берет, против всякого нашего ожидания испытали мы (т.е. Неплюев, Пенклер и Портер) турецкое непостоянство, удостоверились, что ни на какие здешние обнадеживания полагаться ненадобно; что здесь не следуют какой-нибудь принятой системе, но по прихотям самые важные решения отменяются». Дело состояло в том, что 14

мая Неплюев был позван на конференцию к визирю, который прочел ему записку; в ней было сказано, что так как по полученным из разных мест ведомостям известно, что шведский ответ на последнее русское требование основателен, то Порта надеется, что обе державы будут сохранять путь правый и прямой и что скоро уведомится она о восстановлении между ними дружбы и добрых сношений. Неплюев отвечал, что отдает на рассуждение визирю: при возникших между двумя государствами столкновениях дело решается одними ли словесными уверениями, или для этого требуются трактаты и конвенции. Шведы повсюду разглашали, будто Россия хочет свергнуть их коронного наследника, а Россия основательно доказывает, что они желают переменить форму своего правления; то чего же лучше, как заключить с обеих сторон конвенцию, что ни того ни другого не будет? И если это разумное средство не примется, то бесспорно, что шведы по французским и прусским наущениям стараются взволновать Север. Императрица не желает ни пяди шведской земли; но если шведы не отстанут от своего намерения переменить правительственную форму, то она не сдержится никакими представлениями и употребит все дарованные ей Богом способы для воспрепятствования этому злу. Российская держава никогда не позволит предписывать себе законов ни шведам, ни французам, ни какому-либо другому народу, устанавливая все свои поступки на весах правосудия с богоугодным намерением не допускать, чтоб от сосе-

дей и в ее государствах огонь загорелся. На эти слова визирь и рейс-ефенди твердили одно: что Порты высказалась единственно из дружбы к обоим северным державам. После Неплюев узнал, что рейс-ефенди сказал визирю: «Хотя нынешнее свидание так же мало принесет пользы, как и прошлогоднее, однако мы это дело с рук сбыли».

Было ясно, что с турецкой стороны России нельзя было ожидать никаких значительных неприятностей по северным делам; столкновение между крымцами и запорожцами также не могло повести ни к чему важному. В таком успокоительном положении находились дела, когда в конце года в Петербурге было получено известие о внезапной смерти Неплюева, последовавшей 8 ноября. Псковский архиепископ Симеон Тодорский получил от находившегося при миссии иеромонаха Иосифа любопытное письмо о болезни и кончине резидента: «Извещаю преосвященству вашему о смерти резидента, который Божиим смотрением наказован был многаяжды болезнию различною, первое – отнятием руки, потом желчию, что весь был желт, и тая желчь происходила ему от сердца лютости и продолжалась все лето; однажды с деревни приехал в Перу, не знаю, за что осердился на портного так жестоко, что обомлел. Сколько лекари увещевали его о том, не слушал и не мог отстать, навек всегда в лютости и в ярости. Случилось ему шестого числа сего ноября во вторник вечеру в немецкого резидента быть, и там сделалась ему апоплексия, которого в лектики (на носилках) в двор оттуду

принесли, и страдал, по докторскому мнению; апоплексиею, а по-моему, от беса мучим, и все то было ему от Бога в наказание, чего для в среду, бывшу ему в чувстве добром и в памяти, говорил хорошо, чисто; я пришел к нему; он не хотел сперва на меня смотреть, отворочался, як бес от креста, говорил ему за исповедь, отказал – пожди. Потом в среду ж пред полунощию мучило его четырьмя нападами, мало и дышал, чего для я приобщил его Божественных тайн без исповеды, понеже не говорил; а после полунощи стало ему полегче, пил чай и поутру в четверток говорил с докторами; я приходил и хотел ему говорить и принудить к исповеды – ниже слово сказал; все удивлялись, с лекарами говорил и лекарства принимал, а ко мне ниже единого слова промолвил; после половины дня начало быть ему худше, ввечеру скончался без исповеды. И по приметам прежних лет жития его так в России, как и в Стамбуле, не был он совершен христианин: но или лютер, или совсем атеиста, понеже имел великое обхождение с аглицким послом, а той явный атеиста. В Стамбуле находятся различнии народы православнии и имеют резидента в великом почтении яко от православного государства, а по теперешнем случаи все удивились и позорствуют на Россию, что едно православное государство в свете, и то уже начинает колебаться в вере и развращаться, весь Стамбул атеистою покойного называл за его злые поступки, наипаче же теперь внушили, что не хотел исповедатись. О чем я прошу преосвященства вашего в случае внушить сие всеми-

лостивейшей государыне, дабы доброго христианина избрали и прислали в Царьград».

Глава вторая

Продолжение царствования императрицы Елисаветы Петровны. 1751 и 1752 годы

*Восстания приписных к фабрикам крестьян. — Помещи-
цы и крестьянские междоусобия. — Столкновения на ме-
жах. — Предложение графа Петра Иванов. Шувалова о гене-
ральном межевании. — Указ против ябедников. — Смягчаю-
щее движение в законодательстве. — Продолжение брянско-
го дела о беглых крестьянах. — Магистратское дело в Бел-
городе. — Беспорядки в Орле. — Устюжские купцы и половни-
ки. — Торговое и промышленное движение. — Финансы. — Де-
ла церковные. — Продолжение борьбы с инородцами в Сиби-
ри. — Дела малороссийские. — Письмо канцлера Бестужева
к императрице. — Ссора канцлера с братом его Мих. Петр.
Бестужевым. — Столкновение с Австриею по поводу высе-
ления сербов в Россию. — Новая Сербия. — Сношения с поль-
ско-саксонским двором. — Переговоры с английским двором
о субсидиях. — Дела турецкие. — Кончина шведского короля
Фридриха и вступление на престол Адольфа-Фридриха. Пре-
кращение беспокойства относительно планов нового коро-
ля. — Сношения с Даниею.*

1751 год начали в Петербурге обычными увеселениями. На другой день Нового года «как знатные обоего пола персоны и иностранные господа министры, так и все знатное дворянство с фамилиями от 6 до 8 часа имели приезд ко двору на маскарад в богатом маскарадном платье и собирались в большой зале, где в осьмом часу началась музыка на двух оркестрах и продолжалась до семи часов пополудни. Между тем убраны были столы кушаньем и конфектами для их императорских высочеств с знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами в особливом покое, а для прочих находившихся в том маскараде персон в прихожих парадных покаях на трех столах, на которых поставлено было великое множество пирамид с конфектами, также холодное и жаркое кушанье. В оной большой зале и в парадных покаях в паникадилах и кракштейнах горело свеч до 5000, а в маскараде было обоего полу до 1500 персон, которые все по желанию каждого разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеем, шоколадом, чаем, оршатом, и лимонадом, и прочими напитками довольствованы». 18 января был при дворе другой такой же маскарад.

С половины 1751 года в разных местах империи начало обнаруживаться явление, которое в следующем году приняло небывалые размеры. В Вятской провинции встали против своих властей крестьяне архиерейского дома, также успен-

ского Трифонова и других монастырей. Пуших заводчиков велено было наказать кнутом, а прочих батогами; но крестьяне не допустили до этой экзекуции секретаря, приехавшего с драгунскою командою; секретаря и восемь человек драгун избили. Тогда другие драгуны стали стрелять и убили двоих крестьян: остальные крестьяне отступили, но залегли по всем дорогам, чтоб не пропускать команды; послана была другая команда, которая выручила секретаря и схватила троих зачинщиков мятежа: в других деревнях зачинщики разбежались при появлении команды.

Вятский воевода Дубенский постарался исторически объяснить Сенату положение крестьян в своей отдаленной и находившейся в особенных условиях провинции. Вятские крестьяне платят подати с трудом, потому что множество их за неимением своих земельных участков скитается, питаясь подаянием, а землями государственными по большей части владеют дом архиерейский, монастыри, купечество и разного чина люди. В этой провинции, как видно, сначала были места лесные и пустынные, которые при поселении отдавали черносозным крестьянам во владение на оброк; когда же стало людей умножаться, тогда эти крестьяне из отданных им земель продавали друг другу и, расчищая, селились деревнями; также отдавали на помин души в архиерейский дом, монастырям и многим сельским церквям в приклады, продавали посадским, приказным и всякого чина людям. После переписи 1722 года крестьяне за малоимением

в своих деревнях земли расчистили в разных местах пустоши и лесные земли и поселились на них деревнями и починками, а по нынешней переписи написали их в прежних деревнях, а в новорасчищенных деревнях и починках никаких душ не написали, почему крестьяне подушных денег не платят, отговариваясь, что на этих землях душ не написано, а должны платить за них те, которые прежними их деревенскими участками владеют. Между Вятским и Устюжским уездами близ Черной речки поселились пришлые неизвестно какие люди в большом числе, поселились насильно и живут деревнями и починками, посылаемых к ним от Вятской канцелярии бьют и увечат, а следствия произвести нельзя за неимением известия о земельных дачах; да и в других смежных с Вятскою провинциею местах, подле Еранского и Казанского уездов, а более на Отяцких новокрещенских жалованных землях, таких же пришлых крестьян немалое число. Воевода предлагал прислать к нему из Вотчинной коллегии копию с писцовых книги по ним восстановить старые межи. Сенат приказал: отправить из Вотчинной коллегии межевщика, геодезиста и секретаря с копиями писцовых, межевых и переписных книг в возможной скорости и написать, что Сенат представлением Дубенского доволен.

В 1751 году статский советник Никита Демидов купил у князя Репнина имение в Обоянском уезде. Для отказа крестьян за нового помещика поехал майор с командою да серпуховской воевода. Когда они приехали в село Ильинское,

то крестьяне их туда не пустили и по выслушании указа единоголосно объявили, что они себя за Демидова к отказу не допустят и слушать его без кровопролития не станут. Это было осенью; а в конце года в то же село Ильинское отправился советник Вотчинной коллегии Поляков; но навстречу к нему вышли в поле крестьяне, человек до 1500, с рогатинами, дубинами и прочим дрекольем и объявили, что его к себе в село не пустят, а чтоб прочел указ на том месте, где был остановлен. Поляков исполнил требование и поздравил крестьян, что они уже не принадлежат больше Демидову, а приписаны к собственным вотчинам ее императорского величества. Крестьяне отвечали, что за высочайшую милость благодарствуют, а его, советника, для переписки себя и приписки к собственным вотчинам государыни не пустят, потому что он послан по желанию и в пользу Никиты Демидова и высочайшая милость еще им невероятна, ибо военная команда стоит кругом их вотчины; сверх того, о приписке к государыниным вотчинам должны они ожидать указа из вотчинной ее императорского величества канцелярии. Сказавши это, крестьяне пошли обратно в село Ильинское, а советник возвратился в село Ивановское, в двух верстах от Ильинского, опять посылал требовать, чтоб пустили его в Ильинское, получил новый отказ и возвратился в Москву. Сенат, узнавши об этом, приказал объявить Полякову *реприманд* за то, что сделал не так: ему велено было только вотчины за Демидова не отказывать, а Демидову объявить, чтоб он вотчи-

ною не владел и сборов с нее не собирал.

Это распоряжение, которое самим крестьянам показалось невероятным, не осталось без следствий. В 1752 году содержатель парусной и бумажной фабрики в Малоярославском уезде коллежский асессор Гончаров подал жалобу на непослушание крестьян. Посланную вследствие этой жалобы команду крестьяне встретили с оружием в руках в числе 800 человек. Команда остановилась, и в ее глазах крестьяне учились военной экзерциции, как надобно приступать и отступать, у них были какие-то необыкновенные ножи, и многие ходили в гренадерских шапках; они напали на команду, разбили ее, отняли пушки. Принуждены были послать бригадира Хомякова с тремя полками: ему удалось разбить крестьян благодаря артиллерии и утушить восстание.

После этого Хомякову дано было такое же поручение, только потруднее. Дворянин Евдоким Демидов подал просьбу: «В Калужской провинции куплена отцом моим у графа Головкина к железным нашим заводам волость Ромодановская; из крестьян этой волости треть, обученные мастерству, всегда находились в той провинции на наших заводах, другая треть – на сибирских заводах, остальные – на пашне. В 1741 году эта волость откладывалась от нас и крестьяне многие противности показывали, прикащика нашего до смерти убили; а в нынешнем апреле месяце с третьего числа та же Ромодановская волость самовольно от нас отложилась, воду из заводского пруда крестьяне всю выпустили, держащиеся в

огне угольные дровяные кучи оставили, все люди разошлись, заводские работы остановились и крестьяне посланных наших к себе в деревни не пускают. Услыхав об этом самовольстве, крестьяне той же волости, обученные разным мастерствам и находящиеся на наших Брынских и Дугненских заводах, многие, покинув работу, ушли в свою Ромодановскую волость, а от этого многие работы остановились».

Примером для ромодановских крестьян служило сопротивление крестьян Репнинской волости, которые, как мы видели, достигли своей цели – освободились от Демидова. Как только пришел приказ от владельца всех крестьян Ромодановской волости выслать на работы на Дугненский завод, то волость и поднялась; репинские говорили ромодановским: «Мы в челобитных писали, что Демидов грозил нас размучить, и тем от него отошли; и вы пишете, что знаете». Главными зачинщиками были крестьяне Горох, Рыбка, Бурлаков, Рыженков, Семенов, Рык, Чуприн и Волк; староста Бурлаков начал было отрекаться от бунта; но его стали бить и принудили продолжать дело. Живший в волости солдат Дмитриев обучал крестьян воинским приемам; вооружали не только всех мужчин, но женщин и девиц, нарядив их в мужское платье. Против возмущившихся был отправлен полковник Олиц с 500 человек команды; но он был разбит крестьянами и взят в плен; подполковник фон Рен, один капитан, прочих чинов и рядовых 30 человек были ранены тяжело, так что оказались к жизни безнадежны; 9 офицеров и 188 рядовых полу-

чили легкие раны; из крестьян было убито 59, ранено 42 человека. Тогда отправлен был бригадир Хомяков, усмирявший гончаровских крестьян. Демидовские крестьяне вышли и против него вооруженные, крича: «Мы ее императорскому величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим и в руки к нему нейдём». Река разделяла их от войска; солдаты начали стрелять, и видно было, что в крестьянских рядах было много убитых и раненых; но это не отняло духа у крестьян, и они ни на шаг не отступили от берега. Хомяков требовал, чтоб высланы были из них лучшие люди для истолкования им указа; лучшие люди пришли и объявили: «Мы ее императорскому величеству ни в чем не противимся и если за государыню будем взяты, а за Демидова нас не отдадут и о том объявят нам указ, то противиться не будем». Хомяков не решался напасть, ждал подкреплений; потом велел зажечь некоторые деревни и приступить к селу Ромоданову; крестьяне выступили из села, причем схвачено их было человек 200; но прочие разбежались и составили многочисленные разбойничьи шайки с огнестрельным оружием. В Петербурге нашли, что Хомяков действует очень слабо, и отдали его под военный суд. На его место явился генерал-майор Опочинин, которому удалось поймать 674 человека из возмущившихся крестьян. Главные зачинщики сосланы были в Сибирь на железные заводы Демидова с приказом употреблять их в тяжкие работы. Жалобы на мучительство Демидова объявлены выдуманными, ибо 257 мастеровых и завод-

ских рабочих показали противное.

В том же 1752 году тульский купец Лугинин купил к полотняной фабрике в Белевском уезде село Сороколетово; но в это время пошел слух о восстании Ромодановской волости: сороколетовские крестьяне отказались ходить на фабрику, утверждая, что к фабрикам деревням быть не велено; они собрались всем миром в приходской церкви, призвали священников, отслужили молебен и присягнули не слушаться Лугинина и друг друга не выдавать. При появлении военной команды крестьяне разбежались.

Дело не ограничивалось крестьянами, приписными к фабрикам и заводам. В 1752 году олонецкие вотчины Хутынского монастыря отказали ему в повиновении. Три раза Новгородская губернская канцелярия посылала их уговаривать, но они посланных выгнали, команду били и бранили и единогласно кричали, что указа не слушают и подписываться не будут. Сенат велел послать достаточную команду, исследовать дело и зачинщиков высечь плетьюми нещадно.

Крестьяне Вятской провинции Хлыновского уезда Шланской волости вели дело законным порядком; поверенный от этой волости крестьянин Бесперстов бил челом в Сенате: имел он отъезд для торгового промысла в Оренбург; узнавши об этом, секретарь Вятской провинции Перминов прислал за ним как за своим крепостным крестьянином, прислал к старосте письмо, чтоб его сыскать и прислать к нему; его сыскали и привели к Перминову, который стал ему гово-

рять, чтоб он с прикащиками его, которые от него торгуют под чужими именами собственными его, Перминова, товарами, съездил в Оренбург, и за это обещал наградить. Бесперстов отказался и отпущен домой; но староста Шланской волости получил от секретаря предписание обобратить у Бесперстова и отца его все их имение, хлеб и скот. Староста исполнил предписание, и Бесперстов отправился к Перминову жаловаться на безвинную обиду. Перминов сказал ему: «Поедешь в Оренбург с моими прикащиками, то все свои пожитки получишь назад, получишь и награждение за поездку; если же не поедешь, то и всю волость разорю». Бесперстов поехал в Оренбург с прикащиком Перминова хлыновским купцом Праздниковым, который жил в доме Перминова. С 1745 года по 1751 год Бесперстов прожил в Оренбурге и других городах, имея смотрение за прикащиками Перминова, всякий его товар принимал и отправлял, деньги взыскивал по векселям без всякого вознаграждения, а когда стал просить об увольнении, то Перминов прислал в Шланскую волость людей своих и все пожитки его и отца его забрал без остатку, взяли разного серебра три фунта, 10 лошадей, 26 овец, 21 свинью, три улья пчел, денег 30 рублей, и все отвезено в дом Перминова на мирских подводах; этими пожитками секретарь корытуется до сих пор, а Бесперстов и отец его скитаются меж дворами и кормятся мирским подаянием. Во всех государственных волостях Перминов обижает и разоряет крестьян, собирает разные сборы на свои домовые нужды,

раскладывая их на всех крестьян по числу душ. В 1748 году схватил двоих крестьян Шланской волости и вымучил у них вексель в 400 рублей, а деньги взыскал со всех крестьян волости, расположа по числу душ. В том же году схватил 8 человек крестьян и вымучил вексель в 200 рублей и с одного из этих крестьян взыскал 100 рублей, а с прочих – по раскладке. Крестьяне бить челом не смеют не только в Вятской канцелярии, но и в Казанской губернской канцелярии, потому что многие челобитчики на него едва не померли в тюрьме по его проискам; поэтому крестьяне и послали Бесперстова бить челом прямо в Сенат.

Если являлись такие тяжкие для крестьян секретари, как Перминов, то беда иногда приходила на них и от своего брата. Дворцовых тамбовских волостей беглый и наказанный кнутом крестьянин Иван Нагорнов с сообщниками сочинил фальшивый акт от имени всех крестьян этих волостей, будто бы им нужно занять денег на крестьянские потребности, а заплатят они овечьёю шерстью, собирая с каждой души по два фунта; на основании этого акта Нагорнов взял у московских купцов 760 рублей денег и в уверение платежа шерстью дал им вексель в 1000 рублей на имя всех сел старост и крестьян, после чего бежал из Москвы. Для предупреждения подобных случаев Сенат велел публиковать, чтоб никто не давал займы денег дворцовым крестьянам, посланным для хождения по делам.

На польских границах помещики и крестьяне по-прежне-

му терпели от крестьянских побегов. В 1752 году великолуцкие помещики подали жалобу, что люди и крестьяне их по подговору польских обывателей бегут за польский рубеж, пограбля пожитки их помещичьи и крестьянские, а польские обыватели всячески помогают им к побегу и поселению и потом подсылают в Россию для воровства, разбоя и грабежа, дают оружие и порох, уводят многих в неволю.

Кроме означенных случаев восстаний правительство по-прежнему употребляло отдельные воинские отряды в борьбе с разбойниками. В описываемые годы случаи разбоев являлись в Серпуховском, Каширском, Тарусском и Обоянском уездах. В 1751 году находившийся у сыску воров и разбойников от Калуги до Нижнего по обе стороны Оки подполковник Жеребцов доносил, что в его команде колодников 221 человек. В начале 1752 года Олонецкая воеводская канцелярия доносила, что теперь воровских и разбойничьих артелей и никакого об них слуху в продолжение двух лет и трех месяцев нет, поэтому для сыску их команде в Олонце быть не для чего. Сенат приказал: офицеру, взявши с олонцкого воеводы письменный реверс, что у них воров, разбойников, беглых солдат и рекрут нет, выступить с командою из города. Но там, где военные команды оставались, было видно, что они не могут действовать с успехом без помощи обывателей. Военная коллегия, которой тяжело было ведение этой внутренней войны, потребовала от Сената указа «о всеконечном прекращении пристаней вора́м и разбойникам, чтобы в селах

и деревнях прикащики, старосты, выборные, соцкие и десятичные помогали сыщикам в поисках за вредными людьми».

Ведшееся исстари явление — ожесточенные схватки на межах скоро должны были повести к общей мере для их уничтожения. Полковник Мяснов послал из крапивенской своей деревни Даниловки для кошения сена на свою дачу дворового человека Григорья с крестьянами, человек тридцать; но из села Крутиц помещиков Толбузиных вышел староста с крестьянами, человек триста, напали на косцов, дворового Григорья убили до смерти, схватили 14 человек крестьян, увезли к себе в село и на помещичьем гумне, измучив их самым зверским образом, умертвили; помещики их, недоросли Толбузины, были тут. Для размежевания земель в Новгородском уезде послана была команда из 50 человек, но, когда начали межевать, монастыря Антония Римлянина келарь Евдоким, служитель Михайлов, староста и выборный со всеми крестьянами монастырской вотчины, человек более 1000, явились с дубьем, кольем и топорами и межевать не допустили, крича, что если станут межевать, то будут бить до смерти, останавливали солдат, хватая их за ружья и штыки, для рассеку между лесом рубить деревьев не давали, где нужно было идти для измерения с цепью, какое дерево надобно было рубить, охватывали его руками, подставляли под топоры ноги и прочь толкали, чтоб только начать драку, и таким многолюдственным нападением фрунт смешали. Келарь вытащил из рук солдата цепь, передние кольца ее разо-

гнули, столб, привезенный для обозначения межи, с посме-
янием оттащили назад.

20 января 1752 года граф Петр Ив. Шувалов подал в Сена-
те письменное предложение, что «ее импер. величества все-
августейшей государыни милосердное известное предприятие
и желание, дабы подданные под державою ее величества,
дворянство и всякие владельцы недвижимых имений, оби-
димые лишением им подлежащих земель, удовольствованы
справедливостью без обиды были, и для того неоднократно в
рассуждении оных и ради пресечения доньше в спорах и за-
владении земель происходящих убивств, и во изыскании то-
го кровопролитных следствий происхождение, попечитель-
но милосердуя о государственном межевании, всемилости-
вейше упоминать соизволяет, требуя ведать, как скоро оное
начнется, и чтоб тем не медлить. Сколько же известно, все
книги, потребные к тому межеванию, по Вотчинной колле-
гии не токмо списаны, но прочтены и приготовлены по по-
рядку находятся, а время того к начатию удобное прибли-
жается; того ради не соизволит ли Высокоправительствующий
Сенат сие дело важное, государственное, дав ему пред
другими преимущество о сочинении инструкции в избрании
межевщиков, в установлении оногo во всех к тому потреб-
ностях немедленное начало учинить, чтоб начало того дела с
началом весны действием произвести; а притом не соизволит
ли Сенат в рассуждении постановления порядка основатель-
ного и за фундамент одну только Московскую губернию на-

перед размежевать; когда же оное окончится, тогда в прочих всех губерниях в одно время начать, для того что по большей части те затруднения, которые в оной, будут резолвированы». Сенат приказал: какие о том межевании в Сенате были определения и писцовые наказы и сколько в Вотчинной коллегии писцовых книг списано, все это собрав, предложить Прав. Сенату к рассмотрению немедленному, 19 февраля по предложению того же Шувалова Сенат приказал: публиковать во всем государстве, чтоб все, кто за собою деревни и земли имеют, на эти земли всякие крепости заблаговременно приготавливали, особливо те, кто деревни и земли имеют в Московской губернии, чтоб при вступлении определенных к межевому делу межевщиков в том размежевании земель нималого препятствия и остановки последовать не могло; а в Вотчинную коллегию послать указ: иметь с писцовых и межевых книг копии во всякой готовности наперед одной Московской губернии.

Для прекращения драк и убийств на межах представлялось действительное средство – генеральное межевание; но труднее было правительству находить скорые средства против других беспорядков. 25 мая 1752 года императрица велела Сенату публиковать, каким образом она, к крайнему неудовольствию своему, слышит о разорении и притеснении подданных от ябедников, которые, не страшась суда Божия, стараются употреблять всякие вымыслы против правды и тем затягивают решение дел. Известно ее величеству, что в

таких непристойных званию своему поступках упражняется отставной лейб-гвардии прапорщик князь Никита Хованский, которому впредь себя от того удержать и как явным, так и тайным образом ни под каким видом этого не делать и никому по делам никакого совета и наставления не давать под опасением лишения движимого и недвижимого имущества и указного штрафа; равным образом, если кто с ним о каких приказных делах советовать станет явно или тайно и в том будет уличен, то как у него, князя Никиты, так и советовавшихся движимое и недвижимое имущество отписано будет. Этот Хованский 19 лет не жил с женою, держал ее в крайнем притеснении и между тем давал полную волю страстям своим, 12 лет не приобщался; раздраженный публикациею о своем ябедничестве, он стал делать выходки против правительства, всех знатных особ называл одних дураками, других пьяницами. «Слава Богу, – говорил он, – что в Москве дворец сгорел: теперь поедет государыня в Петербург; из Петербурга ее выгнала вода, а из Москвы огонь». Его высекли плетью и сослали в Никольский козельский монастырь, потом велели жить в своих деревнях.

Отставной комиссар князь Жировой-Засекин в Юстиц-коллегии повинился в трекратном закладе и продаже одних и тех же своих недвижимых имений. Прокурор Штатс-конторы Андрей Батюшков побоями вымучил у своей жены крепость на приданные ее деревни, доставшиеся ей на сдьмую часть после первого мужа, Унковского; Сенат пригово-

рил его, лиша всех чинов, бить кнутом; но императрица простила его, приказав быть в отставке. Статскому советнику Полянскому велено было ехать на следствие в Вятскую провинцию; он укрылся от такой дальней, тяжелой поездки; тогда положено было запрещение на его недвижимое имущество, пока не явится. Полянский явился и подал просьбу, что приехал в Петербург и одержим тяжелой болезнью, которая препятствует ехать ему в Вятскую провинцию, и потому просит от службы и от посылки уволить, а деревни из-под запрещения освободить. Сенат приказал: Полянского отправить в Вятскую провинцию с провожатым солдатом, потому что когда он в Петербург теперь приехал, то и в Вятку ехать может. В доме у обер-кригс-комиссара Спичинского произошла драка, участниками были генерал-майор князь Владимир Долгорукий и ассессор Иван Данилов. Почти пять лет тянулось следствие, наконец дело решили: Долгорукий, как зачинщик драки, должен был заплатить обиженному, секретарю Суровцеву, годовое жалованье за бесчестье и увечье; ассессору Данилову, который хотя не был зачинщиком драки, но самоуправным отмщением право свое потерял, вменить почти пятилетний жестокий арест в наказание, определить к делам тем же чином в другое место и удержанное жалованье по бедности выдать.

В законодательстве шло постепенно смягчающее движение. Петр Великий запретил употреблять пытку в малых делах; в 1751 году ее отменили в корчемных делах, причем

Сенат проговорился и тем указал на необходимость общей отмены пытки. «По корчемным делам не пытать, – говорит указ, – для многих в том затруднений и кровопролития, и чтобы, не стерпя пыток, не могли на кого и напрасно говорить, и те б, на кого станут говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанию». Но это рассуждение одинаково прилагалось ко всем пыткам.

В описываемое время правительственным распоряжением обе столицы были лишены украшения, которое делало их похожими на дремучие леса: императрица запретила держать в Петербурге и Москве медведей, «а кто к оному охотник, держали б в деревнях своих и по ночам бы не водили». Другие города не были освобождены от медведей; некоторые из них были заняты другими важнейшими интересами. Мы видели, что Сенат для поимки беглых гончаровских крестьян велел послать усиленную команду; отправлен был драгунский подполковник Ангеляр; но и его команде крестьяне добровольно не сдались, надобно было брать их приступом, причем ранены были слегка один поручик и один драгун, двое драгунов ушибены были камнями, у одного унтер-офицера кафтан был прострелен пулею. Из крестьян один был убит наповал, другой умер от раны, легкие раны получили шесть человек, всего было взято 27 человек, из которых после померло и бежало пять человек. Так как жители Брянска, члены его магистрата, оказали явное сочувствие крестьянам, то, разумеется, они не могли остаться в стороне

при следствии. Брянские купцы подали в Сенат челобитную, что подполковник Ангеляр велел капитану Пловецкому атаковать их дворы и никого не выпускать. От этой атаки, бывшей 5 июня 1751 года, произошел немалый страх, от которого женщины и дети были при смерти; беременные женщины разрешились преждевременно и от страха в болезни долгое время не говорили. Взят был Брянского магистрата ратман Сапожков, выборный к таможенным сборам Григорий Коростин, подьячий, закованы в тяжелые кандалы и держались более трех недель в великом утеснении; а кого дома не было, брали жен и держали под караулом в колодках. Кроме того, подполковник команду свою посылал по дорогам для поимки брянских купцов, которых и не требуют к суду; в надежде на это прикащик Гончарова Зайцев по всем дорогам около Брянска ставил караулы также для поимки брянских купцов, которых в Сысской приказ не требуют же; в 30 верстах от Брянска схватили купца Кузьму Гридина, отняли у него лошадь, деньги, привели к Гончарову, посадили на цепь и мучили, до сих пор неизвестно, что с ним случилось; другой брянский купец, Анисим Беляев, в доме Гончарова убит до смерти; да не только купцов и гончаровских крестьян по дорогам хватили, но и малолетних детей, которые в школах учатся, забирали. Видя такой страх, купцы, оставя дворы, жен и детей, разбежались, все брянское купечество пришло в разорение, торговые промыслы и подати едва не все пресеклись. После 5 июня, спустя дней с десять, Ангеляр с капитаном и

с командою ходили по всем дворам и, разломав замки, опи-сывали все пожитки и товары, которых при этом распропало немало.

Мы видели, что в деле Белгородского магистрата Главный магистрат восторжествовал: враждебный ему президент Андреев был привлечен к делу о фальшивых векселях и взят в особо учрежденную по этому делу комиссию, а на его место в магистрате назначен другой. Но комиссия о фальшивых векселях объявила, что в векселях, данных Андрееву, никакой фальши нет, и притом взяты они вовсе не насильственно; сам челобитчик векселей фальшивыми не называет, а говорит только, что они даны во взятку за исходатайствование свидетельства о состоянии. Сенат обрадовался и приказал восстановить Андреева и товарищей его в прежних чинах по магистрату, а вновь выбранных и Главным магистратом определенных отрешить, ибо по делу комиссии о фальшивых векселях и за показанными в челобитье белгородских купцов резонами Андреева со товарищи без следствия от магистратского правления отрешать не надлежит. Скоро после этого Сенат имел удовольствие наложить штраф на обер-президента Главного магистрата Зиновьева; прокурор Суворов подал предложение с прописанием точных указов и с показанием основательных резонов; Зиновьев отстранил это предложение определением, сделанным им только от одного своего имени, толкуя неправильно прописанные у прокурора указы и регламенты; кроме того, определил сам собою в

контору Главного магистрата ратсгера Ольхина без общего со всеми присутствующими рассуждения и утаил представление в Сенат. Прокурор донес об этом генерал-прокурору, и Сенат велел взыскать с Зиновьева сто рублей.

В Орле возникла ссора между полицмейстером Бакеевым и президентом магистрата Уткиным, вследствие чего пошли беспорядки в городе; жители не стали помогать полиции: пойманных в драках разных чинов людей у полицейских служителей отбивали, и стоящие при рогатках на карауле купцы озорников под караул не брали и в полицию не приводили, опасаясь Уткина, который запретил и соцким помогать полиции; отсюда в Орле днем и ночью происходили необыкновенные крики и драки. В северных городах было покойно. Здесь устюжское купечество, обиженное своею провинциальною канцеляриею, искало управы законным путем и получило ее. Купцы жаловались Сенату, что канцелярия наложила запрещение на их деревенские земли и участки, а они владеют землями старинными родовыми с лишком за 200 лет, и на тех деревенских землях живут из чернососшных волостей крестьяне-половники с записями по договору, у кого сколько лет пожелают жить, а не купленные. Сенат приказал: деревням по-прежнему быть за ними неотъемлемым и половников содержать, покуда они быть захотят, до будущего впредь рассмотрения.

В Петербурге генерал-прокурор обратил внимание Сената на злоупотребления, какие позволяли себе иностранцы;

иностранные купцы, которые в петербургское купечество не были записаны и в розницу торговать не имели права, также и другие разных чинов люди, особенно жившие в качестве домашних учителей, и мадамы, обучавшие детей, также камердинеры и кухмистры не только продают товары в розницу в домах, но и по улицам для продажи разносят. Сенат велел повестить хозяевам, у которых жили эти иностранцы, чтоб они запрещали им производить такую торговлю, в противном случае сами подвергнутся штрафу. Из противоположного конца России, из Оренбурга, продолжали приходить хорошие вести. В конце 1751 года Неплюев донес, что из Оренбурга с начала года вступило в Россию золота 13 пуд. 1 фунт 15 золотников, серебра – 1186 пуд. 22 фун., пошлин взято 82949 рублей.

Говоря о состоянии русского купечества в описываемое время, нельзя умолчать о судьбе одной книги, для него назначенной. Коммерц-коллегия представила Сенату, что она рассматривала переведенную асессором Академии Волчковым книгу под заглавием «*Совершенный купец*», и хотя она до коммерции прилична, токмо к понятию российскому купечеству за необыкновением их к объявленным в ней торговым обращениям немало трудная и за тем к покупке оной многих охотников быть не уповательно, чего для напечатать ее на счет оной коллегии ненадежно, ибо и Савариева лексикона напечатано в 1747 году 1200 книг, на которую печать употреблено 3583 рубля, а продано поныне только 112

книг на 411 рублей; и для того не соизволит ли Прав. Сенат повелеть ту книгу, сколько потребно, напечатать и в продажу любопытным людям употребить от Академии наук, а за перевод той книги ассессору Волчкову, который имел труд немалый, награждение до 400 рублей из казны ее импер. величества учинить надлежит. Сенат приказал напечатать на счет Коммерц-коллегии 400 экземпляров и, оставя из них для здешней продажи сколько по рассмотрению той коллегии надлежит, остальные все отослать в Главный магистрат, а ему разослать в губернии и провинциальные магистраты и велеть раздать купцам, взыскав с них деньги по той цене, по чему они стали безо всякого лишку, ибо оная книга до собственного их купеческого употребления и пользы принадлежит; Волчкову 400 рублей выдать; с Савариевым лексиконом поступить точно так же, как и с «Совершенным купцом».

Из больших городов в описываемое время сильно пострадала от пожара Казань: 12 июля 1752 года сгорело в ней 900 дворов, разломано было 38, сгорела суконная фабрика Дряблова, два кожевенных завода его же, на Адмиралтейском заводе сгорела кожевня. Истребление фабрик и заводов было особенно чувствительно для молодой русской промышленности. Правительство продолжало следовать примеру Петра Великого, при первом удобном случае переводило казенные фабрики в частные руки: так, отдана была казенная суконная фабрика в Путивле в вечное и потомственное владение московскому купцу Матвееву. В описываемое время очень забо-

тились о заведении шелковичного производства, тяготясь зависимостью русских шелковых фабрик от привоза шелка из Персии, где по смерти шаха Надира происходили смуты, которым не предвиделось скорого конца. Астраханскому купцу Бирюкову дали позволение заводить и размножать шелковые и бумажные заводы, строить фабрики для тканья из шелку парчей, а из хлопчатой бумаги – пестрядей, покупать к этим заводам и фабрикам людей: мужчин до ста душ, а женщин сколько понадобится. Бирюков представлял, что у него близ Астрахани собственный свой крепостной двор с огородом, где насажены виноградные деревья; в том же огороде тутовых 500 деревьев, с которых снимается листу довольно число, и тем листом кормятся шелковые черви, дающие шелку в достаточном количестве; Бирюков представил в Сенат и пробу выделанного им шелку. Генерал-прокурор предложил Сенату в 1752 году, что в России шелковых парчей мануфактуры умножаются, а шелковых заводов почти ничего нет, достают шелк из Персии по настоящим тамошним обстоятельствам очень дорогою ценою, тогда как в России тутовых деревьев и к размножению их мест довольно. Так не рассудит ли Прав. Сенат писать к малороссийскому гетману, чтоб он во всей Малороссии велел публиковать, не пожелает ли кто заняться шелководством, то же публиковать в слободских полках и в Оренбургской и Астраханской губерниях, чтоб занимались шелководством, не требуя указов из Мануфактур-коллегии, но только давали ей знать о существова-

нии производства, и если такое производство действительно окажется, то заводчики из купечества будут уволены от служб и постоя и шелк их до 10 лет будет продаваться беспошлинно. Сенат согласился.

В конце 1752 года в Сенат поступила просьба коллежского советника и Академии наук профессора Михайла Ломоносова, что он желает к пользе и славе Российской империи завести фабрику делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок, стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, чего еще поныне в России не делают, но привозят из-за моря великое количество ценою на многие тысячи; а он, Ломоносов, с помощью Божиею может на своей фабрике делать помянутых товаров не токмо требуемое здесь количество, но и со временем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет, которые и покупать будут охотно, ибо вышеписанные товары станут здесь заморского дешевле для того, что принадлежащие к сему делу главные материалы здесь дешевле заморского. Каковы изобретенные им стеклянные составы, тому приложил пробы, также и некоторых из них деланных вещей и просил учинить вспоможение: отвести в Копорском уезде село Ополье или в других уездах от С.-Петербурга не далее полуторасот верст, где мужеска пола около 200 душ имелось, с принадлежащими к нему деревнями, лесами и другими угодыями, и тому лесу и крестьянам быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать, ибо наемными людьми за новостию

той фабрики в совершенство привести неможно, и в обучении того как нового дела произойти может немалая трудность и напрасный убыток, для того что наемные работники хотя тому мастерству и обучатся, но потом их власти или помещики для каких-нибудь причин при той фабрике быть им больше не позволят, то понадобится вновь других обучать, а после и с теми то ж учинится, отчего в распространении фабрики может воспоследовать крайняя остановка. На строение на оной фабрике сараев, на печи, на инструменты и на материалы сперва выдать из казны денег 4000 рублей без процентов, которые он обещается выплатить в пять лет, и пожаловать ему на сию фабрику привилегию на 30 лет. Сенат согласился, относительно же пожалования села Ополья решил доложить императрице с ходатайством.

Еще в 1745 году по определению Главного магистрата для возобновления в Москве серебряного черневого и финифтяного дела высланы были мастера: черневого дела из Устюга Климшин, финифтяного из Сольвычегодска Попов, и в том же году московский купец Кункин просил, что желает он этому мастерству обучаться, и с присланными мастерами письменно обязался, что ему их в Москве, пока они его обучат, содержать на своем коште и, сверх того, дать им награждение. Главный магистрат согласился. В 1746 году Кункин объявил, что он черневому мастерству обучился, и представил сделанные им табакерки, которые оказались доброго мастерства, почему Климшин и отпущен в Устюг, а По-

пов еще оставлен для доучивания Кункина. Теперь в 1751 году Кункин просил, чтоб ему позволено было производить одному изделие священных вещей, сосудов, крестов, окладов, ибо другие серебряники делают эти вещи безобразно. Сенат согласился, чтоб Кункин один делал священные вещи в Москве и продавал без повышения цены, но остальным серебряных и золотых дел мастерам, которых в цеху записано было всего шесть человек, делать только вещи для домашнего убранства и для частного, а не церковного употребления.

Для истории промышленности в России любопытна история одного мастера, обученного при Петре Великом. Комиссар Шаблыкин подал просьбу, что в службу взят он в 1718 году из недорослей и определен на Петербургскую шелковую и коломинковую мануфактуры в ученики, мастерству этому обучился у иноземных мастеров; в 1723 году пожалован мастером и обучил многих учеников, из них некоторые мастерами удостоены и определены в Москве на частные фабрики. Когда Петербургская фабрика была упразднена, то ученики его и инструменты отданы в Ярославль купцу Максиму За-трапезному, а ему, Шаблыкину, из той же казенной фабрики некоторая, самая малая часть для его пропитания дана в награждение: учеников два человека, инструментов и с котлами безденежно на 49 рублей да материалов с возвращением за них в казну денег 35 рублей. Он жил и работал в Новгороде; ученики его в городе и уезде во многих шляхетских и прочих домах скатерти и салфетки и прочие полотна дела-

ют, и это мастерство совершенно вкоренилось и размножается. В 1743 году определен он от Кабинета к возобновленной полотняной мануфактуре мастером, а в 1746 сделан при ней же комиссаром, но служит без жалованья, на своем коште и рангом никаким не награжден, почему просит наградить, а московских шелковых мануфактур мастера Ивков и Воделов награждены рангами поруческими. Сенат приказал наградить и Шаблыкина рангом поруческим.

Относительно промышленности первоначальной граф Петр Шувалов указывал, что благодаря ему промыслы морских зверей процветают в Белом море: когда в 1748 году ему были отданы эти промыслы, то с них пошлин взято 1653 рубля, а в 1750 году заплачено в казну 5231 рубль. На Ладожском озере тюлений промысел был отдан ему же, а в 1751 году он объявил Сенату, что так как в Астрахани и около нее в Каспийском море тюленей также много, но с давних лет их ловлею не занимаются, то он имеет намерение и астраханский тюлений промысел взять в содержание для его усиления по 1768 год. Сенат приказал отдать.

Шувалов имел право гордиться и удачею своих планов относительно распространения источников добывания соли и относительно ее продажи. В 1750 году соли в продаже было 6112529 пудов, денег в сборе – 2 миллиона 38 тысяч 31 рубль, прежней прибыли – 700453 рубля, новой прибыли – 510124 рубля; из этой суммы 210577 рублей Соляная контора должна была отослать в Главный комиссариат для замены

в подушный сбор, именно с каждой души складывалось по три копейки. В указе, данном по этому случаю, говорилось, что предполагалось прибыльных денег больше; но оказалось, что во многих местах продавалась подвозная, ломанная на степных озерах и из прочих мест соль в подрыв казенной продаже; также во многих отдаленных от городов местах казенной соляной продажи не было устроено и целовальники обвешивали и позволяли себе другие воровства; против всего этого приняты теперь меры, и государыня надеется, что прибыльных денег будет больше; кто узнает о злоупотреблениях, должен объявлять, чтоб положенные в подушный оклад люди могли получить наибольшее облегчение. В 1751 году продано было соли больше 78869 пудами, и в 1752 году велено Соляной конторе отослать в Главный комиссариат 210000 рублей, а комиссариату из подушного оклада выключить с каждой души по три копейки с четвертью.

Увеличение источников добывания соли прекращало затруднения, которые терпело государство от невольной монополии пермских солеваров. В 1750 году императрица велела прибавить баронам Строгановым по три копейки на пуд; в следующем году нашли необходимым прибавить им на суда еще 600 казенных рабочих сверх прежних 2000; но в том же году Сенат принял в соображение, что баронам Строгановым велено вываривать соли и ставить в Нижний по три миллиона пудов, а теперь в тамошние магазины элтонской соли вывезено более четырех миллионов пудов, отпущено 95000

пудов да имеется к отпуску 300000 пудов; кроме того, астраханского бузуну в Нижнем более 700000 пудов; поэтому Сенат приказал: для сохранения лесов, которые употребляются на выварку пермской соли и строение судов, и чтоб миновать нарядов с Казанской губернии рабочих на суда для сплавки этой соли на будущий 1752 год велеть Строгановым выварить соли и поставить в Нижний и оттуда в Верховые города не более двух миллионов пудов, потому что третий миллион отпустится элтонской соли. По особенным условиям России, разумеется, и тут не обошлось без препятствий, ибо новые источники добывания соли находились на окраинах, издавна знаменитых как приволье *гулящих* людей, противоположавшихся народонаселению внутренних областей. Определенный к смотрению за добыванием и вывозом соли с Элтонского озера полковник Чемадуров доносил, что на плывущих Волгою судах от воров и разбойников чинятся многие грабительства и смертоубийства, а рабочие, которым по множеству их можно было обороняться, нисколько не охраняют судов и хозяев, а другие даже помогают злодеям. Сенат мог только приказать обязать рабочих, чтоб помогали, объявив указ с запискою.

Для противодействия злоупотреблениям по продаже вина учреждена была в 1751 году особая Корчемная контора. Табачный откуп во всех местах, где существовал, отдан на шесть лет за 70000 рублей на год.

До последней ревизии считалось 5794928 душ податного

состояния, а с них подушных денег собиралось 4687654 рубля 10 копеек. По последней ревизии явилось 6614529 душ, и с них подушных денег – 5334900 рублей 70 копеек. Шува-лов представил Сенату, что по его предложению решено было брать оклад с новоприписных с 1747 года, не дожидаясь окончательно числового вывода по ревизии, и в четыре года с прибылых душ собрано 3117289 рублей, и потому просит внести в доклад императрице, что такая прибыль сделана по его представлению.

В июле 1751 года на монетных дворах за сложением по указам Сената имевшихся с 1735 года на Штатс-конторе и прочих местах долгов и за внесением в Кабинет е. и. в. переделанных червонных, и золотых, и серебряных медалей и жетонов состояло всего капитала на 1405990 рублей да долгов по Штатс-конторе – 352463 рубля, на Сибирском приказе – 9502 рубля, на Дворцовой канцелярии – 1171 рубль, на Сибирской губернии – 41745 рублей, итого 404882 рубля; наоборот, Монетная канцелярия была должна Главному комиссариату 200000 рублей. Весною 1752 года Сенат велел отпустить с денежных дворов в Штатс-контору до 300000 рублей; Монетная канцелярия отвечала, что на петербургском Монетном дворе в наличности 180473 рубля, а в Москве – только 7118 рублей, но и эти деньги подлежат в отпуск; сверх этих наличных монет в Москве в переделах серебра до 900 пуд, и передел производится с крайнею поспешностью, а в Петербурге ефимков до 242 пудов, только

вскорости переделать никак нельзя. Сенат приказал: наличные деньги все отпустить и потом отпускать по мере переделки серебра и ефимков, да отпустить деньги, которые в мае месяце должны заплатить питейные откупщики. В августе та же история: опять сенатским указом велено отпустить по требованию Штатс-конторы заимообразно с денежных дворов 300000 рублей; Монетная канцелярия представляет, что на петербургском Монетном дворе в наличности только 8313 рублей, а в Москве – 44560 рублей (в том числе русских червонных, которые в расход не употребляются, – 3422 рубля да медных денежек и полушек – 22410 рублей), а сверх тех наличных хотя в переделе серебра в Петербурге до 375 пудов, в Москве – 825 пудов, но этого серебра переделать в монеты скоро никак нельзя, да и по выходе из передела монет кроме других расходов по сенатским указам надобно в Камер-контору за ту же Штатс-контору заплатить 200000 рублей. Сенат приказал: наличные деньги и по выходе из передела 300000 рублей прежде всего отпускать в Штатс-контору, а потом уже 200000 в Камер-контору.

15 декабря 1752 года издан был всемилостивейший манифест о прощении доимок подушного сбора с 1724 по 1747 год, которых было 2534008 рублей, причем правительство объявило о благоприятном положении государства: «Империя так силою возросла, что лучшего времени своего состояния, какое доныне ни было, несравненно превосходит в умножившемся доходе государственном и народа, из кото-

рого состоит и комплектуется высокославная наша армия, ибо как в доходах, так и в упомянутом народе едва не пятая часть прежнее состояние превосходит».

Так объявляло правительство о материальном состоянии России. В нравственной жизни русского общества 1752 год замечателен изданием так давно ожидаемой Библии. 23 февраля императрица указала публиковать из Сената во всей империи, что начавшаяся исправлением при жизни Петра Великого Библия ныне совсем уже окончена и напечатана, которую продавать велено без переплету по пяти рублей, и чтоб всякий, зная о том, более пяти рублей не платил, чтоб перекупщикам пересечь путь к повышению цены, ибо книг печатается и вперед будет печататься довольное число. Через несколько дней в «Петербургских Ведомостях» читалось следующее объявление: «При канцелярии Св. Прав. Синода каждые недели в пяток пополудни продаваться будет напечатанная вновь Св. Писания Библия, которая начата по природно-благочестивейшему усердию при жизни вседражайшего ее импер. величества государя родителя и императора Петра Великого, сведением и исправлением с верными греческими книгами и ее импер. величеству от Св. Синода всеподданнейше поднесена, духовным и знатнейшим в Петербурге и находящимся в рангах военным и штатским и купечеству, всякому из них каждому купить желающему по пяти рублей книгу, токмо для всякого его самого по единой с имянною запискою, с объявлением (ежели б кто стал тре-

бовать более числом) того, что к последованию всем и всяких требующим удовольствия имеет в непродолжительном времени неоднократно печатанием издано быть оных книг немалое число, о чем сим объявляется».

Самое трудное для Синода дело окончилось; но у его членов по-прежнему происходили неудовольствия с обер-прокурором князем Шаховским. В марте 1752 года генерал-прокурор объявил в Сенате, что по определению последнего в Синод послано шесть человек юнкеров, но их в Синоде не принимают и они живут праздно. Представлен был рапорт синодального обер-прокурора с объяснением причин неприятия юнкеров; на предложение его, Шаховского, о принятии юнкеров два присутствующие синодальные члена объявили, что они без присутствия большого числа членов точной резолюции положить не могут, но в собраниях более двух членов очень редко бывает. Сенат положил иметь с Синодом конференцию, а юнкеров определить в другие места. Синод в это время занимал вопрос о законности некоторых браков. 20 сентября 1752 года Шаховской объявил Синоду выговор императрицы, для чего дело о браке поручика Пушкина до сих пор остается без решения. Императрица очень недовольна, что член Синода Стефан, архиепископ новгородский, письменными своими рассуждениями присуждает развод и что относительно таких браков, которые многие века бесспорно были позволяемы, теперь между членами Синода происходят споры (отчего многим немалые оскорбле-

ния и разорения приключиться могут). Ее величество повелела объявить, что если преосвященный Стефан не согласен с большинством членов, то пусть утверждает, приводя основания не от своего рассуждения, но из Св. Писания, из книг, принятых православною нашею церковию и вероятия достойных, и эти печатные книги представил бы самой ее величеству. 7 октября по поводу тех же дел происходил в Синоде следующий разговор: обер-прокурор, обратясь к Стефану новгородскому, предложил ему выслушать поданное мнение преосв. рязанского. «Я ездил ко двору ее импер. величества, – отвечал Стефан, – ездил во исполнение высочайшего повеления с приличными к тем делам книгами; но представить книги времени не улучил». *Шаховской*. Таким разбиением споров по книгам ее величество утруждать без крайней нужды не следует, разве тогда, когда не изобретете уже никакого способа к соглашению с прочими членами; а теперь бы поискать согласия, что ее величеству было бы гораздо угоднее, чем решать несогласия ваши по книгам. *Стефан*. Пока в силу высочайшего повеления не подам ее величеству книг, ни в какое рассуждение по этим делам не вступлю. Тут Шаховской обращается к протоколисту и велит записать это объявление в журнал. «Что это, зачем записывать! – закричал Стефан. – Члены не приказывают, а один оберпрокурор приказывает записать в журнал». «Я, – сказал Шаховской, – приказываю протоколисту исполнять не мои прихоти, но то, что он обязан делать по регламенту, и протоколист при та-

ком исполнении состоит не под вашим, а под ее величества повелением, а моя должность наблюдать, чтоб он был исправен». Стефан повторял, что протоколисту надобно записывать то, что члены приказывают, а ежели такое помешательство со стороны обер-прокурора происходить будет, то членам незачем и в канцелярию ездить.

Мы видели заботы Синода о том, чтоб духовенство не подвергалось насилиям от светских людей. В описываемое время случилось событие, которое потребовало всей строгости церковной и гражданской власти. В 1751 году в Серпуховском уезде надворный советник князь Иван Вяземский, встретив священника, идущего с дароносицею для приобщения больной крестьянки, бил его конскою плетью, велел бить и крестьянам своим; они, избивши его, притащили за волосы в село Вяземского Пушино, причем дароносицу оборвали, изломали и Агнец утратился; потом священника опять начали бить дворовые, и крестьяне, и сам Вяземский. Синод приговорил: Вяземского послать в вечное заточение в дальний монастырь, держать скованного, на хлебе и квасе, допускать в церковь на паперть только в праздничные и воскресные дни, причастить св. тайн только при смерти; крестьян его, бивших попа, наказать плетями нещадно; попа за то, что, будучи позван поутру, засиделся в гостях и пошел к больной только после вечерни и, имея при себе дароносицу, дерзнул в поле отбирать лошадь свою у крестьянина князя Вяземского и тем положил начало такой страшной продерзости, послать

на год в монастырские труды.

Из отдаленной Вятки пришла жалоба на самоуправство особого рода. Секунд-майор Бестужев, будучи в Вятской провинции при подушном сборе, представил, что архиерейский дом и монастыри неправильно завладели черносотенными государственными крестьянами; в свою очередь архимандрит Трифонова монастыря Потемкин и консисторский секретарь Головков донесли, что Бестужев долговременною недачею квитанций в приеме рекрута и лошадей вынудил взятку в 50 рублей. Наряжено было следствие. Между тем 29 июня, в праздник апостолов Петра и Павла, в день именин наследника престола, в Хлынове в соборе было архиерейское служение; дьякон Свирепов говорил проповедь и, обличая людей, не уважающих святыню и сан духовный, при словах: «Ты лежишь... а священник у ворот с крестом стоит» – указал рукою на Бестужева. После обедни на молебне при раздаче свеч, когда Бестужев вместе с другими подошел за свечою к епископу Антонию, тот не дал ему свечу в руки, а бросил, отвернувшись, и потом, обратись к нему и грозя пальцем, закричал: «Ты арлекин» – и при этом стал кривляться, передражнивая, как Бестужев ходит; потом велел было вывести его из церкви, но одумался, оставил, а велел принести ящик, куда кладутся штрафные деньги с разговаривающих в церкви, хотя Бестужев не говорил ни слова; наконец, велел взять у него трость.

Еще далее, в Tobольске, началось дело между митрополи-

том и бухарцами с татарами. В Сенат явились поверенные тобольских и тарских бухарцев и служилых и ясачных татар с жалобою: тобольский митрополит Сильвестр причиняет им несносные обиды: схвачены были татары и бухарцы, жены, и дети, и дворовые люди и отданы на митрополичий двор, там держали их в оковах, морили голодом и этим заставили многих креститься и малолетних, а митрополит вымучивает у них доношения, что они крестятся по своему желанию. Митрополит присылает в их юрты русских священников будто для увещания и принятия христианской веры; но эти священники, ездя по юртам на их лошадях и коште, только пьянствуют и требуют с них подарков, а если кто не даст, то по возвращении митрополиту напрасно наговаривают, будто бы они, татары и бухарцы, поносят веру христианскую и священников бранят; особенно живущие между ними новокрещены ложно доносят на них митрополиту в хуле на христианскую веру, и по этим доносам их берут в консисторию и без всякого следствия бьют смертельными побоями и этим заставляют подавать доношения о желании креститься, а доносчиков отпускают с наградами, отчего они, татары и бухарцы, пришли в крайнее разорение, не смеют для купечества и звериного промысла из домов своих отлучиться, чтоб без них митрополит жен и детей их не побрал и не принудил креститься.

Когда митрополиту дали знать об этой жалобе, то он отвечал, что все это неправда, и в свою очередь прислал спи-

сок обвинений: татары и бухарцы тайну св. крещения хулят, говорят: «Черт ли нам велит креститься и в веру такую идти!» Злохулительные на христианство письма на татарском, персидском и арабских языках носят на головах в шапках и на груди. Христианство идолопоклонством называют; новокрещеных ругают собаками и демонопоклонниками; склоняют их в свой закон; одного русского человека уговаривали принять магометанство, а других русских насильно питьем и едою оскверняют. Для волшебства носят лоскутки от саванов с мертвых тел, чтоб не чувствовать пытки; в юртах своих сводят христиан с магометанами на незаконное смешение. По разорении у них мечетей на основании указов 743 и 744 годов собираются молиться в юртах. Колют иконы и бросают их на землю; с христиан срывают кресты, бросают на пол, плюют и топчут. Барабинцев и не имущих никакого закона остяков, вогуличей, калмыков в свой закон целыми деревнями превратили.

На самом отдаленном краю Сибири шла истребительная расправа с туземцами, которые не хотели признавать русского господства. В феврале 1752 года ночью в Охоцке содержащиеся под караулом изменники-коряки возмутились, перебили часовых и засели в тюрьме. Охоцкий командир осадил тюрьму и сейчас же послал жителям приказ перевязать коряков, которые у них жили в работниках. На рассвете русские приступили к тюрьме и начали палить в нее из ружей и пушек; коряки сначала отстреливались из ружей; но потом,

видя, что не отстреляться, зажгли тюрьму и все погибли. Рабочие-коряки на другой день расспрашиваны и признались, что с тюремными коряками были в согласии и хотели хозяев своих в ту ночь побивать; а потом когда бы товарищи их вышли из тюрьмы, то они с ними убили бы командира и всех русских, острог выжгли, ушли в свою землицу и не были бы в русском подданстве. Русские решили казнить всех этих коряков смертию, потому что за караулом держать было нельзя: их было слишком много, а русских слишком мало.

На юго-западной, европейской уkraine – в Малороссии ждали гетмана Разумовского с его ментором Тепловым. 3 марта 1751 года с большою церемониею Разумовский принес присягу в своем новом звании и получил из рук императрицы булаву и другие гетманские знаки. Для отправления нового гетмана в Малороссию уже было нанято Сенатом 125 подвод, за которые заплачено по 3 рубля за каждую лошадь; но Разумовский потребовал, чтоб от Петербурга до Москвы и от Москвы до Малороссии на каждом почтовом стану было приготовлено для него по 200 подвод, и, когда гетманская супруга проедет, тогда с каждого стана две трети подвод распустить, а треть оставить для самого гетмана. Ее величество пожаловала Академии ассессора Теплова за его прилежание и труды в коллежские советники; но гетман малороссийский просил, чтоб ему дать одного Теплова для правления его домашних гетманских дел, и ее величество повелела Теплову быть при гетмане в Малороссии всегда в таком звании, в

каком гетман заблиаоусмотрит по его чину, и получать ему свое доволство от гетмана. Только в июне месяце Разумовский выехал из Москвы в Малороссию, и об этом отъезде дано было знать в «Петербургские Ведомости»: «Июня 18 числа его ясновельможность г. гетман обеих сторон Днепра и Войск Запорожских, президент Академии наук, подполковник лейб-гвардии Измайловского полка и кавалер граф Кирилла Григор. Разумовский в провожании всех знатнейших чинов и многого знатного дворянства отправился отсюда в путь благополучно, причем некоторые провожали его ясновельможность до первой станции – Пахры; а 21 числа его ясновельможность прибыл в Тулу и от знатнейших тамошнего города благополучным приездом поздравлен и богато трактван».

К 30 июня значительнейшие малороссияне съезжались в Глухов к приезду гетмана. Компанейские полки, запорожцы, депутация, архимандрит, протопоп и несколько священников, генеральный писарь Безбородко и десять бунчуковых товарищей, встретившие его на дороге, присоединились к свите. Когда поезд приблизился к Глухову, то генеральный есаул с бунчуковыми и запорожцы окружили гетмана; полки стояли в два ряда от Севских ворот до самого гетманского загородного двора, отдавая честь Разумовскому при звуках музыки и ружейной стрельбы, пока не началась пальба из пушек. У городских ворот гетман был встречен генеральною старшиною и генеральный есаул говорил речь; в церкви

св. Николая архимандрит окропил его святою водою и сказал речь. Из церкви отправились все в гетманский дом. Киевский архиерей также приехал в Глухов познакомиться с новым правителем Малороссии: посетил его поутру – не мог видеть, гетман еще опочивал; поехал вечером – не застал дома, гетман поехал прогуливаться. Жители Глухова видели, как преосвященный разъезжал, добиваясь понапрасну лицезреть сына Разумихи, великими заслугами достигшего столь важного сана.

По крайней мере стало весело: Глухов сделался маленьким Петербургом: в доме гетманском играли французские комедии, на которые приглашался знатный люд. Теплев играл важную роль: к нему знатные малороссияне считали обязанностью ехать поздравлять с рождением дочери. Ассесор Академии сближается с образованными малороссиянами, меняется с ними книжками.

А на юге в степи разгуливали большими шайками гайдамаки, не давая покоя пограничным польским владениям, «почти ежедневно водою и сухим путем чинили везде бесчисленнейшие насильства дерзостнейшим и бесчеловечнейшим образом». Но в то же время явилась попытка дать степи со стороны польской границы военное население другого рода, чем козаки, попытка, едва не нарушившая добрые отношения России к Австрии и поведшая к окончательному разрыву между канцлером Бестужевым и его братом графом Михаилом Петровичем.

Канцлер крепко держался на своем месте, пользовался полною доверенностию императрицы, по-прежнему неуклонно проводил свою систему осоюзивания европейских держав, чтоб связывать руки Пруссии и Франции, преимущественно первой. Но он постоянно страдал безденежьем и в октябре 1752 года обратился к императрице с следующею просьбою: «Всемиловитейшая государыня! Я такой тягости долгов подпал, что оной прибавить уже невозможно. Кредиту тем лишаюсь, никакого уже заимодавца, кто б меня ссудил, не нахожу и так что при наступающей поездке в Москву, как с места тронуться, не знаю. Все заложено, что с пристойностию заложить можно было. Но правда, ежели б я не канцлер толь великой и справедливо наибольшей в свете монархини был, то, может быть, имеющим от руки ж вашего величества иждивением мог бы несколько пробавиться, только себя не поправить. Доходы со всемиловитейше данных мне деревень и со окладным жалованьем не сочиняют полных 12000 рублей; из того уже само окажется, возможно ли мне было тягостных долгов избежать, когда я в тоже время так жить старался, как канцлеру всероссийской самодержицы долг и должность повелевают. Были мои излишества в строении, но были ж и такие великие издержки, кои я по должности сделал. Таковы суть московские поездки и разные великие торжества. Не знаю токмо, не можно ли, однако ж, и первых в число сих последних включить, ибо ежели б в первом, т.е. в строении здешнего, а паче ныне московско-

го дома, я мог несколько убавить, то таким же образом и в другом поступил бы, ежели б я паки не канцлер вашего императорского величества был. Вновь почти построив пожалованный мне здесь дом, а все в долг, за который в 50000 его на 10 лет тогда ж и заложил, не мог паки выкупить потом пожалованными сорокью тысячами рублей, так что и поныне в закладе остается, чему и половина сроку минула, ибо теми деньгами другие необходимые нужды исправить и мелкие немногие долги заплатить и тем свой кредит несколько поправить тогда старался. Внутреннего не всякий видит; но что сказали б послы, министры и другие иностранные обо мне, да не обо мне, но о канцлере вашего величества, когда б я, живши сходно с возложенною на меня милостию и рангом, под старость бедничал, когда другие, таких должностей и рангов не имеющие и о которых в свете разве по случаю говорено будет, от часу знатнее, огромное и великолепнее живут? Повторяю, может мне в излишество причтено быть строение так большого в Москве дома? Я сам то еще больше чувствую, ибо, зачав его весь в долг строить, до последней крайности и дошел. Но, всемилостивейшая государыня, клянусь Всеведущим, и то не для моего тщеславия или самолюбия. Много было бы сказать и для украшения города, однако ж то истина, что, скупя разные пустыри, искривившиеся хижины и мерзившие болота, все в проспекте императорского дома стоявшие, за нужно и должно я находил такое строение на том месте поставить, которое, стоя против и

подле императорских домов, не казалось бы близостию своею отнимать их великолепие; а для меня партикулярно при 60 годах старости и по тридцатитрехлетней верной и беспорочной и всегда честной службе оное и совсем ненадобно. Я не знаю, удастся ли мне в мой век в оном жить, ибо, не имея чем достроить, он теперь так и остановился; буде ж то для остающегося по мне сына, то прямо, хоть и горестно; скажу, что для него и конуры не построил бы. Сии обстоятельства, а паче всего поездка к Москве принуждает меня прибегнуть к изобилующему в щедротах престолу вашего величества со всеподданнейшим прошением, да соизволите пожаловать мне из субсидных денег заимообразно 50000 рублей на десять лет так, чтоб каждый год из моего жалованья по 5000 вычитается, а в случае пресечения моей жизни без взыскания с моих наследников оставлено было».

Ответа на просьбу не было, к радости врагов канцлера, удвоенной ссорою братьев, в которой они поспешили взять сторону графа Михайлы Петровича.

До сих пор союз с Австриею казался самым естественным по единству интересов; но теперь на горизонте появилось облако, которое могло предвещать бурю, указавши в отношениях России к Австрии такую сторону, которая напоминала отношения России к Польше и Турции и которая могла вести к сильным столкновениям.

12 января 1751 года дана была нота австрийскому послу графу Бернесу, в которой говорилось, что императри-

ца всероссийская твердо надеется получить от императрицы римской новый и приятный опыт ее неоцененной дружбы. Известно, каким утеснениям от римско-католического духовенства подвержены трансильванские жители, исповедующие греческую веру, как принуждают их к унии с римской церковью; не меньше известно, как великодушны чувства ее римско-императорского величества в рассуждении вольности в вере ее подданных и что всякие притеснения делаются против воли и указов ее величества, следовательно, надобно приписать эти гонения измене и несправедливой ревности некоторых лиц из римско-католического духовенства. Так как российская императрица вследствие единоверия с упомянутыми трансильванскими жителями не может не употребить всех способов, каких может надеяться от дружбы и правосудия императрицы римской, и не заступиться за безвинно утесненных людей, то русское министерство наиприлежнейше просит его превосходительство графа Бернеса да соблаговолит своими представлениями исходатайствовать у своего двора свободное отправление веры трансильванским жителям по древним их привилегиям. К Мих. Петр. Бестужеву-Рюмину послан был рескрипт, в котором предписывалось ему подать австрийскому министерству промеморию в том же духе: «Чтоб вы в сем деле то учинили, что пристойнее быть может в пользу единоверного нам народа». В ответ на это как доказательство терпимости прислан был из Вены в Петербург указ Марии-Терезии о построении православной

церкви в Триесте; но в указе прямо объявлялось, что эта мера необходима для распространения торговли, о которой так заботится императрица, что церковь назначается для греков.

22 мая Мих. Петр. Бестужев отправил своему двору следующее донесение: «В последних годах прошлого века, во время войны императора Леопольда с турками, по желанию и крайнему домогательству императора вышло из турецких областей в австрийские владения с православным патриархом Арсением Черноевичем с 60000 человек сербского народа, которому даны большие выгоды, подтвержденные всеми преемниками Леопольда, равно как и нынешнею императрицею. Эти сербы не только помогли Австрии освободить от турецкого ига многие венгерские и сербские города, но потом помогли привести в повиновение и самих венгерцев, когда те не раз бунтовали, и в последнюю войну сербы оказали императрице чрезвычайно важные заслуги. Но так как теперь венгерцы получили верх и при дворе больше всех других подданных имеют влияние, то они, отмщая сербам за указанные выше услуги правительству, сперва стали теснить их в делах веры с помощью своих духовных, а потом стали неусыпно стараться, во-1), чтоб императрица отдала их в ведение венгерского правления; во-2), чтоб те из них, у кого есть богатые имения, принуждены были выменять их на плохие казенные; в-3), чтоб военные поселенцы из сербов сделаны были венгерскими подданными. Во всех этих домогательствах венгерцы успели, и решено, что те сербы,

которые захотят остаться на прежних землях, должны стать венгерскими подданными; если же кто не захочет, то пусть едет в Сирмию, где уже и без того так много народа, что земли недостает и для прежних поселенцев. На это решение некоторые сербы отвечали, что они ни в прежних жилищах на новых условиях остаться, ни в Сирмию переселяться не могут, но просят вспомнить их верные услуги австрийскому дому и позволить вступить в службу русской императрицы. На эту просьбу последовало согласие, вследствие чего был у меня на днях полковник Иван Хорват с заявлением, что он и полковник Черноевич вместе с другими офицерами крайне желают по единоверию вступить в подданство вашего величества и просят как можно скорее этим высочайшим милосердием их призреть и приказать отвести им земли около Батурина или где-нибудь на Украине. Хорват уверяет, что наберет и исподволь приведет в Россию из одних православных целый гусарский полк в 1000 человек, которых всех полных мундиром и лошадьми снабдит и в дороге содержать будет на собственном иждивении, и за это просит одного – генерал-майорского чина и наследственного полковничества в этом полку; кроме того, Хорват обещает набрать и пехотный полк регулярных пандур в две тысячи, тоже из православных. Отдельно от Хорвата желают вступить в русскую службу очень искусные сербские офицеры капитан Гаврила Новакович, лейтенанты Петр Шевич, Георгий Новакович и другие. Так как мне довольно известно, как заботился Петр

Великий о том, чтоб из этих самых народов хотя несколько получить в свое подданство по их особенной храбрости, благочестию, сходству с нами и нелицемерной преданности к русскому народу, также потому, что они полезнее других могут быть в турецкую войну, потому что все тамошние места им известны и между турецкими подданными множество их единоземцев и свойственников; также, видя, что они теперь сами того желают не из корысти какой и притворства, но только из ревности к православной церкви и из благоговения к особе вашего величества, видя, что римская императрица решила отпустить их, — видя все это, я не мог отречься донести об этом вашему императорскому величеству и буду ожидать наставления, которое необходимо здесь получить не позднее 22 июля, ибо к тому времени они совсем будут готовы и уже через третьи руки деревни и пожитки продавать начали, и если к означенному времени желанное ими решение не успеет, то опасно, чтобы сербы из крайнего отчаяния не передались туркам, которые ни малейшего принуждения в веру не делают».

11 июля императрица подписала Бестужеву рескрипт, в котором говорилось: «Когда дело до того дошло, что венский двор самопроизвольно лишает себя храброго сербского войска, то нам следует прилежно стараться, чтоб его себе приобрести; да и для самого венского двора несравненно лучше видеть это войско в службе своей вернейшей союзницы, чем заставить их уйти в турецкую сторону. Повелеваем вам

с тамошним министерством таким образом изъясниться, что мы, уведомясь, что ее величество императрица-королева отпускает сербов и приказала выдавать им паспорта, не могли подумать, чтоб она стала препятствовать некоторому усилению наших легких войск, ибо наши интересы так общи, что всякую выгоду для одной стороны можно считать равною для другой, и потому мы надеемся, что со стороны венского двора не будет запрещено сербам вступать в нашу службу, тем более что это войско, где б в случае нужды его употребить ни случилось, по одинаковости интересов всегда будет служить против общего неприятеля. Вы сами, довольно зная, сколько старания прилагал государь родитель наш для привлечения к себе этих народов, можете понять, каких попечений и какого искусства требуется от вас в этом случае, ибо главным образом надобно наблюдать и то, чтоб венскому двору как первому и натуральнейшему из наших союзников отнюдь не подать ни малейшего неудовольствия, ни малейшей причины к жалобам и подозрению».

Мария-Терезия охотно согласилась на отпуск сербов, и Хорват отправился в Россию, увел с собою до 300 человек, включая жен и детей; и после его ухода другие сербские офицеры беспрепятственно получали паспорта из Надворного военного совета, несмотря на то что карловский архиепископ Павел Ненадович просил императрицу удержать сербов и не опустошать его епархию. Бестужев заявлял свое мнение, что из сербов должна быть образована пограничная мили-

ция, какую именно они составляли в австрийских владениях, для чего надобно им отвести выгодные места и дать материалы на постройки, после чего как офицеры, так и солдаты должны уже промышлять себе мундир, лошадей и прочее от своего хозяйства. Но так как Петр Великий для грузинских выходцев не щадил ни деревень, ни чинов, ни пенсий, то и сербам по дальности пути, который они должны были пройти на свой счет, и прежнее свое имение продали за бесценок, и должны заводиться всем вновь, надобно за весь первый год выдать полное денежное жалованье, провиант и фураж сравнительно с другими гусарскими полками, что должно делаться также и в военное время, во время же мира сербский корпус не будет стоить ничего казне. В заключение Бестужев доносил, что самого ревностного помощника себе в сербском деле он имел в секретаре Чернове, от которого зависит успех и последующих переселений.

В октябре 1751 года сербы прибыли в Киев, откуда Хорват с несколькими выборными отправился в Петербург. Здесь они были приняты очень милостиво. Хорват получил генерал-майорский чин и 3000 рублей, находившиеся при нем майор, три капитана, два поручика, прапорщик, унтер-офицер, капрал и четверо рядовых гусар получили также 3000 рублей на раздел.

29 января 1752 года Сенат приказал артиллерии генерал-майору Глебову дать инструкцию следующего содержания: 1) пришедших ныне и впредь имеющих приходить в

подданство ее и. в-ства сербов и прочих тамошних народов селить в заднепровских местах, а именно, начав от устья реки Каварлыки прямою линиею до верховья реки Тура, с верховья Тура на устье Каменки, от устья Каменки на верховье Березовки, от верховья Березовки по вершине реки Амельника и по оной вниз до самого устья в Днепр, уступя от польской границы по 20 верст; на этих местах поселить не выше двух полков; одного гусарского генерал-майора Хорвата и другого пандурского по четыре тысячи человек каждый; если из тех народов неслужащие люди, как, например, крестьяне, выходить будут, то их меж полками не селить: для них отведены будут особливые удобные места. 2) Поселение полков называть Новой Сербией, куда никого, кроме сербов, селиться не допускать, а находящееся теперь в тех местах поселение выслать в прежние места, потому что поселение выведено самовольно, без указа, а строение продать сербам добровольною ценою. 3) Сделать по просьбе Хорвата, чтоб гусарская рота от роты имела расстояния по 8 верст, а пандурская – по 6, в степи же гусарская занимала бы 30 верст, а пандурская – 25. 4) Кроме того, по представлению же Хорвата определить количество земли для пропитания вдов и сирот. 5) Земли каждому отводить столько же, сколько определено ландмилиции и отставным русским людям, а именно: капитанам – по 100, поручикам – по 80, подпоручикам – по 70, прапорщикам – по 50, рядовым – от 30 до 20 четвертей на каждую семью и священникам и церковнослужи-

телям против того с некоторою прибавкою. 6) Духовенство и школы, если им потребны будут, сербам содержать на своем коште. 7) Построить земляную крепость, которую назвать крепостью св. Елисаветы, а для ее строения выслать до 2000 человек из малороссийских полков.

Хорват говорил, что хотя теперь с ним вышло и немного народа, то впоследствии число выходцев увеличится, если приложено будет старание к вызову; представлял, что прежде всего надобно исходатайствовать у венского двора позволение набрать в австрийских областях от 500 до 1000 человек; если же нельзя будет набирать публично, то хотя бы тайно. Вследствие этого представления Бестужеву послано было в 1752 году повеление представить Марии-Терезии «в наиболее дружественнейших терминах», нельзя ли позволить такой выбор. Бестужев сделал предложение, но писал, что плохая надежда на благоприятный ответ. Карловский архиепископ Ненадович, злобствуя на Россию за неудовлетворение его просьб относительно присылки церковных книг и учителей и видя, что на все представления русского правительства в пользу православных жителей Трансильвании не обращено в Вене никакого внимания, не только рассеивал в народе неблагоприятные слухи о России, но и всячески удерживал тех, которые хотели вступить в русскую службу. Несмотря на то, однако, явились в Вену депутаты от 2228 фамилий из уничтожаемых пограничных военных поселений с просьбою или выдать им паспорта в Россию, или оста-

вить их в прежнем положении. Узнавши об этом, архиепископ тотчас отправил в Вену своего экзарха домогаться, чтоб этих людей в Россию не отпускать, для чего экзарх снабжен был большими деньгами. Эти деньги и особенно то, что архиепископ совершенно пристал к венгерской партии, доставили ему полный успех. Депутатов повысили чинами, наградили деньгами и, давши им запечатанное определение, сказали, что могут быть довольны и потому пусть едут домой, а в чем состояло определение, об этом ни полслова. Бестужев из надежного источника узнал содержание определения: если они не хотят быть крестьянами, то из них положено учредить милицию в Банате; место, отводимое им, самое плохое, болотистое и бесплодное; в мирное время они должны будут платить еще подати кроме крестьянских, офицеры им будут назначены или венгерцы, или обращенные из православия в католицизм; если же кто пожелает в этом корпусе быть офицерами из прямых сербов, те должны присягнуть, что никогда не вступят в иностранную службу; а чтоб отнять у сербов охоту переселяться в Россию, засадили под арест знатного и заслуженного подполковника Прерадовича, подавшего просьбу об увольнении в Россию. Все это делается, писал Бестужев, по интригам венгерским, чтоб обратить сербов в рабство, сперва сделать крестьянами, потом униатами и наконец католиками. К арестованному Прерадовичу являлись австрийские офицеры с увещаниями, чтоб остался в австрийской службе, за что императрица не только пожалует

его в полковники, но и сделает генерал-инспектором всего славянского корпуса; в противном же случае у него с бесчестьем отнят будет чин. Но Прерадович отвечал, что он разжалования не заслужил и переменить свое намерение переселиться в Россию ни за что не отложит. Его выпустили наконец из-под ареста и дали паспорт в Россию, но взявши обязательство не ездить ни в Славонию, ни на границы около Баната из опасения, чтоб он не подговорил других переселиться в Россию.

Прошло несколько месяцев, и Бестужев не получал никакого ответа на свое представление. 29 мая он писал своему двору, что канцлер Улефельд, вполне преданный венгерцам, употребляет все старания, чтоб отклонить императрицу от благоприятного ответа. Между тем приехали в Вену из Киева выехавшие с Хорватом майор Николай Чорба, капитан Федор Чорба и поручик Миркович, которые подали просьбу Марии-Терезии об отпуске в Россию родственников их – отцов, родных братьев, племянников – числом около 70 семейств. Императрица, несмотря на сопротивление Улефельда, склонялась уже дать просимое увольнение, как вдруг из Петербурга от австрийского посланника Претлака пришло известие, что императрица Елисавета решила совсем оставить сербское дело. Об этом объявила Бестужеву сама Мария-Терезия в разговоре, сказала и о просьбе Чорбы с товарищами, причем прибавила: «Нам самим люди надобны». Когда Бестужев сказал ей, что так как он получил

подтвердительный указ стараться об отпуске сербов, следовательно, донесение Претлака неверно, то она удивилась и сказала: «Либо Претлак меня обманывает, либо у вас ему иначе сказывают» — и не объявила ни отказа, ни позволения. После этого немедленно было запрещено выдавать сербам паспорта в Россию и в пограничных местах в Польше и в Трансильвании расставлены форпосты; Чорбам и Мирковичу дано приказание, чтоб они в 8 дней выехали из австрийских владений, причем они названы фальшивыми вербовщиками и возмутителями. За отсутствием Улефельда Бестужев отправился для объяснений к вице-канцлеру графу Коллоредо, но получил от него одни пустые, уклончивые ответы. «Это происшествие, — писал Бестужев своему двору, — здесь всем известно; и все крайне удивляются такому презрительному поступку здешнего двора, рассуждая, что сохранение австрийского дома единственно зависит от вашего импер. величества. Когда здесь четыре и пять лет тому назад были прямые прусские шпионы, то и с ними вследствие трепета перед прусским королем вовсе не так поступлено: им только под рукою дали знать, что их комиссия здесь обнаружилась, и потому не угодно ли им поскорее выехать, а прямо их не выслали, тем менее арестовали. Не могу преми-нуть мое слабое мнение представить, не угодно ли будет барону Претлаку рекомендовать, чтоб с приезжими в австрийские земли русскими подданными поступали так, как в России поступают с австрийскими подданными, ибо ваше вели-

чество своих верноподданных защищать и охранять изволи-
те; притом требовать, чтоб указы о непропуске русских офи-
церов были отменены и чтоб родственники известных серб-
ских офицеров были непременно отпущены: впрочем же,
дать здешнему двору сильно почувствовать неудовольствие
вашего величества холодным приемом барона Претлака и
другими средствами, ибо здесь все того мнения, что если в
этом деле поступиться серьезно, то здешний двор все сделает
к удовольствию вашего величества, потому что дружба Рос-
сии ему необходима. Иначе будет очень прискорбно, что по-
печение Петра Великого об этих народах останется бесплод-
ным именно в ту минуту, когда можно было всего удобнее
получить плоды, будет очень прискорбно, что многие труды
останутся напрасными, чему виною будет известное обнаде-
живание, данное Претлаку, на которое здешний двор совер-
шенно полагается, тогда как мне повторительно посылают-
ся совершенно другие указы, что приводит меня здесь в на-
прасную ненависть и огорчение, ибо здешний двор думает,
что я настаиваю на сербском деле сам собою, а не по указам».

На это донесение своего брата канцлер Бестужев предста-
вил императрице следующие замечания: 1) вся смута про-
изошла от непонятого недоразумения: в рескриптах Бес-
тужеву-Рюмину не дано ему никакого повеления помогать-
ся о наборе от 500 до 1000 человек, а просто предписано
было просить, чтоб не препятствовали выходить сербам на
службу и на поселение в Россию, если они к тому охоту и

свободу иметь могут; так и в экстракте, данном здесь барону Претлаку, ничего более написано не было. Венскому двору, естественно, должны были показаться представления русского посла несогласными с донесениями барона Претлака, ибо один требует набора от 500 до 1000 человек, а другой пишет только о беспрепятственном выпуске тех, которые могут иметь охоту и свободу выселиться, чего больше здесь и не желалось. 2) Непонятно, с чего взял Претлак писать своему двору, что здесь готовы оставить сербское дело, ибо ему, кроме означенного экстракта, ничего более сообщено не было. 3) Дело непорядочное, что офицеры, находящиеся в здешней службе, без ведома русского правительства подали императрице Марии-Терезии челобитную о выпуске в Россию их свойственников; но еще беспорядочнее поведение графа Улефельда: гораздо приличнее было бы объявить дружеским образом нашему послу, что присутствие русских офицеров в Вене неприятно и по некоторым обстоятельствам терпимо быть не может. Ясно, что граф Улефельд в этом случае увлекся своею горячностью и пристрастием и безрассудною жестокостью подает повод другим из малого делать великое и из худого злое. Но за такие безделицы оба двора, естественно союзные, приводить в малейшую холодность есть дело людей если не злых, то по крайней мере слепых; это бы значило из-за рубля потерять сто рублей. Бесспорно, что венскому двору больше нужды в дружбе ее императ. величества и что польза этой дружбы на деле изведа-

на; но не меньше признаться надобно, что и России тесное соединение с австрийским домом необходимо, король прусский ничего больше не желает, как разделения этих дворов; французские в Константинополе внушения и интриги были бы тогда действительнейшими; саксонский двор уже давно измерил бы свои шаги по прусскому барабану, если б согласно не был подкрепляем двумя императорскими дворами, морские державы не противились бы так французской гордости, если б не полагались твердо на соединение обоих императорских дворов; Швеция не сидела бы так тихо, по меньшей мере не презирала бы она так возобновлением союза с королем прусским, как оказалось на нынешнем сейме; она теперь видит, что он, как прикованный медведь, со всею своею силою и наглостию ей бесполезен, следовательно, и соединение с ним только препятствует другим полезнейшим союзам.

Еще весною 1752 года Мих. Бестужев в письме к вице-канцлеру Воронцову жаловался на неприятности в Вене: «Я с октября месяца посещен был презестокою подагрою на обе ноги, так что два месяца не токмо с постели встать, ниже ворохнуться мог; оная подагра потом такую мне слабость в ногах причинила, что едва через избу пройти могу, с лестницы и на лестницу с великим трудом и чувствованием бродить могу. Таким приключением не что иное, яко печали, причиною суть, которых я от 1747 году даже до сего времени много имел; вашему сиятельству все то известно есть, и

здешнее мое пребывание много мне вреда и моему здоровью причинило, ибо ничто так человека не вредит, яко печали, а наипаче те люди наиболее чувствуют, которые верно и ревностно своим монархам служат, честно и беспорочно жизнь свою провождают».

В другом письме к тому же Воронцову Бестужев писал: «Ваше сиятельство, соизволите в милостивое рассуждение принять, что я человек престарелый: родился я в 1689 году, и тако 63 год мне идет: лета немалые, более должно назвать престарелые; прежняя моя живность вся пропала, сколько от лет, а вдвое того с печали; какие мне с 47 году противности и шиканы деланы были и какие мне здесь неучтивости и уничтожения во угождение известным персонам показаны были, не без труда есть все то описать».

Понятно, что Бестужев не мог долее оставаться в Вене, и канцлер постарался переместить туда из Дрездена приятеля своего Кейзерлинга. Мих. Бестужев был очень недоволен этим назначением и писал о Кейзерлинге Воронцову: «Он есть человек весьма ленивый и comodoный, как французы говорят: l'enfant gâté. Когда правительство курляндское было, а он был фаворитом герцога курляндского, а после того иные его протежируют, на то и надеется. И то некстати, что он, будучи польским подданным, при польском дворе министром российским такое долгое время был и два староства получил. C'est un exemple sans exemple, властно, якобы у нас людей в России не было, умалчивая о других его поступках...»

Уже выехавши из Вены в Дрезден, Бестужев писал Воронцову: «О сербском деле я ничего не слышу, и ежели с нашей стороны так останется и не восчувствуется венского двора странный и без всякого к нашему двору менажементу поступок, то не без стыда будет; да и, сверх того, сожалительно бы было, ежели бы с нашей стороны для получения такого храброго народа, а наипаче единовверного упущено было. Я опасен, чтоб посол наш в сербском деле не стал шильничать во угождение тамошнему двору, ибо оный двор весьма в сем деле амбарасирован... Венское министерство за сербское дело безмерно на меня злобилось и всякие на свете вымышления и коварства против меня чинить будут».

От 26 сентября Бестужев получил от своего двора следующий рескрипт: «Чем больше мы причину имеем благо-разумными поступками, верною и радетельною службою вашею как при всех случаях, так и в сербском деле всемило-стивейше быть довольными, тем меньше мы от вас скрыть можем то крайнее удивление, в которое привел нас сообщен-ный от римско-императорского посла барона Претлака про-токол конференции, бывшей между вами и вице-канцлером графом Коллоредо. Между прочими разговорами по случаю сербского дела неведомо с какой стати вы к нему отозвались, что „вы, несмотря на то что во время шести месяцев полу-чили от нас два повторительные указа, однако ж сие дело так оставили бы, ежели бы к вам и третий указ прислан не был; но что вы потому должны и у противной партии брата ваше-

го притворяться и себя не обнажать, толь наипаче, ибо весьма ясно усматривается, что оная партия нарочитым образом поверхность над ним приобретает, потому что он имевшим у нас толь великим кредитом более не пользуется“. Мы по известному нам здравому рассуждению вашему и довольно-му искусству как в министерских делах, так и в прочих светского обхождения благопристойных поведениях, хотя никак представить себе не можем, чтоб вы столько себя позабыть могли, что говорили вышеозначенные нерассудные и не токмо в министеральной конференции, но и в партикулярных разговорах отнюдь не пристойные слова о притворстве вашем в таком деле, о котором вы же сами в рассуждение обращающейся в том для здешних интересов немалой пользы первое предложение нам учинили; а паче того, о противной партии, о которой по самодержавству нашему без крайней и жесточайшему наказанию подлежащей дерзости ниже помыслить, а еще того меньше министру нашему при чужестранном дворе в формальной конференции говорить возможно; однако по важности сего как высочайшей чести нашей, так и достоинства возложенного на вас посольского характера касающегося обстоятельства повелеваем вам, чтоб вы немедленно чрез сего к вам нарочно отправленного курьера прислали сюда точное и пространное изъяснение, подлинно ли, к какой стати и по какому поводу вы таким страшным и вовсе не понятным образом к графу Коллоредо отзывались. Барон Претлак вручил министерству нашему еще

другую промеморию, в которой он приносит жалобу как на бывшего при вас монаха Михайлу Вани, так и на вас: на первого в том, будто он, будучи от архимандрита своего послан в Вену с монастырскими деньгами, оные промотал и, несмотря на повторенное приказание карловицкого митрополита, в монастырь свой не возвратился, но остался у вас в доме под именем вашего духовника, и притом будто он и главным орудием был в подговоре с сербов не токмо к выходу в Россию, но и к бунту; а на вас жалуется оный посол в том, что вы такого честь забывшего и беспутного монаха приняли к себе в духовники, отказав принять представленных вам от митрополита в оный чин трех достойных священников».

Бестужев отвечал из Дрездена 25 октября, что все заключающееся в сообщенном от Претлака протоколе есть наглое вымышление: «Я таких нерассудительных и здравому рассуждению весьма противных разговоров никогда не имел; да и с какой стати мне о партиях упоминать, или чей кредит умаляется или умножается, ибо, сверх того, нимало мне о том неизвестно, понеже во все мое пребывание в Вене никто ко мне ни о чем не писал. Священник Михайла Вани почти два года службу божую у меня в доме отправлял: во все то время никто о нем ко мне не отзывался и ни от кого требован не был; но только за три или за четыре недели до моего из Вены отъезда вице-канцлер граф Коллоредо таким образом мне отозвался, что имеющийся при моей капелле старец именем Михайла Вани имел монастырские деньги, а

счету тем деньгам не отдавал, чтоб я его от себя отпустил, на что я ему отвечал, что я вскоре из Вены отъезжаю и что оный священник более мне непотребен, а впрочем, я у него осведомлюсь о таких монастырских деньгах, и, приехав домой, спрашивал у священника, имел ли он какие деньги для нужд монастырских, на что он мне отвечивал, что деньги у него монастырские были и что он их для нужд монастырских употребил и счет оным в монастырь послал, и мне счет тем деньгам подал, который, как мне помнится, секретарь посольства Чернев к графу Коллоредо отвозил. Будто от митрополита представлены мне были трое достойных священников, и это нагло вымышлено, ибо ни одного никогда мне не было представлено. Что же касается жизни этого гонимого священника, бывшего при мне, то я должен отдать ему справедливость, что он человек честный, трезвый и самой доброй христианской жизни, а все гонение на него поднялось за сербское дело, из подозрения, что он, пользуясь доверием сербов, научал их к выходу в Россию».

Преемник Бестужева в Вене граф Кейзерлинг поспешил донести императрице, что он начал действовать умеренно, остерегаясь нарушить дружбу между двумя дворами, и что умеренность ведет к большому успеху дела; что граф Улефельд на его дружественные представления отвечает так же дружески; он объяснял, что между сербами распространилось странное мнение, будто они вольный народ, могут идти куда хотят, вследствие чего явилось послушание император-

ским указам; зло сделалось так велико, что для воспрепятствования ему стать всеобщим были принуждены употребить сильные средства. Арестованные офицеры были освобождены, и позволено им по окончании своих дел ехать в Россию. Так было поступлено с людьми, которые уже прежде вступили в русскую службу; но Кейзерлинг просил наставления, как ему действовать относительно тех сербов, которые вновь просились в русскую службу без позволения и ведома австрийского правительства. «Я знаю, — писал он, — что для укомплектования русских гусарских полков люди надобны и что в прежние времена такой набор иногда позволялся по дружбе между обоими дворами, но теперь вследствие потери людей в последнюю войну здешний двор старается больше всего увеличить народонаселение и привести в порядок финансы, и потому ему нелегко отпускать подданных, особенно в большом числе». Кейзерлинг получил от австрийского министерства записку, в которой говорилось, что всему пограничному народонаселению было предоставлено на волю избирать военную или гражданскую службу и, чтоб дело пришло к успешнейшему окончанию, многим из сербов, особенно Хорвату, оказаны большие милости. Он сначала очень содействовал новым распоряжениям и на одного из сербов, Севича, доносил многие тяжкие преступления; но как скоро он получил милости от правительства, а с другой стороны, увидел, что ему не удалось погубить Севича, то немедленно переменил образ действия и старался возмутить пограничную

милицию против нового порядка, а чтоб сделать это с меньшей опасностью, то прибег в покровительство к русскому послу графу Бестужеву-Рюмину; к тому же послу обратился и монах Михаил Вани, только по другому побуждению, а именно потому, что не мог отдать отчета своему монастырю в издержанных суммах. Эти два недостойных человека были причиною всех воспоследовавших потом замешательств, потому что для прикрытия собственного стыда указывали на многие непристойные дела, и особенно старались обнести митрополита. Без всякого сомнения, императрица-королева имела право отказать Хорвату в просьбе о вступлении в русское подданство и поступить с ним так, как он заслуживал; нельзя требовать, чтоб подданный отрекся от присяги своей природной государыне и других приводил на то же; единственно из уважения к русской императрице позволено было Хорвату и многим другим вступить в русскую службу. Ее величество тогда никак не могла думать, чтоб от такой великодушной щедрости могло произойти такое соблазнительное злоупотребление. Прежде всего паспорта были распространены на несколько сот, почти на тысячу человек. Возможно ли было бы подобное дело в каком-нибудь другом государстве? Но императрица-королева допустила и такое злоупотребление в надежде, что этим все кончится. Надежда была обманута. Хорват прислал сюда назад троих офицеров, которые с ним уехали, и эти офицеры думали, что, пользуясь покровительством русской императрицы, они могут и в чу-

жих землях делать все, что захотят. В такой многочисленной нации, какова иллирийская, не может быть недостатка в раздорах, и легко понять, что нельзя всех удовлетворить, ибо, чем с одной стороны производится удовольствие, тем самым с другой стороны возбуждается злоба. Если б некоторым иностранным министрам или офицерам позволено было эту злобу питать, тех, кто ее питает, в ней укреплять и куда-нибудь в другое место их переманивать, следовательно, склонять к нарушению подданнической верности прежней природной государыне, то каким образом внутренняя тишина государств и узел человеческого общества могут быть сохранены? Но трое эмиссаров Хорвата не удовлетвоались одною такою подговоркою, они осмелились утруждать императора и императрицу, чтоб им эта подговорка была позволена; но долготерпение имеет конец. Недовольный или плохой сын правителя, убегающий от отеческой власти, подданный, не повинующийся указам своего государя, начальник, притесняющий подчиненных, и другие, когда дела происходили не по их желанию, считали возможным избежать неприятностей одним объявлением, что уедут в Россию. Можно было бы показать множество примеров этому. Зло можно было остановить только средствами, употребленными правительством императрицы-королевы. Но императрице должно было показаться очень странным, что, поверив ложным показаниям этих людей, граф Бестужев-Рюмин вступился за них так ревностно и жестоко. Императрица-королева илли-

рийскую нацию при ее привилегиях рачительнейше содержать будет; только эти самые привилегии обязывают и их, райцев, к оказыванию верноподданнических услуг. Каждому государю было бы чувствительно, если б некоторые из его подданных обращались к другому государю или его послу. Здесь райцы признаются хотя не за рабов, однако за подданных, которые обязаны ее величеству верностью, послушанием и службою. Императрица-королева вскоре по вступлении в свое тягостное правление усмотрела, сколько вреда нанесено безопасности ее областям тем, что многие жители их вступали в чужестранные гражданские и военные службы; поэтому много лет тому назад она издала на этот счет генеральное запрещение всем своим подданным, без различия исповедуемой ими религии. Неописанно вредные следствия произошли бы, если б райцы захотели быть исключенными из такого запрещения. В таком случае и другие государи, как, например, король прусский, прислали бы сюда целую толпу эмиссаров для вербования в свою службу своих протестантских единоверцев. Так как Чорба был уличен в подговоре подданных императрицы-королевы, то барону Претлаку поручено было помогать в Петербурге, чтобы впредь русские подданные, уличенные в подобном деле, подвергались бы такому же наказанию, какому подвергнут был бы австрийский подданный, если б дерзнул склонить хотя одного русского подданного к покинутию своего отечества; также исходатайствовать, чтоб запрещено было всем находящим-

ся в свите русского посла или министра поступать в противность естественным и народным правам.

Кейзерлинг повторял, что может только хвалить поведение венского двора в сербском деле; сама Мария-Терезия высказала ему желание вечного сохранения союза с Россией в таких искренних и естественных выражениях, что едва ли может быть какое-нибудь сомнение относительно соответствия ее слов чувствам. Поэтому и Кейзерлинг считал своею обязанностью отвращать все то, что могло бы иметь вредное влияние на счастливый союз, который так соответствует натуральным интересам России. Относительно сербского дела Кейзерлинг внушал своему двору, что по сравнении жалоб сербских офицеров с ответами австрийского правительства оказывается, что если, с одной стороны, австрийское правительство могло бы поступить лучше и приличнее, то, с другой стороны, и сами офицеры подали повод к таким с ними поступкам, которых при большой осторожности могли бы избежать, притом многие показания их неверны. 8 октября Кейзерлинг доносил, что по последним известиям из Венгрии задержанные офицеры готовы к выезду в Россию со всеми своими людьми, что надобно считать за совершенное окончание этого неприятного дела.

Между тем 6 октября в Петербурге барон Претлак имел окончательное объяснение с канцлером по поводу сербского дела, причем Бестужев очень ловко воспользовался непоследовательностью венского двора, который сначала позво-

лил сербам выселяться в Россию, а потом вдруг принял строгие против этого меры и стал толковать о том, что сербы – его подданные и не могут оставлять службу своей природной государыни. Претлак начал разговор словами, что австрийское правительство должно было опровергнуть принятое в России мнение, будто сербы – народ вольный и могут переселяться куда хотят. Канцлер отвечал, что такого мнения в России никогда не имели, хотя к принятию его и могли способствовать полученные из Вены известия, что даются паспорта к выезду всем, кто только их ни потребует. Вот почему так неприятно поразило другое известие, что вдруг последовало запрещение сербам выезжать в Россию; это известие поразило тем более, что в то же время получено было другое известие, будто многие сербы, не имея возможности уходить в Россию, бегут в Турцию. Здесь думали, что для венского двора выгоднее, чтоб эти люди уходили в Россию, а не в Турцию, и что по тесному и естественному союзу между двумя дворами почти все равно, здесь ли количество легких войск несколько увеличится этими выходцами или останутся они в австрийских владениях. Посол признался, что действительно даны были паспорта, только поименно, а не вообще, и то преимущественно потому, что хотели сжить с рук беспокойных людей: частые венгерские бунты научили осторожности. Но Претлак уверял, что ни один серб не вышел из австрийских владений в Турцию, напротив, множество народа желает перейти к ним из турецкого подданства, только

они их не принимают, как желая избежать всяких распрей с Портою, так и не очень полагаясь на постоянство этих выходцев. Потом Претлак распространился о том, что сначала дело шло об отпуске в Россию от 500 до 1000 человек сербов; но теперь отпущено до 2000; задержанные офицеры все освобождены, Шевич ведет в Россию до 800 человек, задержанное в Вене семейство подполковника Прерадовича отпущено; надобно было ожидать благодарности за такие снисхождения его двора, а вместо того он получил пространную промеморию, наполненную жестокими и чувствительными для двора его выражениями; поэтому посол просил, нельзя ли взять эту промеморию назад, ибо она очень огорчит императрицу-королеву. Канцлер отвечал, что промемория написана соответственно той горячности и неумеренности, с какими было поступлено в Вене по сербскому делу; но так как теперь, по донесениям графа Кейзерлинга, поступки с австрийской стороны изменились и оказывается более дружеской угодливости, то дело будет оставлено и уже готова другая промемория, где будет выражена его двору надлежащая признательность.

Но сербское же дело повело к другой неприятной для Претлака и его двора промемории. Мы привели выше ответ графа Мих. Петр. Бестужева-Рюмина относительно слов его о противной его брату партии, сказанных будто в конференции с вице-канцлером графом Коллоредо. В Петербурге благодаря, как видно, друзьям Михайлы Бестужева, людям,

которым было приятно и выгодно поддерживать его против родного брата, – в Петербурге успокоились на полном отречении Бестужева от этих слов, и Претлаку вручена была промемория, в которой говорилось: «Сколь приятно было ее императорскому величеству по основательному ее величества чаянию из оправдания своего посла усмотреть его невинность, к толь вящшему служит ее императорскому величеству неудовольствию, что граф Коллоредо старался добрые сентименты и беспорочный поступок г. обер-гофмаршала такими к предосуждению возложенного на него характера и собственной его персоны касающимися затеями опорочить и притом и высочайшее ее императорского величества достоинство оскорбить тем, что в рассуждении беспрельной ее самодержавной власти и мудрого государствования, и одна только идея о партии в здешней империи места никакого иметь не может. Подлинно состояние министра, особливо при союзном дворе, весьма худое было бы, если бы вольно было затевать на него по собственным видам предосудительные дела, о коих он никогда и не думал».

Как бы то ни было, тесный союз между Россиею и Австриею не был нарушен, и к этому союзу по прусским отношениям непременно хотели присоединить Саксонию. Находясь еще в Дрездене, в 1751 году Кейзерлинг должен был склонять саксонское правительство присоединиться к оборонительному союзу, заключенному между Россиею и Австриею в 1746 году. Кейзерлинг доносил своему двору, что

дело встретило препятствия при обсуждении своем в тайной коллегии королевского совета. Здесь некоторые члены выразили страх перед прусским королем, как будто бы находились под его ногами; они припоминали угрозы Фридриха II, что он в известном случае примется не за Россию, а за ближайшую к нему ее союзницу – Саксонию; они представляли, что для защиты от такого быстрого нападения силы Саксонии недостаточны, а помощь союзников очень отдалена и, прежде чем она явится, страна уже будет разорена. Узнавши о выражении таких мнений в коллегии, Кейзерлинг спросил графа Брюля: хотят ли в Саксонии принять в основание политической системы соседство короля прусского, его превосходные силы и его угрозы? Если они так боязливы, если хотят размерять свое строение только по прусскому масштабу, то сами показывают свою покорность, и если б прусский король узнал, какой ужас он здесь внушает, то гордость его, разумеется, усилилась бы еще более. Надобно решить вопрос, благо и интерес Саксонии достаточно ли могут быть обеспечены тем, что она не будет находиться ни в каких обязательствах с императорскими дворами и морскими державами. Кто обеспечит Саксонию от дальнейших притеснений, если она останется без надежды на какую-нибудь помощь? Если они думают обеспечить себя обязательствами с Франциею и Пруссиею, то опыт научил уже их, как можно полагаться на эти державы: во время прошлой войны, когда они соединились с Пруссиею и Франциею против Австрии,

король прусский заключил мир, а саксонские войска должны были заботиться сами о себе. Что касается невозможности для Саксонии получить скорую помощь от союзников, то не надобно забывать, что теперь дворы соединены гораздо теснее, чем были прежде; не должно забывать также, что если Саксония лежит как будто под ногами прусского короля, то и Пруссия находится в таком же положении относительно обоих императорских дворов. Саксонский дом связан с французским, саксонская принцесса замужем за дофином, выставляют, что Саксония может надеяться на ее помощь; но может случиться, что дофин умрет прежде короля; да если он и вступит на престол, то может стать, как и прежде бывало, что какой-нибудь кардинал или другой фаворит станет управлять делами или другая госпожа Помпадур сыщется, которая овладеет и сердцем королевским, и правлением. В истории нет примера, чтоб какая-нибудь королева французская имела влияние на тамошнее правление, и зависть нации всегда находила способ не допускать королев до участия в государственных делах. Кроме того, остается вопрос: будет ли тогда Пруссия иметь уважение к французским представлениям в пользу Саксонии? Брюль отвечал, что он теперь и сам видит, что лучше было бы не отдавать дела в тайную коллегия; он хотел этим себя прикрыть, чтоб не могли жаловаться, будто он в таком важном, до блага всей земли касающемся деле никого не допустил до участия и все один сделал, и если б случилось что-нибудь неприятное, то члены совета

и стали бы говорить, что они все это предвидели и напоминали и надобно было бы поступать по их совету. Кейзерлинг заметил на это, что тот, кто принимает нынешнее состояние дел за основание своих решений, исполняет требования разума, а если смотреть на случайности будущих событий, то никто себе дома не построил бы, ибо может случиться, что он сгорит, никто не стал бы жить в доме из страха, что он может обрушиться.

В 1752 году Кейзерлинга, назначенного в Вену, сменил в Дрездене Гросс, который в начале мая прислал своему двору любопытное донесение. Саксонский посол в Париже граф Лос дал знать своему правительству о желании французского короля, чтоб один из меньших сыновей Августа III получил по смерти отца польскую корону. В Дрездене приписали это желание внушениям прусского короля, которому было бы выгодно, если б в Польше был король, слабый собственными средствами, который бы потому зависел совершенно от Пруссии и Франции или по меньшей мере, не имея собственных владений, не мог бы быть полезен России. Наследная принцесса саксонская, державшая мужа совершенно в своих руках, была сильно раздражена донесением Лоса, ибо всеми силами старалась доставить и польскую корону своему мужу. С этих пор она усугубила свои ласки Гроссу и министрам дворов, союзных с Россиею, объявляя, что совершенно полагается в достижении своих целей на помощь России и ее союзников, ибо если курфюрст саксонский не бу-

дет вместе и королем польским, то Саксония не будет в состоянии ни в чем помогать России, которая чрез то лишится значительной доли своего влияния в европейских, особенно в немецких, делах. Гросс узнал о намерении графа Брюля и некоторых польских магнатов доставить наследному принцу и наследство польского престола при жизни королевской, внушая полякам, что в случае кончины королевской этим средством они могут избежать войны и обычного разорения своих имений. Но так как король по конституции не может думать при своей жизни о наследнике и надобно, чтоб сама республика предложила об этом королю, то решили хлопотать об уничтожении *liberum veto*. Польский вице-канцлер уже обратился с этим к Гроссу, внушая, что иначе никакого порядка в Польше не будет. Требуя от своего двора инструкций по этому важному делу, Гросс писал: «По моему мнению, цель не может быть достигнута без конфедерации, а на всякую конфедерацию в Польше можно смотреть как на междоусобную войну, в которой соседние державы рано или поздно принуждены будут принять участие, и нет сомнения, что король прусский примет это участие с большею охотою, чтоб под видом защиты польской вольности достигнуть своих старых намерений относительно польской Пруссии и Померании».

В июне Гросс опять писал о том же деле, опять требуя инструкций: «Хотя граф Лос доносил о желании французского министерства, чтоб в польские короли избран был один из

младших сыновей Августа III, однако после этого здешнее министерство получило известие, что назначенному сюда новому французскому послу графу Брольи предписано составить в Польше партию в пользу герцога пармского инфанта дон Филиппа; с другой стороны, король прусский злобно внушал Франции, будто венский двор вместе с вашим импер. величеством намерен возвести на польский престол принца Карла Лотарингского. Я узнал об этом отчасти от самого графа Брюля, отчасти от австрийского посла графа Штернберга; и так как эти обстоятельства могут побуждать благонамеренных польских магнатов тем скорее подумать о таких мерах, которыми можно было бы предупредить замешательства в их отечестве, и потому обратиться ко мне для узнания намерений вашего величества, то я считаю необходимым возобновить просьбу о наставлении, как отвечать польским магнатам. Между тем в глубочайшем секрете я уведомлен, что польские вельможи для предотвращения интриг, разорения страны и частных имуществ не знают другого средства, кроме избежания междуцарствия предварительным избранием преемника королю в особе наследного принца саксонского. Для достижения этой цели необходима чрезвычайная осторожность, чтоб отнюдь прежде времени ничто не разгласилось, ибо в противном случае этому намерению будут препятствовать Франция и особенно Пруссия, которая ждет случая в мутной воде рыбу ловить и часть польских владений себе присвоить. Вот почему на будущем сейме еще ниче-

го об этом открыто не будет; только воспользуются королевским пребыванием в Польше, чтоб согласиться относительно способов, которыми надеются безопасно без конфедерации и без повреждения вольного голоса (*liberum veto*) получить желаемое. Я знаю, что король английский совершенно согласен содействовать этому намерению».

Известие, что двое младших сыновей короля, Ксаверий и Карл, отправляются в Польшу, сильно опечалило наследную принцессу; она боялась, чтоб тот или другой принц не приобрел любовь поляков в предосуждение ее мужу. Она объявила Гроссу, что надеется приобрести расположение поляков, если только ее мужу и ей позволено будет следовать за королем в Польшу. «Вы мне окажете большую услугу, – сказала она Гроссу, – если по приезде своем в Варшаву склоните князей Чарторыйских внушить графу Брюлю о необходимости приезда в Польшу наследного принца, ибо без такого требования князей Чарторыйских первый министр сам никогда не предложит об этом королю». Ту же просьбу повторила она и в другой раз, прибавив: «Я этого особенно потому желаю, что наследный принц большей части поляков знаком только с худой стороны, т.е. со стороны слабости ног; его присутствие в Польше сообщило бы им другие понятия о нем, они увидали бы в нем достаточный ум, доброе сердце, ласковость и совершенное знания польского языка, которого нынешний король совсем не имеет». Гросс спросил принцессу, позволит ли она ему испросить высочайшее со-

изволение на обращение его к князьям Чарторыйским; она отвечала, что премного ее этим обяжет, ибо она без согласия императрицы ни одного шага не сделает.

В августе Гросс переехал из Дрездена в Варшаву; здесь он нашел большую перемену: в мае 1751 года умер великий гетман коронный Иосиф Потоцкий и на его место назначен был Ян Браницкий, который хотя и был связан родством с *фамилиею* , как тогда называли Чарторыйских, однако был ревностный консерватор, стоял за установленные формы Речи Посполитой, тогда как Чарторыйские имели постоянно в виду перемены, необходимые, в их глазах, для поддержания Польши. Гросс стал часто видеться с примасом, краковским кастиеляном графом Понятовским, с воеводою русским князем Чарторыйским, с его братом канцлером литовским, также с канцлером коронным, и все они уверяли, что так как существенный интерес их отечества требует тесного согласия с Россиею, то они вполне преданы императрице. Но при этом князья Чарторыйские и граф Понятовский дали знать, что все смотрят на них как на русских партизанов; и действительно, многими опытами засвидетельствовали они свою склонность к поспешествованию интересам императрицы; поэтому не может быть им не оскорбительно, что до сих пор нет никакой резолюции на их просьбы, чтоб императрица благоволила обнадеежить их своим покровительством и помощью в случае смут, которые легко могут произойти в вольном государстве, где короли прусский

и французский имеют своих партизанов, им, Чарторыйским, враждебных: они не хотят ни денег, ни пенсий, хотят одного: чтоб императрица к которому-нибудь из князей Чарторыйских прислала письмо, где было бы изображено, что, узнав о добром и постоянном наблюдении ими истинного интереса своего отечества, столь тесно связанного с русским интересом, императрица заблагорассудила высказать им за это свое удовольствие и притом обнадежить, что они могут вполне положиться на ее благосклонность и покровительство. «Мне кажется, – писал Гросс, – что так как король прусский своих партизанов часто своими ласковыми письмами удостоивает, а Франция к ласкам и деньги присоединяет, то не вижу, для чего бы им отказать в их просьбе; ваше величество еще сильнее привязали бы их к себе, если бы канцлеру литовскому пожаловали орден св. Андрея, а канцлеру коронному – пенсию в несколько тысяч рублей, потому что он по причине многочисленного семейства не богат. Я думаю, что подобными ласками полезно сохранить партию, чтоб по кончине короля не нужно было, как по кончине отца его, создавать новую партию с убытком многих миллионов. Все поименованные вельможи говорили мне о необходимости принять меры для предупреждения замешательств по смерти королевской; но я вижу, что относительно этих мер они сами еще между собою не согласились, только являются склонными к избранию наследного принца саксонского; но, чтоб его выбрать при жизни королевской, как о том слышал я от графа Брюля

и других, о том до сих пор никто и рта не отворял».

Упомянутые вельможи были нужны и относительно собственно русских интересов. Коронный канцлер и подканцлер вместе с литовским канцлером согласились писать каждый порознь к униатскому полоцкому митрополиту в самых сильных выражениях, чтоб возвратил церкви, отнятые у православных в Кржичевском уезде; в случае сопротивления митрополита обещались уговорить старосту кржичевского, чтоб он военною рукою способствовал возвращению церкви по примеру канцлера литовского, который таким же образом велел поступить в своем старостве. Относительно возвращения беглых польское министерство не оказывало склонности, боясь раздражить мелкое шляхетство, на землях которого беглые преимущественно жили. По мнению Гросса, не оставалось другого средства, как позволить частным людям самим вооруженною рукою отыскивать своих беглецов по примеру короля прусского, который употребляет то же средство на силезских границах. Вельможи уверяли, что если сейм состоится, то признают императорский титул русской государыни, что же касается до курляндского вопроса, то представляли, что плохо будет, если по смерти королевской Курляндия останется в настоящей анархии, особенно указывали на опасность от прусского соседства. Граф Брюль говорил, что если императрица не намерена восстановить герцога Бирона, то по крайней мере изволила бы конфидентно дать знать об этом польскому двору и

согласиться с ним насчет избрания другого герцога. Гросс отвечал по-прежнему, что, когда обстоятельства потребуют и русский интерес позволит, императрица сама собою пристойную резолюцию принять не оставит. «Предвижу, – писал Гросс, – что на сейме будет немало шуму о Бироне, тем более что французско-прусская партия внушала на сеймиках, что идут переговоры об оборонительном союзе между Россиею и Польшею, почему в разных местах и внесено в инструкции депутатам не допускать такого трактата. Потоцкие уже поговаривают, что не желают, чтоб сейм состоялся. Пользуясь завистью к Чарторыйским нового коронного гетмана Браницкого, Потоцкие постарались привлечь его к своим видам, и так как в случае замешательств он человек очень нужный и со стороны Франции и Пруссии ему уже сделаны выгодные предложения, то ваше величество можете его при прежних добрых намерениях удержать для общей пользы, если благоволите пожаловать ему какой-нибудь знак вашей милости, например наградить его жену портретом, так как жена покойного гетмана Потоцкого имела портрет».

Из Варшавы Гросс поехал гостить в Волчим, имение литовского канцлера князя Чарторыйского. Хозяин рассказал ему, что дело об избрании наследника при жизни королевской замыслено саксонскими министрами и чрез тайного советника посольства Саула и графа Флеминга внушено польскому министерству и особенно ему, канцлеру литовскому; он, поговорив с братом, воеводою русским и корон-

ным канцлером Малаховским, признали, что действительно наследный принц саксонский есть лучший кандидат для Польши; но прежде всего надобно, чтоб король и граф Брюль им о том сказали и чтоб король как в раздаче вакантных мест, так и в других мерах твердо следовал их советам, чтоб в воеводствах могло быть все мало-помалу приготовлено, а король старался бы между тем привлечь к тем же видам и русскую императрицу и чтоб они наперед были уверены, что в случае нужды не будут оставлены Россиею.

Из Волчима Гросс ездил в Белосток, имение гетмана Браницкого, и оттуда отправился в Гродно, где должен был происходить сейм. В Гродне он получил из Петербурга рескрипт, поставивший его в очень затруднительное положение. «К крайнему удивлению уведомились мы, – говорилось в рескрипте, – что шляхетство курляндское на своем сеймике большинством голосов определило посылаемому на сейм депутату дать инструкции, чтоб он просил короля о доставлении свободы герцогу Бирону. Обер-раты в этом деле умеренно и осторожно поступили, но особенно хлопотали маршал земских депутатов Гейкинг, некто Модем из Тительминда да Драхенфельс, который имеет в аренде наш секвестрованный амт Вальгоф. Вы можете легко рассудить, в какое удивление привело нас это нечаянное и нашему намерению совсем противное происшествие, тем более что до сих пор большая часть тамошнего шляхетства не только не желала освобождения Биронова, но и домогательствам о том про-

тивной стороны, т.е. обер-ратской партии, сопротивляясь, никогда не допускала произведения их в действо. И так как мы по нашим интересам никак не можем спокойно смотреть на порученное теперь курляндскому депутату домогательство об освобождении бывшего герцога, напротив того, как прежде, так и теперь желаем, чтоб курляндские дела оставались в том же положении, в каком они по сие время были, то прошение к королю о Бироновом освобождении допустить не надлежит; поэтому повелеваем вам употребить крайнее старание ваше и труды, чтоб курляндский депутат не прежде допущен был на аудиенцию пред короля, как по окончании сейма, точно так, как это случилось с таким же курляндским депутатом Корфом».

«Не без великого труда в том предупредить возможно, – отвечал Гросс, – потому что граф Брюль и большая часть поляков сильно интересуются освобождением герцога Бирона или по крайней мере получением какого-нибудь решения вашего величества. Граф Брюль в присутствии коронного канцлера и английского уполномоченного говорил мне в сильных выражениях, что подлинно король прусский возбуждает курляндцев, чтоб они вновь обратились к Польше с просьбою об освобождении своего герцога, и что если по-прежнему просьба их не получит удовлетворения, то, так как польское покровительство не приносит им никакой пользы, они могут выбрать в герцоги брата его, принца Генриха, причем могут быть обнадежены в сильной защите Пруссии. С

другой стороны, Франция и Пруссия внушают полякам, что король Август намерен сына своего принца Ксаверия назначить герцогом курляндским; внушения эти клонятся к тому, чтоб возбудить смуту в Польше и Курляндии, чем прусский король воспользуется». Но как скоро Гросс объявил канцлерам коронному и литовскому и графу Брюлю о желании императрицы, чтоб в курляндских делах не произошло никакой перемены и чтоб курляндский депутат Шёппинг прежде сейма не получил аудиенции у короля, то все трое без отговорки обещали свои услуги в этом деле. Канцлер Малаховский обещал, что речь Шёппинга будет написана в общих выражениях и будет сообщена Гроссу, что депутатская инструкция из канцлеровых рук не выйдет и насчет ответа на нее канцлер наперед условится с Гроссом. «Но если сейм состоится, — писал Гросс, — то предвижу, что опять будет предложение вашему величеству или об освобождении Бирона, или об окончательном решении курляндского дела, и предложение это, быть может, сделается чрез особое посольство, которое отправится с извещением о признании Польшей императорского титула русских государей. Как я слышу, граф Брюль хочет назначить в это посольство зятя своего надворного маршалка Мнишка. Обер-камергер граф Понятовский, с другой стороны, уже заявлял свое желание быть назначенным в это посольство, да бывший три года тому назад в России обер-маршал граф Огинский усиленно просил меня, чтоб по указу вашего величества требовать его назначения

в послы как знакомого человека, насчет которого ваше величество могли бы быть уверены, что он меньше всех будет настаивать на курляндском деле. Граф Мнишек будет больше всех домогаться окончательного решения курляндского дела; а Понятовского, который не богат и властолюбив, да Огинского легче ласками и подарками можно было бы усовестить».

Относительно поведения своего на сейме Гросс получил из Петербурга следующие наставления: держаться партии князей Чарторыйских, но наблюдать, чтоб эта партия не предпринимала ничего для нарушения вольности республики и ее уставов; князей Чарторыйских ласкать и их держать, но и других не бросать и не раздражать. Всеми силами не допускать уничтожения вольного голоса (*liberum veto*). Если сейм состоится, то домогаться, чтоб признание императорского титула русских государей внесено было в конституцию. Если будут затруднения относительно слова «всероссийская», то можно предложить, что императрица довольна будет и старым титулом: всея Великие и Малые и Белые России. Принять с министрами республики достаточные меры для прекращения обид греко-российским церквам, задержания беглых и других пограничных жалоб. Если польские вельможи станут отзываться о своем желании избежать замешательств после смерти королевской, то отвечать в общих выражениях, что они будут Россиею сильно защищены; что же касается тайного намерения польских вельмож со-

всем избежать междоусобия избранием наперед преемника в особе наследного принца саксонского, то это предприятие является делом невозможным, химерическим, ибо запрещено пактами, конвентами, и едва ли кто осмелится сделать подобное предложение на сейме.

Сейм не состоялся, по обычаю, и Гросс не мог добиться никакого решения ни относительно выдачи беглых, ни относительно возвращения православных церквей и позволения починять обветшавшие. Гросс предлагал своему двору, чтоб греко-русская церковь в Литве имела искусного генерального прокуратора, который защищал бы постоянно ее права во всех судах, а без этого можно опасаться, что эта церковь мало-помалу совсем исчезнет. «Одни представления министров вашего величества, – писал Гросс, – как бы ни были часты и сильны, желаемый покой вашим единоверцам доставить не могут, и теперь по разорвании сейма очень сомнительно, захотят ли министры вступить со мною в конференции».

Любопытны отношения русской политики в Польше к политике союзного двора английского и враждебного французского: английский посланник при польско-саксонском дворе Уильямс сблизился с Чарторыйскими и потакал их видам относительно преобразований; французский посланник граф Броуи, наоборот, хлопотал, чтоб все оставалось по-прежнему, и сблизился с гетманом Браницким; таким образом, Броуи действовал в видах русского кабинета, который

также прежде всего заботился о сохранении существующего порядка, т.е. беспорядка, в Польше. Что касается непосредственных сношений Англии с Россией, то король английский приступил к договору, заключенному между Россией и Австриею в 1746 году, причем Россия приняла даже секретную статью о защите ганноверских владений в том случае, если б они подверглись нападению за приступление Георга II к означенному договору. Русскому правительству в его финансовых затруднениях сильно хотелось, чтоб морские державы, Англия и Голландия, опять давали ей субсидию за содержание значительного корпуса войск на лифляндских границах для сдержания Пруссии. Но когда Чернышев начал говорить об этом герцогу Ньюкестлю, тот отвечал, что последняя война увеличила государственный долг Англии тридцатью миллионами фунтов и потому больших субсидий она выдавать теперь не в состоянии, тем более что решено выдавать субсидии саксонскому двору именно по представлениям русского же двора. Чернышев возражал, что императрица в требовании субсидий имеет в виду главным образом общую пользу, общее дело европейского равновесия, собственно же русский интерес находится на втором плане и только в связи с общим интересом субсидии послужили бы только к некоторому облегчению в содержании войска, находящегося постоянно в готовности выступить за границу и стоящего именно в местах, где все дороже, чем в остальных областях империи; было бы неестественно, чтоб сопряженные с этим

тягости падали на одну Россию. Не нужно говорить о том, что содержание такого корпуса необходимо для прекращения злых намерений относительно нарушения европейского равновесия; что же касается до увеличения государственного долга Великобритании, то это явление всего лучше доказывает необходимость принимать меры для предупреждения дорогостоящей войны; требуемые субсидии имеют характер обеспечения, и государства должны подражать умным купцам, которые для сбережения своего капитала, отправляемого на кораблях, застраховывают его, платя малый процент. Но эти представления не имели никакого успеха.

С юга, из Константинополя, приходили известия успокоительные. По смерти Адриана Неплюева в Константинополь поверенным в делах был отправлен воспитанник Кадетского корпуса секунд-майор Алексей Обрезков, переименованный в надворные советники; в докладе Иностранной коллегии об нем говорилось: «Сей майор Обрезков для того способным к тому признавается, что он уже был тамо при здешних резидентах Вишнякове и Неплюеве около десяти лет и в тамошних поведеньях довольноное знание имеет». В июле 1751 года Обрезков приехал в Константинополь и дал знать своему двору, что без дальних его претензий получил от Порты такие почести, каких не давалось ни одному человеку, бывшему в его характере, несмотря на внушения французского посла Дезальера, который представлял Порте, как Россия ею пренебрегает: прислала только поверенного в делах, и пусть

Порта не верит Обрезкову, что скоро приедет резидент, Россия никого не пришлет и Обрезкова не сделает резидентом по своей безмерной гордости.

В начале 1752 года Обрезков получил письмо от черногорского митрополита Саввы Петровича такого содержания: «После Прутского мира аги подгорические держат земли церковные, которые принадлежали нашему кафедральному монастырю Цетинскому, и земли прочих монастырей; аги говорят, что султан дал им эти земли в наказание черногорцам за их верность к русскому двору: за любовь господи Иисуса подвигнись на оборону нашу по обещанию великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, во всей вселенной православия надзирательницы, нашей милостивейшей патронки и защитницы, стань при дворе султанском и освободи церкви (церковные земли), потому что мы никоим образом без них не можем жить, и если мы уйдем с Черной Горы, то народ сильно пострадает, как овцы, не имеющие пастыря. И за церкви нашего монастыря Цетинского мы даем агам подгорическим по 20 золотых червонных. Если прикажете, то мы пришлем к вам родственника нашего с описями захваченных у нас церковных земель». «Преосвященный владыко! – отвечал Обрезков. – Из приятнейшего письма вашего с прискорбием я усмотрел ваши изнурения и, чем сильнее во мне желание оказать вам услугу, тем более соболезную, что по нынешним обстоятельствам ничего не могу сделать в вашу пользу, ибо изнурение вам делается в денежных

налогах, но всем и везде то же достается, и которые приезжали сюда для поправления дела, только наибольший вред себе получили, чему я многие примеры видел. Итак, по истинному усердию моему к вашему преосвященству и всем вашим однородцам советую удержаться от посылки сюда вашего родственника и с терпением стараться удовлетворять изнурителей, ибо что вы в вашем месте двадцатью червонными сделать можете, то здесь и двумястами не успеете. Я вас покорнейше прошу содержать настоящее дело в тайне, также и посылаемым от вас ко мне наказывать, чтоб никому не открывались: такая осторожность необходима для нашей переписки». Митрополичьего посланного Обрезков устно уверил, что он имеет повеление императрицы стараться об их пользе, только теперь надобно потерпеть и никого не присылать в Константинополь. «Это я сделал, – писал Обрезков, – чтоб их без ответа не оставить и отказом не огорчить, но сколько можно держать усердными к высочайшим вашего импер. величества интересам».

Греческое духовенство и особенно митрополит ираклийский несколько раз говорили Обрезкову, как бы полезно было учредить в России печатание греческих церковных книг, а теперь подали следующую записку: «Кроме оскорблений и нападок от неверных терпим всегдашнее гонение от папистов, которые называются единоверными христианами. Вселившаяся издавна в сердцах их ненависть против восточной церкви и поныне еще не миновалась, но возобновляется и

в цветущем состоянии пребывает. Так как у нас нет другого оружия, кроме книг отеческих и богослужебных, то они злобно испортили эти наши книги, введя в них свои правила, несообразные с нашим православным обрядом, ибо книги наши печатаются в их типографиях. Но мы, размыслив, что Бог еще не вовсе лишил нас благодати своей и облегчил наше иго богохранимую Российскою монархией, беспорочно в церковных обрядах, правиле и исповедании, дщерию восточной церкви, усердно просим принять труд донести все-российскому двору, дабы ее импер. величество соизволила повелеть в каком-либо месте своей империи установить печатание наших книг».

23 марта Обрезков имел конференцию с великим визи-рем. Последний объявил, что миролюбивые чувства султано-ва величества уже каждому известны; его величество ниче-го так не желает, как жить в доброй дружбе с императрицею всероссийскою; но к сожалению, усматривается, что меж-ду запорожскими козаками и татарами день ото дня распри умножаются и козаки татарам несносные наглости и обиды делают вопреки освященных договоров; султан сильно же-лает, чтоб изыскано было пристойное средство для прекра-щения этих распрей, и русский поверенный в делах пригла-шается к этому богоугодному делу. Обрезков отвечал, что императрица питает те же самые чувства, что и султан, а он, поверенный в делах, давно уже хлопочет о прекращении по-граничных столкновений, именно, еще в сентябре прошло-

го года подал блистательной Порте известие о смертоубийствах, пленениях и грабежах, производимых татарами у запорожских козаков; он ласкал себя надеждою, что обиженные получат удовлетворение; но вместо того ему сообщены татарские претензии, обсудить которые сам он не имеет никаких средств за дальностью мест, но думает, что лучшим средством будет, если визирь прикажет хану, снесшись с киевским генерал-губернатором, учредить комиссию для рассмотрения взаимных претензий и доставления удовлетворения, а чтоб впредь не было никаких столкновений, для этого необходимо с обеих сторон выдавать беглых, ибо тогда дурные люди могут удерживаться от преступлений, зная, что нигде не получат безопасного убежища. Визирь отвечал, что прежние беглецы, которых можно будет переловить, непременно выдадутся и впредь принимаемы не будут, и предложил с своей стороны еще средство: чтоб татары и козаки из границ в границы входили только через те речные переправы, которые назначатся с общего согласия обоих государств, застава турецкая будет против заставы русской, и никому нельзя будет перейти границу, не имея билета от офицера, находящегося на заставе. Обрезков возразил, что это средство не поведет к желаемой цели, потому что границы тянутся почти на триста часов пути; на этом расстоянии хотя и много рек, но они не могут служить ни малейшим препятствием татарам и козакам переходить границу, а между реками открытая степь, да и можно ли на таком расстоянии

поставить столько застав, чтобы можно было усмотреть, кто едет с билетом или без билета. Визирь сначала был сильно поражен этим замечанием: но потом начал утверждать, что не требуется расставлять всюду заставы, но в некоторых неминуемо проезжих местах купцам и другим добрым людям по тропинкам ездить и эти заставы миновать не для чего, а кто их минет, то этим самым покажет, что ездил для воровства и других шалостей: таких всех забирать под караул и отсылать к офицерам, и если их накажут, то прочие поудержатся; если же и после того козаки потерпят какой вред, то Порта обязывается отвечать. Обрезков счел минутой благоприятною добиться того, чего давно желало русское правительство, именно иметь постоянно в Крыму агента под именем консула или другим каким-либо. «Лучшее средство прекратить все распри есть следующее, – сказал он, – пусть безвыездно живет при крымском хане офицер от киевского генерал-губернатора с обязанностью защищать русских подданных, находящихся в Крыму; другой офицер будет жить в Сече для защиты татар от запорожских козаков; оба эти офицера, имея между собою переписку, старались бы прекращать все столкновения между татарами и козаками и, будучи на месте, легко могли бы исследовать истину и доставлять удовлетворение один у хана, другой у кошевого, и блистательная Порта избавилась бы от доук». Но тут визирь и особенно рейс-ефенди начали в свою очередь доказывать, что от присутствия русского офицера в Крыму будет мало

пользы, потому что все беспорядки происходят в степи и офицеры так же мало об них могут знать, как хан и киевский генерал-губернатор. Явно было, что Порта не прочь принять меры для прекращения столкновений между запорожцами и татарами: она поспешила отстранить столкновение с Россией по поводу Кабарды, предписавши хану немедленно вызвать оттуда своих сыновей. В Петербурге гораздо более тревожились тем положением, какое Турция могла принять относительно Персии, в которой продолжалась смута и которая должна была укрощать восстания афганцев, с одной стороны, грузин – с другой. В рескрипте Обрезкову в апреле 1752 года говорилось: «По персидским делам трудов и издержек жалеть вам не следует. В том не может быть никакого сомнения, что Порта по своим интересам и единоверию будет под рукою помогать афганцам и не допускать усиливаться грузинцев, которых она с греками не различает. Если мы сами в персидские дела не вступаемся, то не можем не посоветовать и Порте следовать нашему примеру; вы должны внушить турецким министрам, что Порта должна дать персиянам самим уладить свои дела, ибо от них по их слабости турецким границам никакой опасности быть не может. При этом вы не должны подавать вида, что это нас очень беспокоит, мы только советуем Порте, а приневоливать ее не хотим; повторите турецким министрам, что мы до сих пор грузинцам помощи не подаем, что этот народец не заслуживает внимания такой знатной державы, как Порта, досадо-

вать на них ей не за что. Эти ваши внушения должны вызвать со стороны турецких министров ответ, из которого можно будет что-нибудь извлечь относительно решения Порты».

Обрезков отвечал, что прежняя горячность, с какой хотели помогать афганцам, прохладилась и так как успехи грузинцев не так велики, то и с этой стороны подозрение уменьшилось; народ сильно ропщет, что единоверных афганцев оставляют без помощи, а грузинцам дают усиливаться, но султан, несмотря на то, из принятой системы не выступает. «Я, – писал Обрезков, – предложу Порте советы высочайшего двора, когда достаточную нужду увижу, а без достаточной нужды вместо пользы вред произойти может, ибо все, что ни будет предложено с нашей стороны, услышать неохотно; Порта не может себе представить, чтоб грузинцы не получали помощи от России, и мои внушения только утвердят ее в этом предположении».

В России боялись, чтоб Турция не приняла участия в делах персидских; со стороны же самой Персии были совершенно покойны. Заведенный при шахе Надире флот персидский, который так беспокоил дочь Петра Великого, теперь не существовал более. Осенью 1752 года канцлер доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 году из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные англичанином Элтоном. Елисавета велела повесить каждого одним чином и раздать им 3000 рублей.

Между тем движение православного народонаселения в Россию из австрийских областей не могло не отзываться и в областях турецких.

В октябре 1752 года отправлен был Обрезкову рескрипт следующего содержания: «Нынешним летом из Молдавии и пограничных с нею мест некоторые болгары, греки и волохи являлись к генерал-майору Хорвату для осведомления об устройстве нового поселения и о подлинности нашей высочайшей милости; одни остались, другие, осведомясь, возвратились для объявления своим соотечественникам. Между прочими приезжал из Молдавии шляхтич Замфиранович с обещанием, что скоро переселятся к нам из православных народов: болгар, греков и волохов – до тысячи семейств. Надлежало бы за такую ревность не только им не отказывать, но принять с милостию и награждением; только препятствием служит то, что когда волошский господарь станет жаловаться Порте на такой их своевольный переход и прием, то не стала бы Порта требовать их возвращения как перебежчиков в силу 8 параграфа мирного договора 1739 года, где именно условлено возвращать перебежчиков с обеих сторон. Потому вы должны осведомиться у надежных людей, каким бы способом могло быть исходатайствовано у Порты их увольнение; не имеют ли из тех народов некоторые таких привилегий, по которым можно было бы им вступать в чужестранную службу, следовательно, выезжать из отечества? Известно, что не только из волохов (которые, надобно думать, тур-

ками не завоеваны, но поддались добровольно и, может быть, на каких-нибудь условиях), но и многие греки в иностранной службе и для купечества в разных местах находятся и вовсе жить остаются с семействами; надобно знать, на каком основании это бывает. До сих пор еще не слышно было, что Порта за таких волохов и греков увязывалась и требовала их назад. По этому примеру можно надеяться, что Порта не станет удерживать и требовать назад и выходящих к нам как христиан, а не магометан; но прежде всего будем ожидать вашего разъяснения. Между тем этих выходцев принимать в наши границы не велено; строение крепостей в Новой Сербии нынешним летом начато не будет, сербы и другие народы по малому их выходу селятся только по границе с Польшею от Архангельского городка к реке Бугу, также по рекам Синюхе и Висе, где и прежде было малороссийское поселение; все это от турецкой границы отошло далеко, о чем вы можете повторить Порте в случае каких-нибудь отзывов».

Обрезков отвечал 1 декабря, что если Порта позволяет своим подданным ездить за промыслами в чужие земли и даже оставаться там, то это происходит вовсе не на основании каких-нибудь привилегий, а по обычаю и нерадению, тем более что таких и немного; и если бы ее подданные стали выходить в Россию без огласки и селиться не так близко к ее границам, то едва ли бы стала требовать их возвращения, особенно не желая выдавать магометан, от времени до времени перебегающих к ней из русских владений. Но не мо-

жет быть никакого успеха, если б с русской стороны было сделано предложение Порте отпустить христиан добровольно. Выпуск народа из государств делается обыкновенно по двум причинам: или когда государство переполнено жителями так, что земля прокормить не может, или в случае появления какой-нибудь ереси, когда выпуском или изгнанием еретиков хотят предупредить опасность для веры. Но в Турции области пусты, особенно Валахия и Молдавия; в первой, исключая Бухарест, только около 40000, а во второй, исключая Яссы, только до 25000 душ считается. Лучшего способа не нахожу, как чтобы желающие выселиться выходили в небольшом количестве, без огласки, неприметно, и при поселении перемешивать их с другими народами, и мне уже известно, что молдавский князь, открыв намерение переселиться, устроил заставы по Днестру. Впрочем, для наполнения Новой Сербии народом и чтоб в постройке для охраны этой страны крепостей убытка не было, не благоугодно ли будет вызвать бежавших из России раскольников, которыми наполнены многие превеликие деревни по польской границе и ниже по Днестру.

Мы видели, с каким напряженным вниманием следили в Петербурге за шведскими движениями, как ждали здесь опасного для русских интересов переворота по смерти королевской и готовились препятствовать ему вооруженною силою. В описываемое время туча рассеялась.

В начале 1751 года Панин уведомил свой двор, что ме-

дики и на одни сутки не ручаются за жизнь королевскую и что малолетний сын кронпринца Густав помолвлен на дочери датского короля. «Не без основания ожидать надобно, — писал Панин, — что это новое соединение двух дворов, которое производится французскою хитростью, просто не кончится одним мечтательным младенческим сговором, но, конечно, каждый двор будет стараться этим средством достигнуть своих дальнейших видов. Хотя здравомыслящая часть здешнего народа немного себе обещает выгоды из новых обязательств с датских дворов, да и вожди господствующей партии сами знают, как мало им можно полагаться на этот двор, однако они стараются уверить большинство, что Дания при всех случайностях будет действовать с Швециею заодно, чтоб положить пределы усилению России».

25 марта король умер рожею, окончившеюся антоновым огнем. На другой день Сенат, собравшись в комнаты покойного, приветствовал наследного принца королем, и граф Тессин прочел акт клятвенного обещания, который новый король подписал; обещание состояло в том, чтоб управлять по установленной форме и считать своими неприятелями и изменниками отечеству тех, которые будут под каким-либо видом стараться о восстановлении самодержавия. В то же утро граф Тессин пригласил к себе всех иностранных министров, назначивши Панину время часом ранее пред другими. Объявивши о восшествии на престол и присяге Адольфа-Фридриха, Тессин прибавил: «Хотя король не преминет

своеручною грамотою уверить ее императ. величество в своем полном признании ее высоких благодеяний, однако просит и вас предварительно удостоверить как ее величество, так и его высочество, своего ближнего родственника, в совершенной своей признательности и преданности, что не опустит ничего, что будет содействовать усилению доброй дружбы и тесного согласия между высокими дворами». Извещая об этом разговоре, Панин прибавляет: «Основательно можно сказать, что мудрое вашего императорского величества в здешних делах поведение достигло своей цели, ибо без этого такой точный акт обнадеживания при нынешнем случае не явился бы. Опыт показал, как прежде, особенно при окончании последнего сейма, при всяких делах мало заботились о напоминании правительственной формы и основных прав: так, в установленных тогда кавалерских присягах трех шведских орденов нет ни одного слова о национальной вольности и правах; всякий может понять, что настоящий поступок вынужден внешним страхом и нимало не соответствует принципам здешнего правительства или, лучше сказать, господствующей партии». Панин доносил, что новый король не имеет ни малейшей склонности к государственным делам, но все удовольствие поставляет в солдатских обрядах: каждый день пополудни, запершись в своем кабинете с некоторыми командами и офицерами, забавляется приведением в совершенство военной экзерции. «Я говорю забавляется, – писал Панин, – для того, что тут не о распро-

странении науки или искусства командующих генералов, но в единых мушкетных приемах упражняются, в чем уповательно и впредь большая часть его царствования обращаться будет, так что смело сказать возможно, что сей государь своею персоною не будет страшным соседом».

На извещение о смерти королевской Панин получил в ответ из Петербурга рескрипт, в котором императрица предписывала ему: «Нашим именем дайте знать, что нам весьма приятно было уведомиться о том, каким образом его величество король в начале своего государствования о своей признательности и преданности к нам и нашему племяннику предварительные уверения подать изволил, и что мы именно повелели вам наисильнейшим образом его величество уверить, что мы по толь ближнему свойству как прежде, так и ныне в благополучии его величества и в настоящем возвышении его в королевское достоинство совершенное и истинное участие имеем и равномерно с своей стороны все то поспешествовать охотно желаем, еже бы токмо к распространению доброй дружбы и тесного согласия обоих наших дворов служить могло. Впрочем, собою разумеется, что вам довольное примечание иметь надлежит на поведение и поступки нового короля и министерства: в каких сентиментах они пребудут в рассуждении нашего, тако ж и других дворов, и не возымеют ли тамошние дела иного виду, ибо король, по сие время коронным наследником и под руководством преданного Франции и Пруссии министерства будучи, хотя и не

имел к нашей стороне должной аттенции и соответственного нашим благодеяниям поведения, но, может быть, ныне, при совершенном достижении короны, которую он нашим старанием получил, одумается и внутренне побужден будет к нам свое признание возыметь и стараться между обоими дворами наилучшую дружбу и доброе согласие содержать, отчего мы с своей стороны не токмо не удалены, но и весьма бы того желали; яко же для того и вам при всяких случаях как с министерством, так и при дворе королевском хотя с потребною осмотрительностью, однако ж такое обхождение иметь надобно, как бы то наидружественного двора министру принадлежало, и по всякой возможности стараться короля к нашей стороне приласкать, а когда удобные случаи к тому подадутся, то как самому королю, так и министрам пристойным образом внушать, что свойство и собственный королевства Шведского интерес того требует, чтоб Швеция с нами предпочтительно другим державам в постоянной дружбе и добром согласии пребывала; и что она же всегда более от нас, нежели от других сторон, пользы себе ожидать может, а генерально притом и северный покой тем наилучше содержан быть имеет».

Панин передал эти заявления графу Тессину, и тот через несколько времени отвечал, что король слушал их с наичувствительнейшею радостью и что каждый день его царствования будет отмечен новым попечением не только просто отвечать чувствам императрицы, но истреблять малейшие остат-

ки подозрения насчет его чувств, подозрения, которое некогда внушено недоброжелательными людьми. Тессин уверял, что они не имеют ни малейшего сомнения в добрых расположениях императрицы, что подтверждается и декларациею Панина, и донесением шведского министра в Петербурге, который писал, что по поводу перемен в Швеции канцлер отозвался к нему очень благосклонно и откровенно. «Король, — кончил Тессин, — не преминет стараться своим поведением подкреплять точность и силу договоров между Россиею и Швециею. Нам о распространении земли своей помышлять нельзя; мы были бы счастливы, если б настоящую свою область настолько могли населить людьми, сколько пространство ее требует».

В начале июня страшный, небывалый трехдневный пожар испепелил Стокгольм. Отчаянный народ стал кричать о зажигателях, причем начало повторяться имя русского министра, ибо в толпе не знали о перемене отношений России к Швеции и недавно перед тем схвачен был финляндец Викман, ведущий переписку с русским посольством о состоянии Финляндии и о выборе в этой стране сеймовых депутатов. Панин отправился к Тессину, чтоб указать на ту крайность, до которой злонамеренные люди успели довести ненависть к русскому имени, и не время ли уже министерству обратить внимание на происходящую от того помеху укреплению дружбы, к которой показывается теперь столько готовности, и стараться о перемене направления в общественном мнени-

нии. Тессин отвечал, что он совершенно разделяет мысли Панина, и предложил ему, не хочет ли он по примеру французского посла иметь караул при своем доме. Панин отвечал, что караул ему вовсе не надобен, что он не имеет причины опасаться народного против себя возмущения и отдает справедливость народу, который действительно мог бы позволить себе какой-нибудь дерзкий поступок, если принять во внимание силу тех враждебных России внушений, какие делались людьми, стоящими выше черни. «Меня одно огорчает, — продолжал Панин, — что при моем личном расположении к Швеции и зная дружбу наших государей, с некоторого времени нахожусь принужденным видеть себя министром между четырех стен; чем ближе дела приходят к своему естественному состоянию, тем сильнее злые люди стараются марать меня в обществе и привели дело к тому, что каждый швед считает простую учтивость со мною государственным преступлением. Я говорю это не с тем, чтоб жаловаться или требовать какого-нибудь удовлетворения, но представляю вам это частным образом, зная вашу благонамеренность». Тессин отвечал обещанием стараться об уничтожении неприязненных к России внушений. Возвратясь после этого разговора домой, Панин не успел еще отобедать, как по всем площадям столицы раздались звуки труб: читали королевский указ, чтоб никто не смел под страхом смертной казни обвинять иностранных министров в зажигательстве.

Вслед за тем Панин донес о перемене положения швед-

ских партий: Сенат начал стремиться к усилению своей власти на счет королевской; главами этой сенатской партии были Гепкен, Пальмстерна и граф Гилленбург. Те же, которые не находили своего интереса в распространении сенатской власти и боялись, что приобретенные ими милости от двора останутся для них бесполезными, думали об устройстве противоположной партии; самым деятельным между такими людьми явился генерал-майор граф Ливен: он старался королевским именем составить партию из военных и из прежних *колпаков*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.